

ЛЕОНИД
ФИЛАТОВ

Счастливые дети

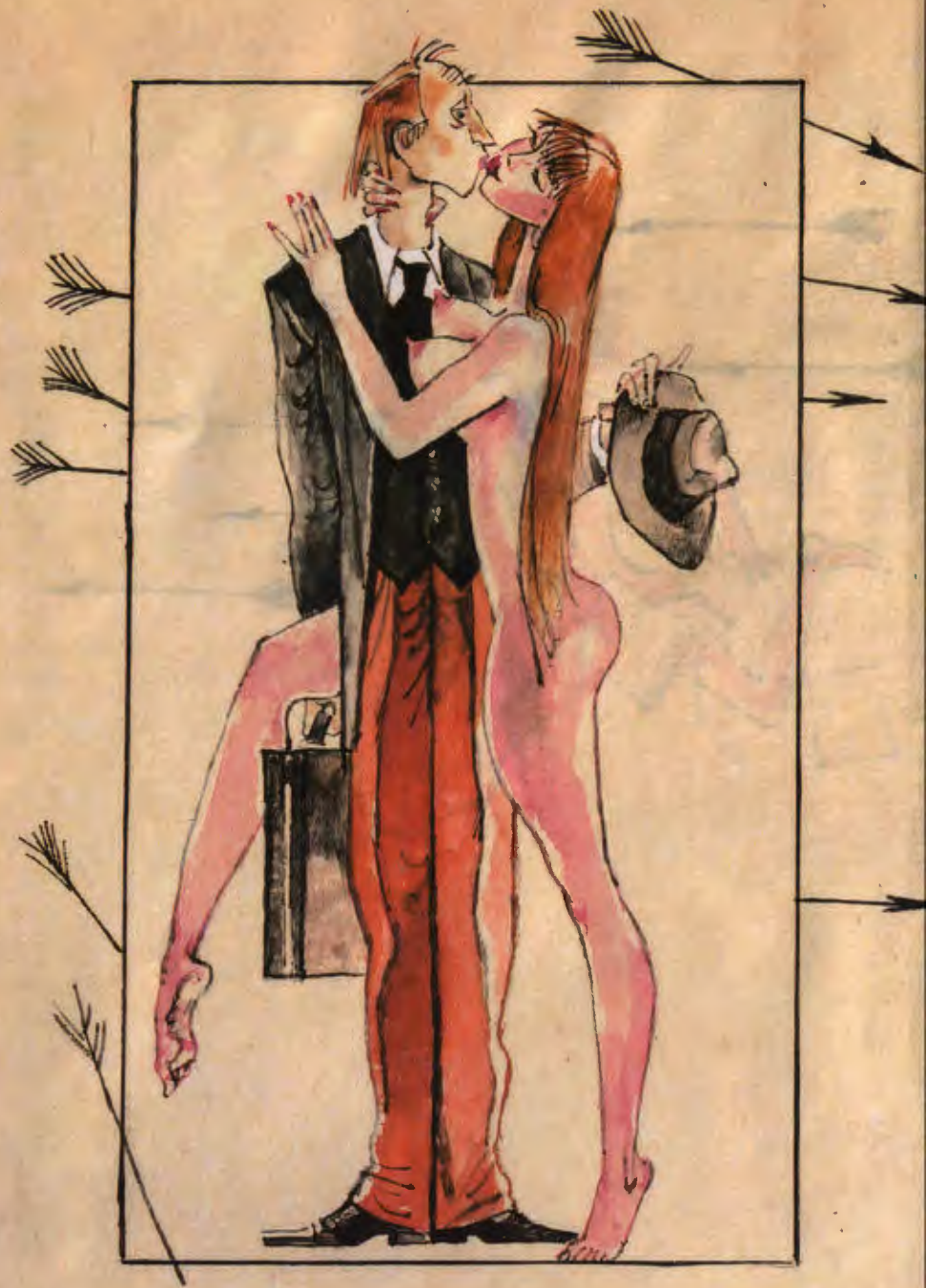

СТУЖИ, ПЕРЕК... ОДУЖИ,
ПЬЕСЫ, КИНО...

РАУ... ЛЮДИ... ЕТАР...
...О... С...

ЛЕОНИД ФИЛАТОВ

Серьёзные
дети

СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ, ПАРОДИИ,
ПЬЕСЫ, КИНОСЦЕНАРИИ

РИО ПФ «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
А/О «КВИНТА»
Москва ● 1992

ББК 84Р7-4
Ф51

Художник *В. ГАЛЬДЯЕВ*

Л. Филатов
Ф51 Сукины дети. Стихи, переводы, пародии, пьесы, ки-
носценарии.— М.: РИО ПФ «Красный пролетарий»,
1992.— 320 стр., ил.
ISBN 5-85197-001-4

В книгу вошли литературные произведения Леонида Филатова, написанные им в самые разные годы. Представляя различные жанры, они открывают многочисленным почитателям еще одну сторону удивительной одаренности этого популярнейшего актера и режиссера.

Ф 4702010106—15 Без объявл.
Ф55(03)—92

ББК 84Р7-4
Ф 51

ISBN 5-85197-001-4

© РИО ПФ «Красный пролетарий». 1992
© А/О «Квинта». 1992

СТИХИ И ПЕСНИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

УДАЧА

День закончен — и кисть до утра
Остывает светло и натруженно...
Головешкой ночного костра
В темноте догорает натурщица...

Я гляжу на законченный труд
И, как это случается издавна,
Понимаю, что новый этюд —
Это, в общем, не новая истина.

Но я счастлив, как юный жених,
И танцуется мне и хохочется:
Я сегодня остался в живых
На войне, именуемой творчество!..

Уцелевший, стою у холста,
Полный счастья, испуга, смятенья...

...Уважайте удачу, когда
Неудача была бы смертельна!..

1964

Э. Скляр

Неужто не гложет вас чувство вины,
Седые газетные олухи?..
Ведь это по вашей вине пацаны
Повально шагают в геологи...

Юнцам желторотым вас ставят в пример.
Какого-то дьявола ради!
Завидно вы врите, на южный манер,
Как старый пройдоха Саади.

Не лезьте в кумиры, прошу вас добром —
Сюда вам дороги закрыты!
Напрасно вы держите грудь колесом
И прячете радикалиты.

Я знаю, что только лихие пески
Виною болезням и бедам,
Но юные судьи вас примут в штыки,
Как только узнают об этом.

Узнают, что вам не противен уют,
Что лакомки вы и обжоры,
Что все вы женаты, и вам не дают
Курить деспотичные жены...

И все-таки вашей дорогой пойдут
Семнадцатилетние мальчики:
В их души заброшены и прорастут
Порочные зерна романтики!..

1964

АПЕЛЬСИНЫ ЦВЕТА БЕЖ

У окна стою я, как у холста:
Ах, какая за окном красота,
Будто кто-то перепутал цвета,
Третьяковку и Манеж...
Над Москвой горит зеленый восход,

По мосту идет оранжевый кот,
И лоточник у метро продает
Апельсины цвета беж.

А в троллейбусе мерцает окно,
Просто, знаете, цветное кино,
До чего же это, братцы, смешно —
Не узнать привычный мир!..
Этот негр из далекой страны
Так стесняется своей белизны,
И рубают рядом с ним пацаны
Фиолетовый пломбир.

И качает головой постовой,
Он сегодня огорошен Москвой,
Ни черта он не поймет, сам не свой,
Точно рыба на мели.
Я по улицам бегу, хохочу,
Мне любые чудеса по плечу,
Фонари свисают — ешь не хочу! —
Как бананы в Сомали.

1965

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Сверкающий очечками лукаво,—
Пред самым входом в кукольный театр —
Нас встретит добродушный папа Карло,
Наговорит приветственных тирад,

Как водится, предложит нам раздеться
И скажет: «Постарели?.. Не беда!..
Сегодня вы вернулись в ваше детство,
И пусть сегодня будет как тогда...

Оставьте здесь газеты и окурки
И сплетни о житейских пустяках...
(Старик великолепен в новой куртке
И в полосатых радужных чулках!..)

Берите все, что видите, на веру,
Рыдайте вслух и радуйтесь взахлеб,

А жизненного опыта химеру
На этот случай сдайте в гардероб!..»

Он все смешает — годы, дни и числа,
Он всех омолодит в один момент
И будет счастлив тем, что получился
Крамольно-озорной эксперимент.

Потом, как в детстве, радостен и светел,
Растает он в волшебном далеке...
Как в детстве... Но тогда я не заметил
Заштопанную дырку на чулке...

1965

ВИНТОВКА № 220339

Млел июнь. Томилось лето.
Но уже случилось э т о.
Срочно что-то, как-то, где-то надо было делать!..
Встал студент наизготовку,
Приложил к плечу винтовку
Номер двести двадцать тысяч триста тридцать
девять.

Педагог по диамату
Выдал нам по автомату —
Я узнал о нем потом, что он — майор запаса.
Уходили целым курсом,
Целый курс poleg под Курском.
Только Мишка Кузенков в Москве сидел, зараза.

Танька, что ты, как ты, где ты?..
Как другие факультеты?..
Я пишу тебе, Танек, уже из Будапешта.
Танька, жди меня, паскуда,
Я ведь жив еще покуда,
И хирурги говорят, что есть еще надежда!..

Млел июнь. Томилось лето.
Но уже случилось э т о.
Срочно что-то, как-то, где-то надо было делать...

Если скажут, что я помер,
То моей могилы номер —
Вспомни! — двести двадцать тысяч триста тридцать
девять.

1965

ДЮЙМ

...И, как всегда, была стена,
Стена из мертвого гранита.
Что за собой она хранила,
Что в толщах прятала она?..

Мысль билась зло и горячо,
Вгрызаясь в каменного монстра.
Но камень был сильнее мозга.
На дюйм. На целый дюйм еще!

И мысль проигрывала бой —
Ее на драку не хватало,—
И в череп шлепалась устало,
И ныла в черепе, как боль.

А умник долгие года
Переживал, зубами клацал:
Что за стеной — соседний карцер
Или ближайшая звезда?..

1965

ПОЛИЦАЙ

Горько плачет полицей —
Кулачище — в пол-лица:
Не таи обиды, Верка,
На папаню-подлеца.

Смотрят из-под кулака
Два гвоздочка, два зрачка...
Ох, и жутко в одиночку
Слушать вечером сверчка!..

Верещит в углу сверчок,
Верещит — и вдруг молчок!..
Ты себя, папаня, продал
За немецкий пяточок...

Помнишь, дождик моросил,
Ты кому-то все грозил,
Ты чего это такое
В желтом кáбуре носил?..

С крыши капает вода,
Забывается беда...
Помнишь Ольгиного Лешку —
Ты за что его тогда?..

Помнишь, осенью, в Литве,
Ты зарыл его в листве,
А потом с охальным делом
Приходил к его вдове?..

Водка зябнет на столе,
Ты опять навеселе...
Как ты слышишь, как ты дышишь,
Как ты ходишь по земле?..

Вот приходит месяц май,
О былом не поминай...
Помирай скорей, папаня,
Поскорее помирай...

1966

ИППОДРОМ

...Вот впереди, других сминая,
Сосредоточенно-смурная,
Несется лошадь, чуть дыша!..
Она летит по чьим-то судьбам,
И дребезжит ларьком посудным
Ее усталая душа...

А некто толстый и вспотевший
Азартно машет тубетейкой:

Мол, кто же первый, как не ты!..
Толпа и впрямь теряет шансы,
И разверзаются, как шахты,
До легких высохшие рты.

Она не знает, эта лошадь,
Зачем ей нужно облапошить
Своих зачуханных подруг,
Одно известно ей покуда:
Необходимо сделать чудо
И дотянуть последний круг!..

...Люблю пустые ипподромы,
Когда, неспешны и подробны,
Они вершат свои дела...
Жокей расседлывает лошадь
И, опасаясь потревожить,
Снимает нимб с ее чела...

1966

* * *

Как мокрый куст сирени, тяжела
Над станцией качалась тишина,
Густая и дремотная донельзя...
И вдруг — экспресс «Москва — Владивосток»
Взошел, как ослепительный росток
Из светового зернышка тоннеля!..

Экспресс, он эту ночь разворожил,
Как палкой угольки, разворошил
Взаимосвязь заборов, стен и кровель.
Прошла минута... И остыл тоннель...
И странным сгустком бликов и теней
Над станцией возник девичий профиль...

Но это в прошлом. А теперь пора
В один из понедельников с утра
Пересчитать накопленные даты
И, кроме добрых встреч и умных книг,
Подробнее припомнить некий миг,
Отмеченный неясностью утраты...

И сквозь валежник разных мелочей
Тот давний миг забрезжит, как ручей,
И тут уж не до сна тебе, философ!..
Уже зима. И на дворе мороз.
И под столом уютно дремлет пес,
Патлатый и седой, как Франц-Иосиф...

Но вот, не в силах сам себе помочь,
Ты все воспоминанья гонишь прочь,
А часовая стрелка целит в полночь...
Бессильна память. Бесполезна злость.
Одно понятно — что-то не сбылось,
Но что, когда и где — уже не вспомнишь...

1967

ГУРЗУФ

Светлеет море. Отступают страхи.
И можно услышать за три версты,
Как треснул ворот пушкинской рубахи
От хохота, стихов и духоты...

Минута — и луна в притихших травах,
В исполненный торжественности миг
Откроет, как провинциальный трагик,
Напудренный величественный лик.

Здесь все конкретно, крупно и несложно —
Из моря, скал и пляжного песка...
Здесь в истину поверить невозможно —
Настолько эта истина близка.

Зато дана возможность в этом мире
Все заново осмыслить и понять,
И вдруг, узнав, что дважды два четыре,
Впервые удивиться, что не пять!..

Ах, дважды два?.. Не может быть сомненья!..
Пусть так. Но здесь всегда бестактен тот,
Кто в этом пустяковом откровенье
Открытья для себя не признает.

Вот истина... Она подходит ближе...
Спешу всплеснуть руками, тугодум!
Здесь «дважды два» нуждается в престиже,
Как только что пришедшее на ум.

...А женщина глядит, не понимая...
Она в своем неведении права.
И я шепчу ей на ухо: «Родная!»
И каждый слог в отдельности: «Род-на-я!»
И медленно по буквам: «Р-о-д-н-а-я!»

...О Господи, какие есть слова!..

1967

КОМПРОМИСС

Я себя проверяю на крепость:
Компромиссы — какая напасть!
Я себя осаждаю, как крепость,
И никак не решаюсь напасть.

Не решаюсь. Боюсь. Проверяю.
Вычисляю, тревожно сопя,
Сколько пороху и провианту
Заготовил я против себя.

Но однажды из страшных орудий
Я пальну по себе самому,
Но однажды, слепой и орущий,
Задохнусь в непроглядном дыму...

И пойму, что солдаты побиты,
И узнаю, что проигран бой,
И умру от сознания победы
Над неверным самим же собой...

1967

ГУСАРСКИЙ МАРШ

Под причитанья полковых мамаш
Мы вынимаем нотные альбомы...
Расстреляны последние обоймы,
У нас в руках один гусарский марш!..

Мелодии игрушечных атак,
Мы вас берем сегодня на поруки.
Вас надо петь сурово и по-русски.
Сурово и по-русски. Только так.

Мы трубы, как винтовки, рвем с плеча,
Они режут тревожно и бессонно...
Сегодня мы хороним Гершензона.
Илюшу Гершензона. Трубача.

И пусть в степи, где пыль седым-седа,
Тот бравый марш казался неуместным,
Но мы его трубили всем оркестром
Отчаянней и громче, чем всегда.

И снова шли, не видя ничего,
И степь вокруг дымилась и шипела...
Мы не играли скорбный марш Шопена.
Мы не успели выучить его.

1967

МАДЬЯРСКАЯ КОРЧМА

Петру Везину

Не дьявол ли пошаливал,
Дома окрест пошатывал,
В печах среди зимы
Выветривал думы?

И речки заволаживал,
Да так, что замораживал
И скрадывал в горсти
Охотничьи костры?..

И вдруг — как око красное —
Январское, дикарское,
Ледком обведено,
Горит в ночи окно!

То сыром, то мадерою,
То скрипочкой мадыарскою
Вас потчует корчмарь,
Ядреный, как январь.

Покуда ночь не кончится,
Корчма жаровней корчится,
Плеща, как угли в снег,
Рыдания и смех.

Всё, что болело вечером,
То мы наутро вылечим.
Но утром тишина
Похмельно тяжела.

И где-то в снежных заметях,
Спокойным солнцем залитых,
За тыщей белых верст
Аукнет паровоз...

1968

ПРОВИНЦИАЛКА

А здесь ни наводнеья, ни пожара,
И так же безмятежна синева,
И под конюшни отдана хибара
С заносчивым названьем «СИНЕМА»...

О милый городок счастливых нищих,
Здесь жизнь всегда беспечна и легка...
И вдруг — печаль в распахнутых глазищах
Молоденькой жены зеленщика...

За кем бегут мальчишки и собаки,
Куда они спешат в такую рань?..
Столичный клоун в белом шапокляке
Опять приехал в вашу глухомань!..

Не ты ль его когда-то целовала —
С ума сойти! — и, кажется, при всех!
Моя любовь, моя провинциалка
Второй сезон замаливает грех.

Как ты была тогда неосторожна,
Как ты неосмотрительна была!..
Тебе его хохочущая рожа
И год спустя по-прежнему мила...

На нем все тот же фрак и та же пудра,
И он все так же нравится толпе...
Но — дуручка! — опять наступит утро,
И он уйдет, не вспомнив о тебе...

А утро будет зябким, как щекотка,
И заорут под ухом петухи,
И будут так нужны стихи и водка.
Стихи и водка. Водка и стихи.

Гляди, а твой супруг, смешон и жалок,
Сейчас преподнесет ему цветы!..
Похоже, что мужья провинциалок
Искусство ставят выше суеты...

1969

ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЛ ГОВОРИТЬ

...А началом явился испуг
От нечаянно хрустнувшей ветки...
И дремучий немислимый звук
Шевельнулся тогда в Человеке...

Человек начинал говорить!..
И, не в силах бороться с искусом,
Обнаружил великую прыть
В овладении этим искусством.

Он придумывал тысячи тем,
Упиваясь минутным реваншем.
Говори-и-ить! — А о чем и зачем —
Человеку казалось неважным.

Он смолкал по ночам, но и тут,—
Что ни утро,— в поту просыпаясь,
Он пугался безмолвных минут
И ничем не заполненных пауз.

Но однажды случилась беда...
Он влюбился и смолк в восхищенье...
И к нему снизошла немота
И свершила обряд очищенья...

Он притих, и разгладил чело,
И до боли прочувствовал снова
То мгновение, после чего
Станет страшно за первое слово...

1969

ПЕСЕНКА СТАРОГО ДУЭЛЯНТА

Бонжур, месье! Ну вот я вышел,
Покинув праздничный обед,—
В одной руке — кулечек вишен,
В другой — нескромный пистолет.

А день прекрасен и торжествен,
И нам стреляться — неужель?
Прошу прощения у женщин
За эту глупую дуэль.

Друзья не крикнут мне: куда ты?
Они суровы и честны.
И нервно стынют секунданты,
И громко тикают часы.

И жизнь моя уже конкретна
Для пистолетного огня,
И санитарная карета
За поворотом ждет меня.

И вскоре медики измерят
Мое холодное чело,
И жизнь тихонько мне изменит,
Но не изменит ничего.

Когда б вернул мне жизнь Всевышний
И вновь вручил мне пистолет,
Я б точно так же лопал вишни
И целил просто в белый свет!..

1969

* * *

Когда, обвенчанный с Удачей,
Я гордо шел от алтаря,
Народ сочувственно судачил,
Зазря, мол, все это, зазря...

Не верят!.. Так или иначе,
Но я на свадебном пиру:
«Удачи, родненький, удачи!» —
Себе отчаянно ору.

Но все верна воспоминанью,
Другому все еще верна,—
«Прости, соколик... Помираю...» —
Тихонько шепчет мне она.

И гость, поднявшийся для тоста,
Едва не расплескав вино,
В растерянности сел и просто
Добавил: «То-то и оно...»

1970

* * *

Я заметил, что за мной шпионят вещи,
Смотрят так многозначительно и вещи,
Будто молча обещают Страшный Суд,
Будто что-то и куда-то донесут.

По квартире пробираюсь воровато:
Значит, в чем-то я виновен, вероятно?

Вон часы. На прежнем месте. На стене.
Почему ж от них мурашки по спине?

Я неведением просто измочален.
Перестаньте шантажировать молчаньем!
Но молчит и улыбается в ответ
Холодильник, ироничный, как Вольтер...

1970

ПАМЯТЬ

Давай поглядим друг на друга в упор,
Довольно вранья.
Я — твой соглядатай, я — твой прокурор,
Я — память твоя.

Ты долго петлял в привокзальной толпе,
Запутывал след,
Но вот мы с тобою в отдельном купе,
Свидетелей нет.

Судьба мне послала бродить за тобой
До самых седин.
Ну, вот мы и встретились, мой дорогой,
Один на один.

Мы оба стареем: ты желт, как лимон,
Я лыс, как Сократ.
Забудь про милицию и телефон,
Забудь про стоп-кран.

Не вздумай с подножки на полном ходу
Нырнуть в темноту.
Мы едем с тобою не в Караганду
И не в Воркуту.

Чужие плывут за окном города,
Чужие огни.
Наш поезд отныне идет в Никуда,
И мы в нем одни.

...Как жутко встречать за бутылкой винца
Синюшный рассвет
И знать, что дороге не будет конца
Три тысячи лет...

1970

ВОЙНА

Что же это был за поход?..
Что же это был за народ?..
Или доброты в этот год
На планете был недород?..

Не поймет ни враг ваш, ни друг,
Как же это сразу и вдруг
Населенье целой страны
Выродилось в бешеных сук!..

Если вдруг чума, то дома́
Все-таки на прежних местах,
Если люди сходят с ума,
Все-таки не все и не так!..

Детям не поставишь в вину,
Что они играют в «войну»
И под словом «немец» всегда
Подразумевают страну.

Как же мы теперь объясним
Горьким пацаньятам своим,
Что не убивали детей
Братья по фамилии Гримм?

Что же это был за поход?..
Что же это был за народ?..
Или «жизнь» и «смерть» в этот год
Понимались наоборот?..

1972

МГНОВЕНИЕ ТИШИНЫ

В сошедшей с ума вселенной,
Как в кухне, среди корыт,
Мы глохнем от диксилендов,
Парламентов и коррид.

Мы всё не желаем верить,
Что в мире истреблена
Угодная сердцу ересь
По имени Тишина.

Нас тянет в глухие скверы,
Подальше от площадей,
Очищенные от скверны
Машин и очередей.

Быть может, тишайший гравий,
Скамеечка и жасмин —
Последняя из гарантий
Спасти этот бедный мир...

Неужто, погрязши в дрязгах,
Мы более не вольны
Создать себе общий праздник —
Мгновение тишины?..

Коротенькое, как выстрел,
Безмолвное, как звезда,—
И сколько б забытых истин
Услышали мы тогда!..

И сколько б Наполеонов
Замешкалось крикнуть «пли!»,
И сколько бы опаленных
Не рухнуло в ковыли...

И сколько бы пуль напрасных
Не вылетело из дул!..
И сколько бы Дам Прекрасных
Не выцвело в пошлых дур!..

И сколько бы наглых пешек
Узнало свои места!..
И сколько бы наших певчих
Сумело дожить до ста!..

Консилиумы напрасны.
Дискуссии не нужны.
Всего и делов-то, братцы,—
Мгновение тишины...

1972

ПРО КЛАВОЧКУ

Клавка — в струночку. Лицо белей бумаги.
И глядит — не понимает ничего.
А кругом — всё киномаги да завмаги
Да заслуженные члены ВТО!..

Что ни слово — Мастроянни да Феллини,
Что ни запись — Азнавур да Адамо!..
Так и сяк они крутили да финтили,
А на деле добивались одного...

Клабочка, вам водочки
Или помидорчик?
Клабочка, позвольте
Вас на разговорчик?
Как сомы под сваями,—
Вкруг твоей юбочки —
Крутятся да вертятся
Лысые мальчонки.

А снабженец — обаятельная личность
В дедероновом костюме цвета беж —
Обещал сообразить японский лифчик
И бесплатную поездку за рубеж.

Говорил ей, как он хаживал по Риму,
Как в Гонконге с моряками пировал...
Ой, глушили Клавку так, как глушат рыбу,—
Без пощады, чтобы враз и наповал!..

Клавочка, вам водочки
Или помидорчик?
Клавочка, позвольте
Вас на разговорчик?
Как сомы под сваями,—
Вкруг твоей юбчонки —
Крутятся да вертятся
Лысые мальчонки.

И сидел еще один лохматый гений,
Тот, которого «поймут через века»,—
Он все плакал возле Клавкиных коленей
И бессвязно материл Бондарчука.

Все просил и все искал какой-то сути,
Все грозился, что прочит целый свет,
А в конце вдруг объявил, что бабы — суки,
И немедленно отчалил в туалет.

Клавочка, вам водочки
Или помидорчик?
Клавочка, позвольте
Вас на разговорчик?
Как сомы под сваями,—
Вкруг твоей юбчонки —
Крутятся да вертятся
Лысые мальчонки.

Ну, а третий всё развешивал флюиды
Да косил многозначительно зрачком,
Намекал, что, мол, знаком с самим Феллини,
А по роже и не скажешь, что знаком.

Клавка мчится вкругаля, как чумовая,
Задыхаясь и шарахаясь от стен:
Друг Сличенко, сын Кобзона, внук Чухрая
И возлюбленный самой Софи Лорен!..

Клавочка, вам водочки
Или помидорчик?
Клавочка, позвольте
Вас на разговорчик?
Как сомы под сваями,—
Вокруг твоей юбчонки —

Крутятся да вертятся
Лысые мальчонки.

Клавка смотрит вопросительно и горько —
Ей не слышится, не дышится уже
В этом диком и цветном, как мотогонка,
Восхитительном и жутком кураже!..

Но опять шуршит под шинами дорога,
И мерцает дождевая колея...
Едет утречком на лекцию дуреха,
Ослепительная сверстница моя...

1973

ПИСЬМО СЕРГЕЮ ОБРАЗЦОВУ

Все мы куклы, Сергей Владимирович,
В нашей крохотной суете,
Но кому-то дано лидировать,
А кому-то плестись в хвосте.

И когда нам порой клинически
Изменяют чутье и такт,
Вы подергайте нас за ниточку,
Если делаем что не так.

Как Вы властвуете шикарно!
Нас — до черта. А Вы — один.
Вы — единственный папа Карло
Над мильёнами Буратин.

Если вдруг Вам от наших штучек
Станет грустно и тяжело,
Если вдруг Вам вконец наскучит
Ваше трудное ремесло

Или если Вам станет тошно
От кучумов и держиморд,
Вы отдайте нас всех лоточнику
И закройте мир на ремонт!

Но покамест Вам аплодируют
Хоть один-два-три пацана,—

Вы держитесь, Сергей Владимирович,
Потому что без Вас — хана!..

1974

ДВОР

Вечером мой двор угрюмо глух,
Смех и гомон здесь довольно редки,—
Тайное правительство старух
Заседает в сумрачной беседке.

Он запуган, этот бедный двор,
Щелк замка — и тот, как щелк затвора.
Кто знавал старушечий террор,
Согласится,— нет страшней террора.

Пропади ты, чертова дыра,
Царство кляуз, плесени и дуста!..
Но и в мрачной пропасти двора
Вспыхивают искры вольнодумства.

Якобинским флагом поутру
Возле той же старенькой беседки
Рвутся из прищепок на ветру
Трусикки молоденькой соседки!..

1974

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Еще вчера,— как снимок дилетанта,—
Осенний день расплывчат был и слеп,
А нынче скрупулезно и детально
Его дорисовал внезапный снег.

Еще вчера проступки цвета саж
И прегрешений серые мазки
Казались органичными в пейзаже
Чумазой и расхристанной Москвы.

А нынче смотрим в окна с изумленьем —
Весь мир присыпан белым на вершок!..
И кажется чернейшим преступленьем
Вчерашний незатейливый грешок.

Белым-бело!.. И в этом белом гимне
Приходит к нам, болезненно остра,
Необходимость тут же стать другими,
Уже совсем не теми, что вчера.

Как будто Бог, устав от наших каверз,
От слез и драк, от кляуз и нытья,—
Возвел отныне снег, крахмал и кафель
В разряд святых условий бытия.

И кончились бои, и дразги стихли,
И тишина везде вошла в закон,
Как результат большой воскресной стирки
Одежд, религий, судебных и знамен...

1975

ИЮЛЬ 80-го

Памяти Владимира

И кому теперь горше
От вселенской тоски —
Машинисту из Орши,
Хипарю из Москвы?..

Чья страшнее потеря —
Знаменитой вдовы
Или той, из партера,
Что любила вдали?..

Чья печаль ощутимей —
Тех, с кем близко дружил,
Иль того со щетиной,
С кого списывал жизнь?..

И на равных в то утро
У таганских ворот
Академик и урка
Представляли народ.

1980

ЗАПИСКА НА МОГИЛУ

Он замолчал. Теперь он ваш, потомки.
Как говорится, «дальше — тишина».
...У века завтра лопнут перепонки —
Настолько оглушительна она.

1980

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Памяти ушедших товарищей

О високосный год, проклятый год!
Как мы о нем беспечно забываем
И доверяем жизни хрупкий ход
Все тем же самолетам и трамваям.

А между тем в злосчастный этот год
Нас изучает пристальная линза,
Из тысяч лиц — не тот, не тот, не тот —
Отдельные выхватывая лица.

И некая верховная рука,
В чьей воле все кончины и отсрочки,
Раздвинув над толпою облака,
Выкрадывает нас поодиночке.

А мы бежим, торопимся, снуем —
Причин спешить и впрямь довольно много —
И вдруг о смерти друга узнаем,
Наткнувшись на колонку некролога.

И, стоя в переполненном метро,
Готовимся увидеть это въяве:
Вот он лежит. Лицо его мертво.
Вот он в гробу. Вот он в могильной яме...

Переменив прописку и родство,
Он с ангелами топчет звездный гравий,
И все, что нам осталось от него,—
Полдюжины случайных фотографий.

Случись мы рядом с ним в тот жуткий миг —
И смерть бы проиграла в поединке...
Она б взяла его за воротник,
А мы бы уцепились за ботинки.

Но что тут толковать, коль пробил час!
Слова отныне мало что решают,
И, сказанные десять тысяч раз,
Они друзей — увы! — не воскрешают.

Ужасный год!.. Кого теперь винить?
Погоду ли с ее дождем и градом?
...Жить можно врозь. И даже не звонить.
Но в високосный будь с друзьями рядом.

1980

СУЕТА СУЕТ

Все куда-то я бегу,—
На душе темно и тошно,
У кого-то я в долгу,
У кого — не помню точно.

Все труднее я дышу,
Но дышу — не умираю,
Все к кому-то я спешу,
А к кому — и сам не знаю.

Ничего, что я один,
Ничего, что я напился,
Где-то я необходим, •
Только адрес позабылся.

Ничего, что я, сопя,
Мчусь по замкнутому кругу,—
Я придумал для себя,
Что спешу к больному другу.

Опрокинуться в стогу,
Увидать Кассиопею,—
Вероятно, не смогу,
Вероятно, не успею...

1983

* * *

В пятнадцать лет, продутый на ветру
Газетных и товарищеских мнений,
Я думал: «Окажись, что я не гений,—
Я в тот же миг от ужаса умру!..»

Сядясь за стол, я чувствовал в себе
Святую безоглядную отвагу,
И я марал чернилами бумагу,
Как будто побеждал ее в борьбе!

Когда судьба пробила тридцать семь
И брезжило бесславных тридцать восемь,
Мне чудилось — трагическая осень
Мне на чело накладывает тень.

Но, точно вызов в суд или в собес,
К стеклу прижался желтый лист осенний,
И я прочел на бланке: «Ты не гений!» —
Коротенькую весточку с небес.

Я выглянул в окошко — ну нельзя ж,
Чтоб в этот час, чтоб в этот миг ухода
Нисколько не испортилась погода,
Ничуть не перестроился пейзаж!

Все было прежним. Лужа на крыльце.
Привычный контур мусорного бака.
И у забора писала собака
С застенчивой улыбкой на лице.

Все так же тупо пялился в окно
Знакомый голубь, важный и жеманный...
И жизнь не перестала быть желанной
От страшного прозренья моего!..

1984

* * *

О, не лети так, жизнь!..
Слегка замедли шаг.
Другие вон живут,
Неспешны и подробны,
А я живу, мосты,
Вокзалы, ипподромы
Промакхивая так,
Что только свист в ушах!..

О, не лети так, жизнь!..
Мне сорок с лишним лет.
Позволь перекурить
Хотя б вон с тем пьянчужкой.
Не мне, так хоть ему
Немного посочувствуй,—
Ведь у него, поди,
И курева-то нет!..

О, не лети так, жизнь!..
Мне важен и пустяк.
Вот город, вот театр,
Дай прочитать афишу,
И пусть я никогда
Спектакля не увижу,
Зато я буду знать,
Что был такой спектакль!..

О, не лети так, жизнь!..
Я от ветров рябой.
Позволь мне этот мир
Как следует запомнить,

А если повезет,
То даже и заполнить
Хоть чьи-нибудь глаза
Хоть сколь-нибудь собой!..
О, не лети так, жизнь!..
На миг, но задержись!..
Уж лучше ты меня
Калечь, пытай и мучай,
Пусть будет все: болезнь,
Тюрьма, несчастный случай,—
Я все перенесу,
Но не лети так, жизнь!..

1986

ПУЩИН ЕДЕТ К ПУШКИНУ

Как от бешеной погони,
Как от лютого врага —
Мчатся взмыленные кони
Прямо к черту на рога!..

Мчатся кони что есть силы
Вдоль селений и столиц —
Нет шлагбаума в России,
Чтобы их остановить!..

Скоро ветер станет тише,
И спадет ночная мгла,
И вдали забрезжат крыши
Долгожданного села...

Выйдет Пушкин, тощ и молод,
На скрипучее крыльцо,
Опрокинет в синий холод
Сумасшедшее лицо...

Что за гость — почует сердцем,
И затеет звонкий гам,
И рванет к нему, как сеттер,
По нетронутым снегам!..

И в глуши далекой ссылки
Беспечально и легко
Вдруг засветятся бутылки
Петербургского клико!..

Но покамест цель далече,
Холод лют и ветер крут,
И приблизить время встречи
Может только резвый кнут...

Мчатся кони в чистом поле —
Мрак и вьюга — всё не в счет!..
Эй, ямщик, заснул ты, что ли,
Пошевеливайся, черт!..

РЕВНУЮТ К ПУШКИНУ

— Неужто этот ловелас
Так сильно действует на вас,
Святая простота?

— О да, мой друг, о да!..

— Но он же циник и позер,
Он навлечет на вас позор
И сгинет без следа!..

— О да, мой друг, о да!..

— И, зная это, вы б смогли
Пойти за ним на край Земли,
Неведомо куда?..

— О да, мой друг, о да!..

— Но я же молод и умен,
Имею чистыми миллион
И нравом хоть куда!..

— О да, мой друг, о да!..

- И все же мне в который раз
Придется выслушать отказ,
Сгорая от стыда?..
- О да, мой друг, о да!..
- Ну что ж, посмотрим, кто есть кто,
Годков примерно через сто,—
Кто прах, а кто звезда!..
- О да, мой друг, о да!..

ДУЭЛЬ

Итак, оглашены
Условия дуэли,
И приговор судьбы
Вершится без помех...
А Пушкин — точно он
Забыл о страшном деле —
Рассеянно молчит
И шуруется на снег...

Куда ж они глядят,
Те жалкие разини,
Кому, по их словам,
Он был дороже всех,
Пока он тут стоит,
Один во всей России,
Рассеянно молчит
И шуруется на снег...

Мучительнее нет
На свете наказанья,
Чем видеть эту смерть,
Как боль свою и грех...
Он и теперь стоит
У нас перед глазами,
Рассеянно молчит
И шуруется на снег...

Пока еще он жив,
Пока еще он дышит,—
Окликните его,
Пусть даже через век!..
Но — будто за стеклом —
Он окликов не слышит,
Рассеянно молчит
И шуруется на снег...

ДАНТЕС

Он был красив, как сто чертей,
Имел любовниц всех мастей,
Любил животных и детей
И был со всеми мил...
Да полно, так ли уж права
Была жестокая молва,
Швырнув вослед ему слова:
«Он Пушкина убил?!»

Он навсегда покинул свет,
И табаком засыпал след,
И даже плащ сменил на плед,
Чтоб мир о нем забыл...
Но где б он ни был — тут и там
При нем стихал ребячий гам
И дети спрашивали: «Мам,
Он Пушкина убил?»

Как говорится, все течет,
Любая память есть почет,
И потому — на кой нам черт
Гадать, каким он был?..
Да нам плевать, каким он был,
Какую музыку любил,
Какого сорта кофий пил,—
Он Пушкина убил!..

МИХАЙЛОВСКОЕ

Поэты браконьерствуют в Михайловском,
Капканы расставляют и силки,

Чтоб изловить нехитрой той механикой
Витающие в воздухе стихи.

Но где ж они, бактерии вдохновения,
Неужто не осталось ничего?
Пошарьте-ка в чернильнице у гения
Да загляните в шлепанцы его!..

Ищите же, спешите же, усердствуйте,
Дышите глубже, жители столиц,
Затем, чтоб каплю пушкинской эссенции
В своих разбойных легких растворить!

А впрочем, разглядим их в новом качестве,
Оставив обличительный трезвон:
Ей-богу, в их как будто бы чудачестве
Есть свой — весьма трагический — резон!

Всю жизнь они потели от усердия,
Хватая друг у друга черпаки,
А вот теперь им хочется бессмертия,
Щепотку ирреальной чепухи!..

Назначенные временно великими,
Они в душе измученной таят
Тоску по сверхтаинственной религии,
Религии по имени т а л а н т.

И хоть они публично почитаемы
За их, как говорится, трудодни,—
Они никем на свете не читаемы
За исключением собственной родни.

И хоть у них, певцов родной истории,
Сияет финский кафель в нужниках,—
Им сроду не собрать аудитории
В родном дворе, не то что в Лужниках.

И хоть начальство выдало по смете им
От общих благ изрядную щепоть,—
Им вскоре стало ясно, что бессмертием
Заведует не Суслов, а Господь!..

Кто в этом виноват — судьба ли грешница,
Начальство ли, иль собственный нефарт,—
Но им теперь во сне такое грезится,—
В былое время хлопнул бы инфаркт! —

Что все они в джинсовом ходят рублище
И каждый весел, тощ и бородат,
Что их стихи отважные до грубости
Печатает один лишь самиздат.

Что нет у них призов и благодарностей,
Тем более — чинов и орденов,
И что они — не мафия бездарностей,
А каждый — одарен и одинок!

Поэты браконьерствуют в Михайловском,
И да простит лесничий им грехи!..
А в небесах неслышно усмеваются
Летучие и быстрые стихи!..

Они свистят над сонными опушками,
Далекие от суетной муры,
Когда-то окольцованные Пушкиным,
Не пойманные нами с той поры!..

1988

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Ему какой уж месяц нет письма,
А он меж тем не ленится и пишет.
Что сообщить?.. Здоровьем он не пышет,
И это огорчительно весьма.

Он занемог и кашлял целый год,
Хвала его тобольской дульцинее:
Он мог бы захворать еще сильнее,
Когда б не своевременный уход.

Но что он о себе да о себе,
Унылый пимен собственных болезней!
Куда важней спросить,— да и полезней! —
Что слышно у собратьев по судьбе!

Как друг наш N.?.. Прощен ли за стихи?..
Он числился у нас в дантонах с детства!..
(N. поступил на службу в министерство,
Публично осудив свои грехи).

Как буйный R.?.. Все так же рвется в бой?..
О, этого не сломит наказание!
(R. служит губернатором в Казани,
Вполне довольный жизнью и собой).

А как там K.?.. Все ходит под мечом?..
Мне помнится, он был на поселенье!..
(K. взят на службу в Третье отделение
Простым филером, то бишь стукачом).

Как вам не позавидовать, друзья,
Вы пестуете новую идею.
Тиран приговорен. Ужо злодею!
Зачеркнуто. Про то писать нельзя.

Однако же ему не по себе.
В нем тоже, братцы, кровь, а не водица.
Он тоже мог бы чем-то пригодиться,
Коль скоро речь заходит о борьбе!

Таких, как он, в России не мильён,
И что же в том, что он немного болен?
В капризах тела, точно, он не волен,
Но дух его по-прежнему силен.

Он пишет им, не чуя между тем,
Что век устал болтать на эту тему.
Нет добровольцев бить башкой о стену,
Чтоб лишний раз проверить крепость стен.

Все счастливы, что кончилась гроза!..
...А он, забытый всеми, ждет ответа,
Тараша в ночь отвыкшие от света
Безумные навывкате глаза...

1988

ПЕНСИОНЕРЫ

Сидят на дачах старенькие ВОХРЫ
И шуряют на солнце сквозь очки,
Послушаешь про них — так прямо волки,
А поглядишь — так ангелы почти.

Их добрые глаза — как два болотца —
Застенчиво мерцают из глазниц,
В них нет желанья с кем-нибудь бороться,
В них нет мечты кого-нибудь казнить.

Они не мстят, не злятся, не страшат,
Не обещают взять нас в оборот,—
Они великодушно нам прощают
Все камни в их увядший огород.

Да, был грешок... Такое было время...
И Сталин виноват, чего уж там!..
Да, многих жаль... И жаль того еврея,
Который оказался Мандельштам...

Послушать их — и сам начнешь стыдиться
За слов своих и мыслей прежний сор:
Нельзя во всех грехах винить статиста,
Коль был еще и главный режиссер.

...Но вдруг в глазу, сощуренном нестрога,
Слезящемся прозрачной милотой,
Сверкнет зрачок, опасный; как острога.
Осмысленный. Жестокий. Молодой.

И в воздухе пахнет козлом и серой,
И загустеет магмою озон,
И радуга над речкой станет серой,
Как серые шламбаумы у зон.

Собьются в кучу женщины и дети.
Завоют псы. Осыплются сады.

И жизнь на миг замрет на белом свете
От острого предчувствия беды.

По всей Руси — от Лены и до Волги —
Прокатятся подземные толчки...

...Сидят на дачах старенькие ВОХРы
И шурятся на солнце сквозь очки...

1987

АНОНИМЩИКАМ

Пошла охота, знать, и на меня —
Все чаще анонимки получаю...
Я всем вам, братцы, оптом отвечаю,
Хотя и знаю ваши имена.

Какой опоены вы беленой,
Какой нуждой и страстью вы гонимы,
Сидящие в засаде анонимы,
Стократно рассекреченные мной?..

С какой «великой» целью вы в ладу,
Когда часами спорите в запале,
Попали вы в меня иль не попали
И, если — да, когда ж я упаду?..

Но если даже я и упаду
И расколюсь на ржавые запчасти,
То чье я обеспечу этим счастье
И чью я унесу с собой беду?..

Вот снова пуля срезала листву
И пискнула над ухом, точно зуммер.
А я живу. Хвораю, но не умер.
Чуть реже улыбаюсь, но живу.

Но — чтобы вы утешились вполне
И от трудов чуток передохнули —
Спешу вам доложить, что ваши пули —
От первой до вчерашней — все во мне.

Не то чтоб вы вложили мало сил,
Не то чтоб в ваших пулях мало яда,—
Нет, в этом смысле все идет как надо,
Но есть помеха — мать, жена и сын.

Разбуженные вашей пальбой,
Они стоят бессонно за плечами, —
Три ангела, три страха, три печали,
Готовые закрыть меня собой.

Я по врагам из пушек не луплю,
Не проявляюсь даже в укоризне,
Поскольку берегу остаток жизни
Для них троих, для тех, кого люблю.

И ненависти к вам я не таю,—
Хоть вы о ней изрядно порадели! —
Вы не злодеи, вы — жрецы идеи,
Нисколько не похожей на мою.

А кто из нас был кролик, кто — питон,
Кто жил попыткой веры, кто — тщетою,—
Все выяснится там, за той чертою,
Где все мы, братцы, встретимся потом...

1987

БАЛЛАДА О ТРУДЕ, ИЛИ ПАМЯТИ ГРАФОМАНА

Скончался скромный человек
Без имени и отчества,
Клиент прилежнейший аптек
И рыцарь стихотворчества.

Он от своих булыжных строк
Желал добиться легкости.
Была бы смерть задаче впрок —
И он бы тут же лег костями.

Хоть для камней имел Сизиф
Здоровье не железное,

Он все ж мечтал сложить из них
Большое и полезное.

Он шел на бой, он шел на риск,
Он — с животом надорванным —
Не предъявлял народу иск,
Что не отмечен орденом.

Он свято веровал в добро
И вряд ли бредил славою,
Когда пудовое перо
Водил рукою слабою.

Он все редакции в Москве
Стихами отоваривал,
Он приносил стихи в мешке
И с грохотом вываливал.

Валялись рифмы по столам,
Но с примесью гарнирной —
С гранитной пылью пополам
И с крошкой гранитною.

В тот день, когда его мослы
Отправили на кладбище,
Все редколлегии Москвы
Ходили, лбы разгладивши.

Но труд — хоть был он и не впрок! —
Видать, нуждался в отзвуке,—
И пять его легчайших строк
Витать остались в воздухе...

Поэт был нищ и безымян
И жил, как пес на паперти,
Но пять пылинок, пять семян
Оставил в нашей памяти.

Пусть вентилятор месит пыль,
Пусть трет ее о лопасти —
Была мечта, а стала быть:
Поэт добился легкости!

Истерты в прах сто тысяч тонн
Отменного булыжника,
Но век услышал слабый стон
Бесславною подвижника.

Почил великий аноним,
Трудившийся до одури...
...Снимите шляпы перед ним,
Талантливые лодыри!..

1988

МОТИВ АТИЛЛЫ ЙОЖЕФА

Когда душа
Во мраке мечется, шурша,
Как обезумевшая крыса, —

Ищи в тот миг
Любви спасительный тайник,
Где от себя возможно скрыться.

В огне любви
Сгорят злосчастия твои,
Всё, что свербило и болело,

Но в том огне
С проклятой болью наравне,
Имей в виду, сгорит и тело.

И если ты
Платить не хочешь горькой мзды
И от любви бежишь в испуге —

Тогда живи,
Как жалкий зверь, что акт любви
Легко справляет без подруги.

Пусть ты сожжен,
И всё ж — хоть мать пытай ножом! —
Покой души в любви и вере.

Но та, к кому
Я шел сквозь холод, грязь и тьму,
Передо мной закрыла двери.

И боль во мне
Звонит цикадой в тишине,
И я глушу ее подушкой,—

Так сирота
С гримасой плача возле рта
Бренчит дурацкой погремушкой.

О, есть ли путь,
Чтоб можно было как-нибудь
Избавить душу от смятенья?..

Я без стыда
Казнил бы тех, чья красота
Для окружающих смертельна!..

Мне ль, дикарю,
Носить пристойности кору,
Что именуется культурой?..

Я не хочу
Задаром жечь любви свечу
Перед божественною дурой!..

Дитя и мать
Вдвоем обязаны орать —
Всегда двоим при родах больно!

Во тьме дворов,
Рожая нищих и воров,
Вы, женщины, орите: больно!

В чаду пивных,
Стирая кровь с ножей хмельных,
Вы, мужики, орите: больно!

И вы, самцы,
Уныло тиская соски,
Постылых баб, орите: больно!

И вы, скопцы,
Под утро вешаясь с тоски
На галстуках, орите: больно!

Ты, племя рыб,
С крючком в губе ори навзрыд,
Во все немое горло: больно!

Моя же боль
Сильней означенной любовью,
Ее одной на всех довольно.

И тот из вас,
Кто ощутит ее хоть раз,
Узнает, что такое «больно»!

Ты, майский жук,
Что прынул точно под каблук,
Всем малым тельцем хрустни: больно!

Ты, добрый пес,
Что угодил под паровоз,
Кровавой пастью взвизгни: больно!

Пусть адский хор,
Растущий, как лавина с гор,
Ворвется грозно и разбойно

К ней в дом — и там,
Бродя за нею по пятам,
Орет ей в уши: очень больно!

И пусть она,
Разбита и оглушена,
Поймет среди орущей бойни,

Что не любви
Пришел просить я, весь в крови,
А лишь спасения от боли...

СТИХИ И ПЕСНИ
ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ
И КИНОФИЛЬМОВ

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «МАРТИН ИДЕН»

(По мотивам произведений Джека Лондона)

БАЛЛАДА ОБ УПРЯМСТВЕ

Я с детства знал, что я моряк,
Мне снились мачты и маяк,
Родня решила: он маньяк,
Но время пыл его остудит...
Мне дед сказал: да будет так!
А я ответил: так не будет!

В одной из жутких передряг
Наш бриг вертело, как ветряк,
И кок, пропойца и остряк,
Изрек, что качка нас погубит...
Мне кок сказал: да будет так!
А я ответил: так не будет!

Врачи вертели так и сяк
Мой переломанный костяк,
И про себя подумал всяк:
Отныне плавать он забудет...
Мне врач сказал: да будет так!
А я ответил: так не будет!

Меня одели в черный фрак
И погрузили в душный мрак,
И поп сказал, не будь дурак:
Одной душой в раю прибудет...
Весь мир сказал: да будет так!
А я ответил: так не будет!

Господь смутился: как же так?..
Ну, коль он так... ну, раз он так...
То пусть он — так его растак! —
Живет и в здравии пребудет...
Господь сказал: да будет так!
А я ответил: так и будет!..

МОЛИТВА МОРЯКА

Жизнь на суше всегда опасна,
А особо — для моряка.
Здесь без карты и без компаса
Пропаду я наверняка.

Не убьет меня малярия,
Не погибну я от цинги...
Пресвятая дева Мария,
Ты на суше мне помоги!..

Я с драчливыми не был хлипок,
Если злость им кривила рты...
Но спаси меня от улыбок,
От смертельной их доброты.

Где свои тут, а где чужие,
Где друзья тут, а где враги?..
Пресвятая дева Мария,
Ты на суше мне помоги!..

Я не мчался к тебе с обидой,
Если видел кругом ножи...
Но спаси меня от любимой,
От ее беспощадной лжи.

Ведь не зря с сотворенья мира
Тебе молятся моряки...
Пресвятая дева Мария,
Не оставь меня, помоги!..

ПРОСТИТЕ, МИСС!..

Повеял с моря легкий бриз,
И сердце бьет тревогу...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но мне пора в дорогу!..

Бродить по свету — мой девиз,
Штурвал — моя отрада...
Простите, мисс,

Простите, мисс,
Но ждать меня не надо!..

Вы говорите мне: стремись
К признанию и почету...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но мне они ни к черту!..

Мне дорог каждый ваш каприз
И ваши ласки — тоже...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но море мне дороже!..

Я не пойду на компромисс
Спокойствию в угоду...
Простите, мисс,
Простите, мисс,
Но я люблю свободу!..

ПЕСЕНКА О ВОЗВРАЩЕНИИ

Испытавший в скитаньях и стужу и зной,
Изнемогший от бурь и туманов,—
Я приеду домой,
Я приеду домой,
Знаменитый, как сто магелланов.

Ах ты, Боже ты мой,
Ах ты, Боже ты мой,
Наконец я вернулся домой!..

И потянется к дому цепочкой родня,
Не решаясь промолвить ни слова,—
Поглядеть на меня,
Поглядеть на меня,
На богатого и пожилого.

Ах ты, Боже ты мой,
Ах ты, Боже ты мой,
Наконец я вернулся домой!..

Я открою оранжевый свой чемодан,
Весь в наклейках портовых гостиниц,
И для каждого там,
И для каждого там
Отыщу персональный гостинец.

Ах ты, Боже ты мой,
Ах ты, Боже ты мой,
Наконец я вернулся домой!..

Под мерцанием чьих-то восторженных глаз
Я предамся хмельному разгулу
И затею рассказ,
И затею рассказ
Про последний свой рейс в Гонолулу.

Ах ты, Боже ты мой,
Ах ты, Боже ты мой,
Наконец я вернулся домой!

Но когда, насладившись вниманьем вполне,
Я замечу, взглянув наудачу,
Паутинку в окне,
Паутинку в окне,—
Я очнусь, наконец, и заплачу...

Ах ты, Боже ты мой,
Ах ты, Боже ты мой,
Наконец я вернулся домой!..

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «ТЕАТР КЛАРЫ ГАЗУЛЬ»

(По мотивам произведений Проспера Мериме)

ПРОЛОГ

Пролог перед пьесой — пустые слова,
И все же — пред тем, как начать представленье,—
Хочу, чтоб у вас создалось представленье
О главной причине сего торжества.

Уж больше полутора с лишним веков
Умчалось с того отдаленного мига,
Когда родилась эта мудрая книга
И стала пособием для остряков.

Вы спросите с хитрой смешинкой в глазу,
Почувяв обманчивый запах интриги:
Скажите, а правда ль, что автором книги
Является некая Клара Газуль?..

Да как ты ее ни зови,— о-ля-ля! —
Она, безусловно, достойная дама,
Поскольку решалась отважно и прямо
Нацелить стрелу в самого короля!..

И как ни глазаст королевский патруль,—
Пришлось и ему удрученно сознаться,
Что легче найти говорящего зайца,
Чем эту проклятую Клару Газуль!..

А нынче в любой благородной семье
Любому ребенку известно от века,
Что Клара Газуль — псевдоним человека,
Которого звали Проспер Мериме!..

БРОДЯЧИЙ ТЕАТР

Цветные лохмотья
На солнце пестрят,—
Кочует по свету
Бродячий театр!..

За честность и смелость,
За ум и талант —
Поклон тебе низкий,
Бродячий театр!..

Напрасно зануды
Упрямо твердят,
Что нынче не в моде
Бродячий театр!..

От этих унылых
И глупых тирад
Ничуть не стареет
Бродячий театр!..

На троне сменяет
Тирана тиран,
Но не умирает
Бродячий театр!..

Я знаю, вовеки
Не выйдет в тираж
Мой старый товарищ,
Бродячий театр!..

ПЕСЕНКА КЛАРЫ ГАЗУЛЬ

Ни стрела, ни рапира, ни пуля
Не смущали лихого Газуля —
В нем текла мавританская кровь.
Но не знал простодушный бедняга,
Что мужчин не спасает отвага
Там, где их атакует любовь.

Как-то, мчась на коне спозаранку,
Он увидел в предместье цыганку —

Краше нету на целой Земле.
Черноглазая, точно косуля,
Та сверкнула зрачком на Газуля,
И Газуль покачнулся в седле.

Было б глупостью думать, однако,
Будто этот отважный рубака
Превратился от робости в нуль,—
Как-никак при его соучастье
Вы сегодня имеете счастье
Познакомиться с Кларой Газуль!..

ПЕСЕНКА МОНАХА

О, если суждено мне быть в аду,—
А так оно и будет, уж поверьте! —
То, как бы не бесчинствовали черти,
Я в худший ад уже не попаду!..
Любовь порой куда страшнее смерти!..

О, если вы кивнете мне в ответ,—
А я мечтать об этом не устану! —
То я при всех сожгу свою сутану
И громко заявлю, что Бога нет!..
Конец религиозному дурману!..

О, если будет так, как я хочу,—
А все ли будет так, хотел бы знать я!..—
То я вас вместо нищенского платья
Одену в бриллианты и парчу!..
Откройте ж мне желанные объятья!..

О, если вы решитесь стать моей,—
А долго вы продержитесь едва ли! —
То я вас увезу в такие дали,
Где нету бедняков и королей!..
Ударим же по ханжеской морали!..

ПЕСЕНКА КОРОЛЯ

Король вас может сделать
Всесильным богачом,
И все на этом свете
Вам будет нипочем!

Но если вы отпетый
Повеса и бездельник
И если вас прельщают
Игорные дома,—
Король вам может выдать
Любую сумму денег,
Но вряд ли он сумеет
Прибавить вам ума!..

Король вас может сделать
Военным трубачом,
И все на этом свете
Вам будет нипочем!

Но если вы боитесь
Расстаться с одеялом
И если вас пугает
Мечей и сабель звон,—
Король вас может сделать
Любимым генералом,
Но сделать вас героем
Не в силах даже он!..

Король вас может сделать
Врачом или палачом,
И все на этом свете
Вам будет нипочем!

Король изыщет способ
Возвысить вас над веком,
Король вам даст возможность
Сыграть любую роль,
Но сделать негодяя
Приличным человеком —
Вот этого, простите,
Не может и король!..

ПЕСЕНКА О ДУЭЛЯХ

Не важно то, что вас нечаянно задели,
Не важно то, что вы совсем не из задир,
А важно то, что в мире есть еще дуэли,
На коих держится непрочный этот мир!..

Не важно то, что вы в итоге не убиты,
Не важно то, что ваша злость пропала зря,
А важно то, что в мире есть еще обиды,
Прощать которые обидчику нельзя!..

Не важно то, что вас мутит от глупой позы,
Не важно то, что вы стреляться не мастак,
А важно то, что в мире есть еще вопросы,
Решить которые возможно только так!..

Не важно то, что для дуэли нет причины,
Не важно то, что ссора вышла из-за дам,
А важно то, что в мире есть еще мужчины,
Которым совестно таскаться по судам!..

ПЕСЕНКА О МИСТИФИКАТОРАХ

Мир привык менять одежду,
Что ни день — уже в другой,
Так что нет различий между
Господином и слугой.

Показал толпе бумагу,
Где печать и вензеля,
И, глядишь, тебя, бродягу,
Все сочли за короля.

Пропустил стаканчик лишку,
Покуражился слегка,
И, глядишь, тебя, трусишку,
Все сочли за смельчака.

Изменил хотя бы просто
Выражение лица,
И, глядишь, тебя, прохвоста,
Все сочли за мудреца.

Но, подняв бокал кларета,
Скажем добрые слова
В адрес тех, кто делал это
Только ради озорства.

Кто, служа перу и кисти,
В мире пестрой мишуры
Не знавал иной корысти,
Кроме радости игры.

Кто, блефуя всенародно,
Потешаясь над толпой,
Притворяясь кем угодно,
Был всегда самим собой!..

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ «КОГДА-ТО В КАЛИФОРНИИ»

(По мотивам произведений Брет Гарта)

ПЕСЕНКА О ДИЛИЖАНСЕ

Я беспечен и одинок,
И богатство мне ни к чему,
Мне б отсрочить хоть на денек
Час, когда я кану во тьму.

Я усядусь в свой дилижанс
И помчусь сквозь дым и пальбу,
Скорость — это все-таки шанс
Одурачить злую судьбу!..

Я покину дом и родню
И в дороге встречу зарю,
Может, время я обгоню,
Может, смерть я перехитрю.

Я усядусь в свой дилижанс
И помчусь сквозь дым и пальбу,
Скорость — это все-таки шанс
Одурачить злую судьбу!..

Пусть я кончу жизненный путь
На исходе этого дня,
Мне успеть бы только взглянуть,
Что там будет после меня.

Я усядусь в свой дилижанс
И помчусь сквозь дым и пальбу,
Скорость — это все-таки шанс
Одурачить злую судьбу!..

ПЕСНЯ НЕУНЫВАЮЩЕГО КОВБОЯ

Я прожил горестную жизнь
И понял не вчера,
Что, как судьба не повернись,—
Нет худа без добра.

И если вдруг меня волна
Потащит в глубину,
То море высохнет до дна
И я не утону.

И если я сорвусь в каньон,
Неловкий, как арбуз,
То мне скала подставит склон
И я не расшибусь.

И если выстрелят в меня
В упор и на прицел,
То пуля выберет коня,
А я останусь цел.

И пусть ночью я во рву,
И жизнь моя — дрянцо,
Уже и в том, что я живу,
Удача налицо!..

ПЕСЕНКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ БАРЫШНИ

Мне снится ночами
Веселый ковбой,
Он издали манит
Меня за собой.

По знойной равнине,
Сквозь рыжую пыль,
Он мчится, пьянея
От бешеных миль.

Потертые джинсы,
Дубленый загар
И яростный запах
Дешевых сигар.

И к шляпе, что сбита
Слегка на висок,
Небрежно приколот
Степной колосок.

Я знаю, что этот
Веселый ковбой
Когда-нибудь станет
Моею судьбой.

Мы вместе поскачем
На быстром коне,
И это случится
Уже не во сне!..

ПЕСЕНКА О БИЗОНАХ

В степях Аризоны
В горячей ночи
Гремят карабины
И свищут бичи.

Большая охота.
Большая беда.
Несутся на Запад
Бизоньи стада...

Их гнали, их били,
Их мучили всласть,
Но ненависть к людям
Им не привилась.

Хоть спины их в мыле
И ноги в крови,—
Глаза их все так же
Темны от любви.

Брезгливо зрачками
Кося из-под век,
Их предал лукавый,
Изменчивый век.

Они же простили
Его, подлеца,
Как умные дети —
Дурного отца.

Какое же нужно
Испробовать зло,
Чтоб их отрезвило,
Чтоб их проняло?..

Чтоб поняли, черти,
У смертной черты,
Что веку неловко
От их доброты!..

ПЕСЕНКА ЧИНОВНИКА

На горном ли пике,
На дне ли оврага —
Вас всюду отыщут
Перо и бумага.

Ковбой и священник,
Шериф и бродяга —
Вас всех уравниют
Перо и бумага.

И кто бы ты ни был,
Запомни, бедняга, —
Тобой управляют
Перо и бумага.

Ах, там не помогут
Ни ум, ни отвага,
Где пущены в дело
Перо и бумага!..

ПЕСНИ К КИНОФИЛЬМУ «ТРЕСТ, КОТОРЫЙ ЛОПНУЛ»

(По мотивам произведений О'Генри)

ПЕСЕНКА О ЯРМАРКЕ

Будь ты шериф или ковбой
Иль золотоискатель,—
Давай отправимся с тобой
На ярмарку, приятель!..

Хоть и случается монет
Здесь быстрая утечка,
Но в мире не было и нет
Приятнее местечка.

Тут продается с молотка
Что только захотите —
К примеру, плавки Спартака
И лифчик Нефертити.

Тащи хоть сломанный комод,
Хоть дохлую гиену —
Всегда найдется идиот,
Который спросит цену.

Тут всяк товар необходим
И сбыть его нетрудно,
Тут продается даже дым
С костра Джордано Бруно.

Здесь вы отыщете легко —
Хоть сей продукт и дорог! —
Не только птичье молоко,
Но даже птичий творог.

Ну, словом, кто ты там ни будь,
Пусть даже сам Создатель,—
Тебе не вредно заглянуть
На ярмарку, приятель!..

ПЕСЕНКА ЗАЗЫВАЛЫ

Верьте мне, ребята, иль не верьте,
Только мне рассказывали так:
Проживал когда-то в Назарете
Некий удивительный чудак.

Парень был смекалистее многих,
Все проблемы запросто решал —
Исцелял безруких и безногих,
Мертвецов из гроба воскрешал.

То ль он щупал пульс не по науке,
То ль микстуры пользовал не те,
Но за эти простенькие штуки
Паренька распяли на кресте.

Должен вам заметить откровенно,
Тяжко бы пришлось нам на веку,
Если б не пришел ему на смену
Джентльмен по имени Воф-Ху.

Как и тот, он может — без сомненья! —
Вас от всякой хвори уберечь,
Захотите — даст глухому зренье,
Захотите — даст хромоту речь.

Как и тот, он денег с пациентов
Не берет, представьте, никогда...
Ну, а пятьдесят паршивых центов —
Разве это деньги, господа?..

Будь у вас чесотка или кашель
Или хоть бубонная чума,—
С помощью своих волшебных капель
Доктор доведет вас до ума.

Всех вас ждет больничная палата,
Все вы тут покойники на треть...
Становитесь в очередь, ребята,
Если не хотите помереть!..

ПЕСЕНКА О СВОБОДЕ СЛОВА

Приятный есть в стране у нас закон —
Свобода слова тут не под замком.
Живи себе, дружок, и в ус не дуй,
А если что не так, то протестуй!..

Когда воруяга, шастая в толпе,
Свой выбор остановит на тебе,—
Ты можешь, протянув ему баул,
Вполне свободно крикнуть: караул!..

Когда на зов твой явится сержант
И тоже намекнет насчет денюжат,—
Ты можешь, протянув ему браслет,
С угрозой поглядеть ему вослед!..

Когда же и судья, закон поправ,
Наложит на тебя разбойный штраф,—
Ты можешь, протянув ему кольцо,
С презреньем помолчать ему в лицо!..

При эдаком обилии свобод
Ты можешь жить буквально без забот,
А коль тебе свобода надоест —
Ты вправе молча выразить протест!..

ПЕСЕНКА ОБ ИГРЕ

Все мы в детстве во что-то играли,
Все мы толк понимали в игре,—
Кто-то гаммы играл на рояле,
Кто-то с кошкой играл во дворе.

Мы слегка подросли, но поди ж ты! —
В наших играх все тот же азарт,—
Мы играем в кино и на бирже,
Мы играем в войну и в бильярд.

Столько игр на земле настоящих,
Что не знаешь, какую избрать!..
Только жаль, что однажды и в ящик
Нам придется уныло сыграть.

Ну так что ж, мы свое отыграли,
Пусть другие приступят к игре —
Кто-то станет брэнчать на рояле,
Кто-то кошку гонять во дворе...

ПЕСЕНКА О СОБСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ

Мы все персонажи диковинной пьесы —
От гангстеров и до принцесс.
Мы все соблюдаем свои интересы —
У каждого свой интерес.

У волка и зайца свои интересы,
У егеря — свой интерес.
И нам узнавать интересно из прессы,
На чьей стороне перевес.

Идешь ли по лесу, читаешь ли прессу,
Глотаешь ли в баре шартрез,—
На каждом шагу интерес интересу
Кидается наперерез.

Когда ж интересы столкнутся так тесно,
Что все мы взлетим до небес,—
Нам будет, наверно, узнать интересно:
А чей в этом был интерес?..

ЗОНГИ К СПЕКТАКЛЮ «ГЕРКУЛЕС И АВГИЕВЫ КОНЮШНИ»

(По пьесе Фридриха Дюрренматта)

ПРОЛОГ

Вы о Геракле слышали, не так ли?..
Кто не слышал — так тоже ничего!..
Я расскажу вам притчу о Геракле
И об одном из подвигов его.

Хотя Геракл других героев притче
И даст им фору в силе и в уме,—
Он все-таки в финале этой притчи
Окажется по горлышко в дерьме.

Вы спросите: какая же причина,
Что наш герой столь грубо посрамлен?
Ведь он же исключительный мужчина,
Таких у нас один на миллион!

Кто высидит спектакль до финала,—
Получит доскональнейший ответ.
Для остальных — а их, надеюсь, мало —
При выходе работает буфет!..

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ЗОНГ

Мы вовсе не бездельники,
В труде любой ретив.
Мы любим понедельник
За радость перспектив!..

Чуть свет — ну, не герои ли? —
Мы встанем как один,
Разрушим, что построили
И снова создадим!..

В любое предприятие
Кидаемся, как в бой!
Что может быть приятнее
Борьбы с самим собой?..

Пускай клеветают недруги —
На недругов плевать! —
Что дуракам энергию,
Мол, некуда девать!..

Идем, не глядя под ноги,
По лугу, по степи...
Везде есть место подвигу —
Куда ни наступи!..

ЗОНГ О ДЕРЬМЕ, ИЛИ ДИСКУССИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ

1-й член парламента

Да, я согласен, что дерьмо —
Наш стыд, проклятье и клеймо,
Позорные страницы...
Но для чего, хочу я знать,
Сюда понадобилось звать
Спеца из-за границы?..

2-й член парламента

Дерьмо, конечно, не «Dior»,
Но этот запах с давних пор
Привычен для народа.
А дай народу кислород —
Не задохнется ли народ,
Хлебнувши кислорода?..

3-й член парламента

Долой пластмассу и стекло!
В дерьме уютно и тепло,
Хотя и сыровато.
Ударит лютая зима —
И мы без теплого дерьма
Повымерзнем, ребята!..

4-й член парламента

Не знаю, кто и что решил,
Но я бы лично не спешил
В делах такого рода.
Ведь речь не просто о дерьме,
А о дерьме — прикинь в уме! —
Великого народа!..

5-й член парламента

Кому не любо жить в дерьме —
Пусть коротает век в тюрьме!..
Искореним бунтарство!..
Кто объявляет бой дерьму,—
Тот посягает на саму
Основу государства!..

ЗОНГ ГЕРАКЛА

Какие унижения и пакости
Мне выносить приходится порой!..
А я ведь как-никак в геройском статусе,
Пусть нищий, но пока еще герой!..

И подвернись мне дельце настоящее,—
Оно меня без денег увлекло б:
Ну, гидра там какая заваливающая
Или хотя бы плохонький циклоп!..

Найдись мне труд, достойный уважения,—
Я сам бы сунул голову в ярмо!..
А тут взамен высокого сражения —
Раскапывай обычное дерьмо!..

Но если говорить без околичностей,
То, сколько здесь лопатою не рой,—
А победить дерьмо в таком количестве
Способен лишь мифический герой!..

Ей-богу, создается впечатление,—
Такого я не видывал нигде! —
Что местное народонаселение
Ежеминутно ходит по нужде!..

ЗОНГ О ПАРЛАМЕНТЕ

Все заметнее и выше
В мире уровень дерьма,
В том дерьме уже по крыши
Все окрестные дома.

А парламент все горланит:
Убирать — не убирать!
А парламент выбирает:
Умирать — не умирать!

Дай приказ — спаслись бы сразу:
Наш народ не без ума,
Но покамест нет приказу
Выбираться из дерьма...

А парламент все горланит,
Как на матче в Лужниках,
И ораторы в регламент
Не уложатся никак.

Тары-бары, фигли-мигли,
Круговерть и кутерьма!
В результате все погибли
В океане из дерьма.

И парламент не горланит,
Как бывало, до зари,
Он другим сегодня занят,
Он пускает пузыри...

ЗОНГ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Хватаясь за сердце,
Агонию для,—
Уходят кумиры
Вчерашнего дня.

Вчерашние лидеры
И вожаки
Выходят из моды,
Как их пиджаки.

Пусть бьются за правду
И прут на рожон!..
А мы соблазняем
Их глупеньких жен!..

Мы их презираем
За тщетный их труд,
За то, что краснеют,
За то, что не врут.

Мы их презираем
За вечный нефарт,
За мятые брюки,
За третий инфаркт.

Мораль их убога,
Их пафос смешон!..
А мы соблазняем
Их нравственных жен!..

Они нас считают
За стадо свиней,—
Зато мы моложе,
Зато мы сильней.

Плевать нам на Блока,
Плевать на Кокто,—
Зато мы здоровы
И живы зато.

Тот умер от пули,
А тот под ножом!..
А мы соблазняем
Их траурных жен!..

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ ЗОНГ

Я рассказал историю в надежде,
Что всяк уловит скрытый в ней намек,
А вот самодовольному невежде
Он будет, вероятно, невдомек.

Невежда скажет: сказка неплохая,
Но смысла я не смог в ней отыскать!..
...А смысл в том, что, спутник запуская,
Самих себя не надо запускать.

Не все в стране зависит от начальства,
А потому общественность сама
Обязана — вполглаза и нечасто! —
Но все ж следить за уровнем дерьма.

Вранья и лени должно опасаться,
Пока они не хлынули рекой..
Геракла может и не оказаться
В последнюю минуту под рукой!..

ПЕРЕВОДЫ

(ИЗ АННАБЕРДЫ
АГАБАЕВА)

МЕЧЕТИ КАИРА

Я стер ботинки чуть ли не до дыр,
Знакомясь с заповедниками мира.
Есть города почтеннее Каира,
Но мне хотелось именно в Каир.

Ревниво сознавая мой престиж,
Друзья меня заранее корили:
«Мечети — вот что главное в Каире!
Забудешь... не успеешь... проглядишь...»

Не думая о сроках и делах,
Я размышлял о том, как на рассвете
Увижу знаменитые мечети
В надвинутых на брови куполах.

Судьба меня и впрямь не подвела.
Я чувствовал себя в ночном Каире,
Как вор в давно изученной квартире.
Я знал, где город прячет купола.

Вчерашняя ребяческая блажь
Сегодня обернулась делом чести.
И вот передо мной взошли мечети,
Неясные, как утренний мираж.

Они стояли в несколько рядов —
Точь-в-точь отряд дозора на развилке.
О как, должно быть, взмокли их затылки
Под шлемами тяжелых куполов!..

Окрестный воздух горек был и сух,
В нем пыль былых веков еще витала,
И возгласы умершего металла
Нет-нет да вдруг покалывали слух.

Я отдал дань минувшим временам.
Потрогал пыль. Взгрустнул о средней школе...
Но мой унылый взгляд, помимо воли,
Уже давно косил по сторонам.

Меж тем над переулком плыл рассвет,
И я, дыханьем города оваян,
Внимал возне разбуженных кофеен
И слушал аппетитный хруст газет.

Каир — как антикварный магазин,
Он удивлял меня ежеминутно.
Здесь было все. Чадра и мини-юбка.
Стекло и глина. Muskus и бензин.

Здесь двигались верблюды и авто
В одной и той же уличной орбите.
Здесь бронзовые серьги Нефертити
Соперничали с клипсами Бардо.

Здесь дервиши в засаленном белье,
Желая разгадать «гримасы жизни»,
Опасливо натягивали джинсы
В примерочных кабинках ателье.

Здесь вечером и утром — до зари —
Озябший тенор сонного имама
Тревожил мир из звездного тумана,
Как позывные спутника Земли.

И дальними огнями осиян,
Взрывая тьму, разгневан и напорист,
Как джиннами набитый скорый поезд,
Здесь грохотал незримый Асуан.

Каир! О, передать ли мой восторг
От этого потока, — нет, потопа! —
Где сыпала жаргонами Европа
И грамотно витийствовал Восток!..

Зажав «путеводитель» в рукаве,
Я плыл, влекомый уличной волною,
Покамест не возник передо мною
Прохладный грот случайного кафе.

Гостеприимный тот полуподвал
Располагал клиентами в излишке,
Но сладкую минуту передышки
Он мне великодушно даровал.

Я вспомнил благодатнейшую тишь
Измученных авралами редакций,
Глаза друзей и их упрек ребячий:
«Забудешь... не успеешь... проглядишь!..»

Друзья мои, скажите, как мне быть?
Я перед вами до сих пор в ответе.
Я повидал все лучшие мечети
И все-таки посмел о них забыть.

У древних был вполне пристойный мир,
Но лучше мы оставим их в покое.
Я покажу вам кое-что другое,
Я вам открою нынешний Каир.

Дай срок — я перед вами разложу
С полдюжины своих карманных книжек,
Пером же не закованный излишек
Я — так и быть! — вам устно доскажу.

И если слов моих порвется нить,
Натянутая в спешке до отказа,
То я себе — для связности рассказа —
Позволю кое-что присочинить.

Ну, можно ль быть педантом до конца,
Описывая прелести Каира!
О, этот город с обликом факира,
Душой поэта, хваткой кузнеца!

Забывшись, вдохновенный ротозей,
Я сам поддался смачному рассказу,
И потому, наверное, не сразу
Замечу маету в глазах друзей.

И кто-то из писательской родни —
(Поэты непосредственны, как дети!) —
Вдруг спросит: «Ну, а были ли мечети?»
...Ах да, мечети!.. Были и они.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНИНА

Базарная площадь от пыли
бела.
Дорожная сумка. Кувшин.
Пиала.
Хихикает кто-то, какая забота
Тебя, обормота, сюда
привела?
В заветном кувшине я
прячу ответ:
Крестьянский шербет —
избавленье от бед.
У нас без шербета и лето —
не лето.
Вы знаете это. Купите шербет.
Следы моих ног пропадают
вдали.
Мой посох истерт и одежда
в пыли.
Попробуйте, право, шербет —
не отравя,
В нем — чистые соки
родимой земли.
Завистник, не сетуй, что
жизнь не мила.
Гляди, как сияет моя
пиала!
Долгов не убудет, ума не
прибудет,
Но хуже не будет — была
не была!
И ты, неудачник, не стой в
стороне.
Упавший с коня
у толпы не в цене.
Глоток этой влаги, немного
отваги —
И недруг в овраге, а ты —
на коне!..
Доносчик, не кутай лицо в
воротник.
Напиток мой честен, как
горный родник.

Награды не надо, одна мне
отрада —
Очистить от яда твой
подлый язык.
И ты не побрезгуй
шербетом, поэт.
Его приготовил мой
знающий дед.
Пройди хоть полсвета — не
сыщешь ответа,
Что может быть слаще, чем
этот шербет.
...Лукавый поэт не спешит
подойти,
Стоит и бородку сминает в горсти:
— «Шербет; мол, для пуза
большая обуза,
А путь мой не близок; так
ты уж прости...»
Но, как виноградина, ярок
и желт,
Насмешливый глаз его
чутьочку лжет.
Признайся, бездельник, ты
просто без денег,
Так выпей задаром, а долг
подождет.
И дай-то аллах, чтоб твое
ремесло
Хоть к старости денег тебе
принесло.
Пусть счастье не в этом, но
жаль, что поэтам
В таком пустяке никогда
не везло.
Ты снова уходишь бродяжить, поэт?..
Я тоже пошел бы, да
времени нет.
Я нынешним летом торгую
шербетом.
«Счастливо, приятель!»
Купите шербет!

КАЗНЬ НАСИМИ

(Из поэмы)

С приходом рассвета
Тревожно и глухо
Гремит барабан,
И утренний город
В сиреновой дымке
Угрюмо торжествен...
Греми, барабан!
Собирай стариков,
Малолетних и женщин!
Греми, барабан!
Подымай из постелей
Своих горожан!

И вот я всхожу
На высокий и звонкий
Дубовый помост,
Пропахший насквозь
Золотистой смолой
И древесною стружкой.
И внутренний голос
Невнятно и хрипло
Мне шепчет: «Послушай!..
Довольно упрямства!..
Покуда не поздно!..
Потом не помочь!..»

Палач улыбается.
Ровные зубы.
Лицо без морщин.
Ребячий пушок
Покрывает
Его загорелые икры...
Он счастлив,
Как мальчик,
Который допущен
Во взрослые игры,

Не зная последствий,
Не зная причин.

Толпа негодует.
Толпа в нетерпенье.
Толпа голодна —
Неужто, шайтан,
Не проронит слезы
Перед близкой расплатой?
Испуганным зайцем
Взметнулся и замер
В толпе соглядатай,
И в море голов
Появилась и скрылась
Его голова...

Отречься от солнца,
От книг и друзей
И от давешних слов —
И завтра с рассветом
Кого-то другого
Казнят на помосте...
Опомнись, покуда
Вгоняют в ладони
Горячие гвозди
И стружкой минут
Истекает воронка
Песочных часов!..

И вспомнится дом,
И колодезный скрип,
И пальба петухов,
И — как виноградинка
В желтой пыли —
Смуглозадый детеныш...
В ту давнюю пору
Я был беспечален,
Лукав и дотошен,
И — самое главное! —
Чист от долгов
И далек от стихов...

Малыш! Ты покамест
Не знаешь своих

Обязательств и прав,
И взрослая жизнь
Не вмещается в рамках
Ребятчих законов:
Ты встретишь врагов,
Что сильнее и страшней
Многоглавых драконов,
С которыми ты
Без труда расправлялся
На сказочной Каф...

...И вспомнится юность,
Такая вчерашняя...
О, неужель
Мне больше не плакать
От той безотчетной
И ласковой грусти,
Как в полночь, когда
Предо мною взошли
Изумленные груди,
Светло и бесшумно,
Как в звездных озерах
Всплывает форель!..

Любимая спит,
Утомленная праздником
Нашей любви...
Светлеет восток...
Голосят петухи...
Оживают селенья...
И я, опасаясь
Чуть слышным касаньем
Слугнуть сновиденья,
Целую святые,
Прохладные, чистые
Губы твои!..

Тебе ль огорчаться?
Ты прожил
Счастливую жизнь, Насими,—
Ты знал и любовь,
И ночные костры,
И прекрасные строки!
...Как в солнечном яблоке

Бродят густые
Осенние соки,—
Так бродят во мне
Сокровенные боли
Родимой земли!

Держись, Насими,
Ни слезинки, ни крика,
Ни вдоха,— держись!
Пусть память, как книга,
Шуршит на ветру
За страницей страница...
Палач не позволит —
Одна за другой —
Им опять повториться,
И надо успеть
Пролистать до конца
Эту славную жизнь...

Пусть жизнь Насими
Продолжается в этих
Звонящих стихах!..
Еще не однажды
На этой планете
С приходом рассвета —
Сверкать топорам,
Воздвигаться помостам
И толпам стихать
При виде последнего
Всхлипа артерий
На шее Поэта!..

Поэты уходят
От теплых домов,
От детей, от семьи...
Поэты уходят,
Послушные вечному
Зову дороги...
Но смерть им всегда
Одинаково рано
Подводит итоги:
Три полных десятка,
Четвертый —
Враги оборвут на семи...

В поэтоубийстве
Решает суровая
Точность часов —
Из тысячи нуль
Повезет хоть одной,
Но узнать бы — которой?..
О, Череп Поэта,
Он весь — в чертежах
Пулевых траекторий,
Подобно постройке,
Опутанной сетью
Рабочих лесов...

Где может быть спрятан,
В каком изошренном
И каверзном лбу,
Тупой механизм
До сих пор непонятого
Людям секрета,
Согласно которому,
Если убийца
Стреляет в толпу,
То пуля из тысячи
Все-таки выберет
Череп ПОЭТА!..

Поэты, на вас
Возлагает надежды
Старик Насими!
Никто из живущих
Не вправе за долгую жизнь
Поручиться...
Кто знает, какая
Беда на планете
Могла бы случиться,
Когда бы не головы наши
На откуп,
Родные мои...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ПАРОДИИ

ТАГАНКА—75

Евгений Евтушенко

Мне говорил портовый грузчик Джо,
Подпольный лидер левого движенья:
«Я плохо понимаю по-русски, Женья,
Но знаю, что Таганка — хорошо!»

Потягивая свой аперитив,
Мне говорил знакомый мафиозо:
«Таганка, Женья, это грандиозно!
Мадонна, мне бы этот коллектив!..»

Душою ощущая ход времен,
Забитая испанская крестьянка
Сказала мне по-русски: «О, Таганка!
Проклятый Франко, если бы не он...»

Звезда стриптиза, рыжая Эдит,
Сказала, деловито сняв рейтузы:
«Ты знаешь, Женя, наши профсоюзы
Считают, что Таганка победит!..»

О том же, сохраняя должный пыл,
Мне говорили косвенно и прямо —
Рабиндранат Тагор, и далай-лама,
И шахиншах... фамилию забыл...

Поскольку это шло от естества
И делалось отнюдь не для блезира,—
Спасибо вам, простые люди мира,
За ваши безыскусные слова!

Меня пытал главарь одной из хунт,
Он бил меня под дых и улыбался:
«Ну что, таганский выкормыш, попался?
А ну, положи блокнот и стань во фрунт!..»

Таганка, ты подумай, какво
Мне в сорок лет играть со смертью в прятки!..
Но я смолчал. Я сдюжил. Все в порядке.
Они про вас не знают НИ-ЧЕ-ГО!

Андрей Вознесенский

Таганка, девочка,
Пижонка, дрянь!..
Что ты наделала,
Ты только глянь!..

О, Апокалипсис
Всея Москвы...
Толпа, оскалившись,
Крушит замки!..

Даешь билетики!..
А им в ответ:
Билетов нетути!
Физкультпривет!..

Такое скопление людей я видел только трижды в жизни: во время студенческих волнений в Гринвич-Виллидж, на фресках Сикейроса и в фильмах Бондарчука.

Лоллобриджидочка,
Чернявый бес,
Вы были в джинсиках,
А стали — без!..

Очкарик в свитере,
Второй Кювьё,
О, как вам свистнули
По голове!..

Профессор с Запада,
Заморский гость,
Где ваши запонки,
А также трость?..

Знаменитости стояли в очереди особняком. Банионис кричал: «Я — Гойя!» Ему не верили. Все знали, что Гойя — Я.

Кассирша в ботиках
И в бигуди
Вопит: о Господи,
Не погуби!..

Ату, лабазники,
Ату, рвачи!
Как ваши блайзеры
Трещат в ночи!..

Пусть мир за стеночкой
Ревет в бреду!..
Сижу, застенчивый,
В шестом ряду.

Роберт Рождественский

Может, это прозвучит
Резко,
Может, это прозвучит
Дерзко,
Но в театры я хожу
Редко,
А Таганку не люблю
С детства.

Вспоминается такой
Казус,
Вспоминается такой
Случай:
Подхожу я как-то раз
К кассе,
Эдак скромно, как простой
Слуцкий.

Говорю, преодолев
Робость,—
А народищу кругом —
Пропасть! —
Мол, поскольку это я,
Роберт,
То нельзя ли получить
Пропуск?..

А кассир у них точь-в-точь
Робот,
Смотрит так, что прямо дрожь
Сводит:

«Ну и что с того, что ты —
Роберт?
Тут до черта вас таких
Ходит!»

Вот же, думаю себе,
Дурни! —
А в толпе уже глухой
Ропот! —
Да сейчас любой олень
В тундре
Объяснит вам, кто такой Роберт!

В мире нет еще такой
Стройки,
В мире нет еще такой
Плавки,
Чтоб я ей не посвятил
Строчки,
Чтоб я ей не уделил
Главки!

Можно Лермонтова знать
Плохо,
Можно Фета пролистать
Вкратце,
Можно вовсе не читать
Блока,
Но... всему же есть предел,
Братцы!

...Но меня, чтоб я не стал
Драться,
Проводили до дверей
Группой...
Я Таганку не люблю,
Братцы.
Нехороший там народ,
Грубый.

Белла Ахмадулина

О, вряд ли кто-нибудь предполагал,
Что я, бродя в окрестностях Таганки,
Однажды с праздным видом чужестранки
Рискну войти в тот сирий балаган!..

Надменно и взыскующе шурша
Программой предстоящего миракля,
Я села. Все затихло. И обмякла
Моя высокомерная душа...

...Как заново рожденная на свет,
Я шла к дверям. И тут явился некто,
Чей лоб, на редкость чуждый интеллекта,
Являл намек, что он — искусствовед.

Он закричал: «Должно быть, это сон!»
(Когда б мы с ним вот так столкнулись лбами
Не здесь, а в раздевалке N-ской бани,
Он, верно, был бы меньше потрясен).

Он продолжал: «В Москве полным-полно,
И даже свыше нужного, пожалуй,
Иных театров. Есть Большой и Малый.
Есть МХАТ. Качели. Шашки. Домино.»

Я улыбулась: «Вам не по плечу
Представить жизнь вне покера и дерби,
А мне, мой друг, за собственные деньги
Угодно видеть все, что я хочу...»

Он пригрозил: «От взрослых до детей —
Любой поклонник данного театра
Закончит век в приемной психиатра,
Страдая от навязчивых идей!..»

Я рассмеялась: «Уж скорее вы —
Находка для Канатчиковой дачи,
А впрочем, я желаю вам удачи,
Которой вы не стоите, увы!..»

...Я шла домой, и бедное чело
Точила мысль, похожая на ранку:
Сойти с ума! Примчаться на Таганку!
Пробиться в зал, где шумно и светло!..

Во тьме кулис, ликуя и скорбя,
Узреть простых чудес чередованье!
Прийти в восторг! Прийти в негодование!
Прийти домой! И там прийти в себя.

Расул Гамзатов

У нас в ауле есть такой обычай:
Мужчина — что поделасешь, Восток! —
Приходит в дом избранницы с добычей,
Способной вызвать в девушке восторг.

И если горец сватает горянку,
Он знает, свадьбе попросту не быть,
Покамест он билеты на Таганку
Для милой не сумеет раздобыть.

Для этого нужны — коварство кобры,
Злость барса и выносливость коня,
А все это, к моей великой скорби,
Из всех мужчин есть только у меня.

Печально, но под крышами аула
Не родился еще такой орел,
Который бы без помощи Расула
Билеты на Таганку приобрел.

Мне вывернули душу наизнанку,
Когда я раз приехал в Дагестан:
«Расул, достань билеты на Таганку!
Ты можешь все! Пожалуйста, достань!»

И, обращаясь к целому аулу,
Я простонал, согнувшийся в дугу:
«Хотите турпоездку в Гонолулу?
Пожалуйста! А это — не могу».

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ МУЛЬТФИЛЬМОВ «НУ, ПОГОДИ!»

Давид Самойлов

Мне захотелось выпить и поесть.
Я заглянул в кафе. Меня знобило.
Внесли графин. В графине что-то было.
И я подумал: «В этом что-то есть!»

Я сел за столик. Рядышком, в углу,
Сидели Волк и Заяц. Их беседа

Была занятой. На правах соседа
Я наблюдал их странную игру.

Вначале Заяц плюнул Волку в суп.
Затем смахнул под стол его цыпленка.
Он сделал это столь умно и тонко,
Что Волк подумал: «Ба, да он неглуп!»

Тщедушный Заяц был ничтожно мал
В сравненье с Волком, истинным гигантом,
Зато превосходил его талантом,
И Волк прекрасно это понимал.

Подумав, Заяц вылил Волку в торт
Остатки недопитого глинтвейна.
Он сделал это столь интеллигентно,
Что Волк подумал: «Эк воспитан, черт!»

Противники заспорили всерьез.
Столкнулись глыбы двух мировоззрений.
Добро и Зло. Посредственность и Гений.
Дантес и Пушкин. Мускус и навоз.

Тут Заяц вдруг нанес врагу прямой
Удар, вложив в него всю силу духа.
Удар пришелся Волку прямо в ухо,
И Волк подумал: «Амба, боже мой!»

Отважный Заяц знал в ударах толк,
Он понимал, что глупо ждать ответа.
Легко представить, что ему на это
Ответил бы духовно нищий Волк.

Меж тем внесли горячую фасоль,
Душистый плов спешил за ней вдогонку.
Я битый час вертел в руках солонку,
И вдруг меня пронзило: «В этом — соль!»

Белла Ахмадулина

Который день — и явно, и во сне —
Меня томит нежданная забота:
Я поняла, что появилось что-то
Неизлечимо заячье во мне.

Среди нетонко чувствующих масс
Меня одну гневил и бесил
И гнусная безнравственность бензина,
И пошлая разнузданность пластмасс.

Комфорт, что прежде мной был так ценим,
Мне опостылел, ибо я открыла:
Неискренность мочалки, подлость мыла
И унитаза явственный цинизм.

Поскольку зов природы мне не чужд,
И я питаю ненависть к эрзацам —
Меня влечет — подобно вольным зайцам —
Направить бег колен в лесную глушь.

Какой восторг, — попав в дремучий лес,
Свободный от бетона и дюраля, —
Вершить — при виде волка — удиранья
Пленительный и горестный процесс!..

Бежать, и быть все время впереди,
И размышлять над суетной судьбою,
И временами слышать за собою:
Ну, — о, наивность просьбы! — погоди!

— Возможно ль? — удивится кое-кто.
— Ах, полно! — усмехнусь я на расспросы.—
Ужели же глаза мои раскосы
Без всяческого повода на то?

О, эта блажь меня не в первый раз
Тревожит, и, не знай своей беды я,
Я до сих пор винила бы Батюга
За дерзкую раскосость этих глаз!..

От автора:

— Какая чепуха, увы и ах! —
Зевнет Читатель, в корень не вникая.
— Да, чепуха, Читатель. Но какая
Премилая! И главное, в стихах.

Безработицей
и инфляцией.

Травят зайца!..

Вспоминаю свой портрет на страницах парижского «Фигаро».
Самодовольная физиономия в заячем малахае.
Прости, Косой!..

P. S. Он, усталый, лежал в снегу.
Полуангел. Полурагу.

Юлия Друнина

Прошлой ночью снились мне ученья
Энского стрелкового полка,
Но на середине — вот мученье —
Мне пришлось проснуться от звонка.

Я — девчонка фронтовой закваски.
Мне на крем и пудру наплевать.
Как спала — с гранатой и в каске —
Так и побежала открывать.

У меня на штатских нюх отменный,
Враз определяю, что к чему.
Вижу, хлопец. Вижу, не военный.
Вижу, Заяц, судя по всему.

Без сапог, без каски, без одежды,
Кровь на лбу совсем еще свежа...
— «Сзади — полк?» — спросила я без дрожи.
— «Сзади — Волк!» — ответил он, дрожа.

На себя от страха непохожий,
Заяц был измучен и продрог.
Я ему на коврик в прихожей
Разложила легкий костерок.

Что до Волка — быть ему в уроне,
Слишком он нахален, этот Волк.
Не скажу — в стихах, но — в обороне
Я еще покамест знаю толк.

Зря я, что ли, бегала все лето
С просьбами и жалобами, чтоб
Выбить разрешение Моссовета
Перестроить кухню под окоп?..

Волк, конечно, храбр и бесшабашен,
Только как он, глупый, не поймет,
Что в родном окопе мне не страшен
Собранный им за ночь миномет!..

1976

**ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ СКАЗКИ
КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО
«МУХА-ЦОКОТУХА»**

Булат Окуджав

Ах, бывают всякие
в жизни карамболи,
Дивные события,
странные дела!..
На обычной улице,
а не в чистом поле
Муха — представляете? —
денежку нашла!..
Что случилось с Мухой,
резвой хохотушкой?..
Муха — не поверите! —
сделалась иной!
Не вульгарной Мухой,
а пикантной Мушкой
Над прелестным ротиком
Е. Карамзиной.
Ах, как это весело,
ах, как это глупо,
Ах, какое счастье,
ах, какой кошмар!
Возле — представляете? —
Аглицкого Клуба
Заприметил барышню
доблестный Комар!

Был он смел до одури
и красив до жути,
В звании поручика
и в расцвете сил,
И к тому же в юности
был замечен в смуте:
Графа Аракчеева
лично укусил.
Ах, какой любовью
встреча увенчалась,
Ах, того не выразить
кистью и пером!
Муха — представляете? —
тут же обвенчалась
С ихним благородием
оним Комаром!
Праздновали во среду,
накануне пасхи.
Сколько было сказано
спичей и остро! —
Целый вечер кушали
рыбу по-гишпански,
Целый вечер спорили,
прав ли Дидерот!..
Ах, какие славные
прежде были пьянки —
Вист и философия,
нега и азарт!..
...Было это в Питере.
В доме на Фонтанке.
В шелке под обоями.
Много лет назад.

Борис Слуцкий

Мухи имеют совесть.
Дико, но это так.
Вот вам простая повесть,
Грубая, как наждак.

У одного главбуха,
Ползая на столе,
Некая дура Муха —
Бац — и нашла сто рэ.

Твердая, как зубило,
Строгая, как пила,
Муха так поступила:
Муха их не взяла.

Вот она чешет брюхо,
Вот она ест бульон.
Муха. Простая Муха.
Муха, каких мильён.

Кланяюсь Мухе в пояс
И отдаю в набор
Эту простую повесть,
Честную, как топор.

Юрий Левитанский

Вот начало фильма. Дождь
идет.
Муха вдоль по улице идет.
Крупный план. Усталый
профиль Мухи.
Ей за тридцать лет. Она не
в духе.
В том, как она курит и
острит,
Чувствуются скепсис и гастрит.
Дальше в фильме вот что
происходит:
Муха в луже денежку
находит.
Магазин. Изделия из фаянса.
Еле слышный запах
декаданса.
За прилавком — грустный
продавец.
Неврастеник. Умница. Вдовец.
В том, как он берет у вас
червонец,
Чувствуются Чехов и
Чюрленис.
Просмотрев предложенный
товар,

СКАЗКИ
ДЛЯ ТЕАТРА

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ РОБИН ГУДА

(По мотивам английского фольклора)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Робин Гуд
Мэриэн
Фриар Тук
Маленький Джон
Гильберт Хромоножка
Виль из Бленда
Бен Мукомол
Дядюшка Хьюго
Лорд шериф
Гай Гисборн
Судья Стефен
Мария
Художник
I-й подмастерье
II-й подмастерье
1-я монахиня | воспитательницы
2-я монахиня | Марии
Возница
Палач
Начальник стражи

В массовых сценах заняты:
стражники, горожане, рыцари,
музыканты, слуги, разбойники.

На лесной поляне разбойники во главе с Робин Гудом допрашивают незадачливых путешественников.

Сам Робин Гуд, предводитель лесной братии, восседает на здоровенном пне, который служит ему импровизированным тронem. По правую руку от Робина внушительно застыл долговязый Маленький Джон, по левую — грозно подбоченился тучный Фриар Тук.

Напротив этой устрашающей тройцы — сбившиеся в кучу перепуганные пленники. Их тоже трое. Это Художник — обливающийся потом, лысый, тщедушный человек, и двое его подмастерьев — унылые, неряшливые, худосочные отроки, то и дело нервно грызущие ногти...

РОБИН. Что же ты так оплошал, братец? Почему рискнул ехать через Шервуд? Не знал разве, что в этом лесу, помимо синиц, водится еще такая редкая пичуга, как Робин Гуд?..

ХУДОЖНИК. О, кто же во всей Англии не слышал этого грозного имени!.. Но чтобы объехать ваш лес стороной, мне бы понадобились целые сутки, а я, признаться, очень торопился...

ФРИАР ТУК. Святой Дунстан! Вы слышали: он торопился! Ну что ж, это круто меняет дело! Придется повесить тебя в другой раз, когда у тебя будет чуть больше свободного времени.

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Запомни раз и навсегда, приятель: кто торопится куда-либо через Шервудский лес, тот, как правило, попадает в срок только на тот свет!

ХУДОЖНИК. Но у меня оставалось в запасе всего три часа! И я должен был во что бы то ни стало попасть в Ноттингем!.. Судите сами, мог ли я опоздать на торжество по случаю совершеннолетия дочери шерифа?

ФРИАР ТУК. Ну, как вам нравится откровенность этого парня?.. Он, оказывается, ехал к самому лорду шерифу!.. И ты надеешься, дурень, что после такого признания мы отпустим тебя восвояси?..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Неужто ты не слышал, что лорд шериф из Ноттингема — самый лютый враг нашего Робина? Ей-Богу, для тебя было бы лучше, если бы ты сегодня ехал в гости к кому-нибудь другому!..

РОБИН. Да будет вам, рябята! Совсем застращали малого — трепещет, как стрекозиное крылышко!.. Ты нас не бойся, братец, это они с виду такие свирепые, а сердца у них мягче масла.

ХУДОЖНИК. О, я вижу, это достойные люди, и они не сделают мне ничего дурного. К тому же я и сам человек мирного ремесла. Я, видите ли, художник. Художник Эдвард Грэй!.. Может быть, слышали?.. При дворе это имя хорошо известно... А это мои славные подмастерья Томас и Вильям!..

2

Расторопный Гильберт Хромоножка ловко распаковывает багаж путешественников. Хитроглазый возница услужливо суетится рядом, готовый помочь Гильберту подсчитать ожидаемую добычу...

ВОЗНИЦА. Послушай-ка... Ты, видать, тут не последняя спица в колесе и разбираешься, что к чему... Меня ведь не повесят вместе с ними, верно?..

ГИЛЬБЕРТ. Это зависит от тебя. Если ты чист перед Богом и людьми — тебе бояться нечего, а если ты вор, обманщик и мздоимец — твоя песенка спета.

ВОЗНИЦА. Видит Бог, я ни в чем не виноват!.. Я человек маленький. Скажут мне господа: вези туда-то, я и везу. Мне на их дела «тьфу!», лишь бы платили денежки!..

ГИЛЬБЕРТ. Так ведь это, приятель, тоже не дело — чужим умом жить. Ты человек в летах, вон и плешь у тебя с хорошей тарелку, пора тебе самому за себя ответ держать!..

ВОЗНИЦА. За себя-то я всей душой, а за других — с какой стати?.. Замолвил бы ты за меня словечко, а?.. А то, глядишь, и меня по ошибке вздернут на одном суку с этими прохвостами!..

ГИЛЬБЕРТ. Э, приятель, мы в таких делах не ошибаемся!.. А вот за что ты своих хозяев честишь? И почему ты решил, что мы их должны повесить?..

ВОЗНИЦА. А то как же! Втравили меня, безвинного дурня, в хорошенькую историю, да еще бы это сошло им с рук! Нет, уж пусть поболтаются на ветру, как жулики!..

3

Гильберт Хромоножка складывает у ног Робина все захваченные у путешественников трофеи. Разбойники сбиваются в кружок вокруг странной добычи, на их лицах явное разочарование...

ГИЛЬБЕРТ. Да, улов у нас нынче не шибко тучный! Целый ворох каких-то картинок!..

ХУДОЖНИК. Каких-то?.. И вы можете столь пренебрежительно отзываться о моих полотнах?.. Да знаете ли вы, что это самое драгоценное, что только можно отыскать в этой стране?..

ГИЛЬБЕРТ. Ну вот и возьми их на здоровье! Кто тебе сказал, что мы собираемся их у тебя отнять? Нам, слава Богу, эта пачкотня ни к чему...

ХУДОЖНИК. Пачкотня!.. Вы слышали, что он сказал?.. Да будет вам известно, что этой «пачкотней» восхищался в свое время сам король Ричард Львиное Сердце!..

ГИЛЬБЕРТ. А по мне, хоть сам Господь Бог! Может, кому-то эти картинки и по душе, а вот я не дал бы за них и паршивого фартинга!..

ХУДОЖНИК. Это оттого, что вы ни черта не смыслите в живописи! Да любой уважающий себя грабитель оторвал бы их с руками! Этим полотнам нет цены!..

ГИЛЬБЕРТ. Вот ведь разошелся! Другой бы на его месте радовался, что никто не польстился на его добро, а этот наоборот! Да отстань ты со своими картинками!..

ХУДОЖНИК. Черт возьми! Это первый случай в моей жизни!.. Меня грабили в Сайлсе, в Вордене и в Клю и всюду мои работы пользовались спросом!..

ГИЛЬБЕРТ. Ну, что ты с ним будешь делать!.. Ладно уж, мазилка, так и быть, мы тебя пожалеем!.. Считай, что эти картинки так нам понравились, что мы отобрали их у тебя силой...

ХУДОЖНИК. Пожалейте-ка лучше себя! Мне вас искренне жаль, сударь, ибо вы в силу своего невежества не в состоянии отличить свинью от лютни!..

РОБИН (Художнику). Прости его, братец!.. Он ведь не вращается при дворе, как ты, а живет в лесу. И по роду своих занятий вынужден чаще разглядывать мишени, чем картины. Ну-ка, покажи нам то, чем давеча восхищался король Ричард, а уж мы, в свою очередь, тоже постараемся не ударить лицом в грязь!..

ХУДОЖНИК. Вот это портрет рыцаря Гая Гисборна. Обратите внимание, как тонко проработан луч света, падающий из окна... И как изящно выписана бронзовая чаша...

ФРИАР ТУК. Святой Мартин! Ну до чего же богомерзкая рожа!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Теперь понятно, почему его называют Кровавый Меч!..

ХУДОЖНИК. Вам не нравится? Жаль, мне казалось, что это

одна из моих удач... А вот портрет лорда шерифа Ноттингемского. Посмотрите, как играют складки бархатного плаща...

ФРИАР ТУК. Ишь, оскалился, точно волк, которого вытащили из норы!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Будь его воля, он, поди, так и хватил бы нас зубами!..

ХУДОЖНИК. А это дочь лорда шерифа Мария.

РОБИН. Черт возьми!..

ХУДОЖНИК. Любопытная игра света и тени, не правда ли? Я рад, что вы это заметили. Обратите также внимание на ее меховую накидку...

РОБИН. Она и в самом деле так хороша, как ты ее изобразил?

ХУДОЖНИК. О да! И не побоюсь сознаться, даже лучше! Дело в том, что она изготовлена из меха какого-то редкостного животного, которое завезли к нам сарацины...

РОБИН. Я спрашиваю не о накидке, а о ее владелице.

ХУДОЖНИК. Ах, о Марии?.. Да, Мария очень мила. Правда, я рисовал все эти портреты по памяти, но могу поручиться за совершенное их сходство с оригиналом.

РОБИН. Клянусь всеми святыми, я никогда еще не встречал женщины прекрасней, чем эта! Взгляните-ка на нее, ребята! Ну, разве она не настоящий ангел?..

ФРИАР ТУК. Право, не знаю, что и сказать... Сдается мне, что она немного худосочна.

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Вот если бы художник изобразил ее в рост... А так, боюсь, что она может оказаться коротышкой.

ХУДОЖНИК. Ну, что вы! Мария очень красивая девочка. Правда, нрав у нее, как у дикой кошки. Но, надо думать, с годами это пройдет. Она ведь еще совсем дитя.

РОБИН. Так ты говоришь, что ехал в Ноттингем к лорду шерифу?..

ХУДОЖНИК. Да-да, на торжество по случаю совершеннолетия Марии. Я собирался писать ее портрет. Ах, теперь я понимаю, какую глупость я совершил, поехав через Шервуд!..

РОБИН. Напротив, ты на редкость удачно выбрал дорогу, и я очень тебе за это благодарен. А не знаешь ли, кто обычно собирается на праздниках у лорда шерифа?

ХУДОЖНИК. Разные люди. Иногда судья Стефен с супругой, иногда аббат монастыря Святого Губерта, но вот уж кто бывает всенепременно, так это сэр Гай Гисборн.

РОБИН. Видимо, Кровавый Меч добивается руки Марии?

ХУДОЖНИК. Я бы не сказал. Сэр Гай убежденный холостяк. Его устраивают случайные интрижки с трактирными служанками. А вот лорд шериф был бы весьма непрочь выдать дочь за Гая Гисборна...

РОБИН. Скажи, кто-нибудь из хозяев или из гостей дома знает тебя в лицо? Ну, то есть настолько, чтобы узнать тебя до того, как ты назовешь свое имя?

ХУДОЖНИК. Нет, не думаю. Последний раз я был в Ноттингеме три года тому назад, да и то меня поселили в помещении для челяди. Вряд ли кто-нибудь из высоких гостей меня вспомнит...

РОБИН. Все идет как нельзя лучше!

ФРИАР ТУК. Что ты задумал, Робин?..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Кажется, он малость спятил!..

РОБИН. Это верно, ребята! Я спятил! И останусь таким до тех пор, пока Мария не станет моей женой! Одно плохо: я совершенно не умею рисовать...

4

Мэриэн, развешивающая прямо на ветках свежестыранное бельё, с некоторой тревогой наблюдает за происходящим. Вот от толпы разбойников отделился какой-то человек и неторопливо двинулся в её сторону. Это всё тот же хитроглазый возница, который бесцельно слоняется от одной группы к другой, пытаясь найти себе надежного покровителя...

МЭРИЭН. Эй, приятель, не сможешь ли ты мне объяснить, что там происходит?..

ВОЗНИЦА. Боюсь, что этот главный... ну, Робин Гуд... нацелился стать зятем лорда шерифа!..

МЭРИЭН. Этого не может быть!.. Лорд шериф назначил за голову Робина награду в тысячу шиллингов...

ВОЗНИЦА. То-то оно и есть!.. А Робин в отместку собирается похитить его дочку!..

МЭРИЭН. Похитить?.. Ты что-то путаешь, приятель. Ведь он же ее в глаза не видел!..

ВОЗНИЦА. Живьем-то он, может, ее и не видел... А вот ее портрет — гляди-ка — рассматривает до сих пор!..

МЭРИЭН. Ах, дьявол!.. Ну, берегись, приятель!.. Если ты меня обманул — твое дело плохо!..

ВОЗНИЦА. Стану я врать!.. Мне за это денежки не платят!.. Ты спросила — я ответил!..

Разбойники разбрелись по поляне, каждый занялся своим делом, словом, шервудская жизнь вернулась в привычную колею. Наконец-то и Мэриэн выдался случай поговорить с Робинном...

МЭРИЭН. Послушай, Робин!.. Мне сказали, что ты намерен ехать в Ноттингем?..

РОБИН. Да, и немедленно!.. Мне необходимо быть там еще до полудня!..

МЭРИЭН. А почему такая спешка?.. С кем-нибудь из наших случилась беда?..

РОБИН. С чего ты взяла?.. Просто у меня в Ноттингеме неотложное дело!..

МАРИЭН. Ты что-то скрываешь, Робин!.. Неужели у тебя есть от меня тайны?..

РОБИН. Последнее время ты стала слишком любопытной, Мэриэн, и мне это не нравится!..

МАРИЭН. А ты научился лгать, Робин!.. И мне это тоже не по душе!..

РОБИН. Мало ли что тебе не по душе!.. Не забывай, что ты мне пока еще не жена!..

МАРИЭН. Ах, вон ты как заговорил!.. Скажи уж прямо, что у тебя в Ноттингеме завелась возлюбленная!..

РОБИН. Имей в виду, Мэриэн, я человек свободный и не выношу, когда меня держат под уздцы!..

МАРИЭН. Никто тебя не держит, Робин!.. Ты можешь ехать, куда тебе вздумается!..

А в Ноттингеме праздник уже в разгаре!.. На круглой площадке, похожей на римскую арену, лязгая мечами и доспехами, бьются турнирные рыцари. На открытой веранде, примыкающей к дому, устроились лорд шериф и его гости Гай Гисборн и судья Стефен. Чуть поодаль от них сидит дочь лорда шерифа Мария, виновница сегодняшнего торжества. За ее спиной замерли две монахини-воспитательницы.

ГАЙ ГИСБОРН. Должен признать, лорд шериф, что такого праздника, как нынче, Ноттингем не знал за все время своего существования!.. Не правда ли, господин судья?..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Святая истина, сэр Гай! Я всегда знал, что

лорд шериф большой мастак по части развлечений, но, право же, сегодня он превзошел самого себя!..

ЛОРД ШЕРИФ. Чего не сделаешь ради единственной дочери!.. Как-никак, сегодня день ее совершеннолетия, и я бы хотел, чтобы он запомнился ей на всю жизнь!..

МАРИЯ. Черт возьми, и это называется турнирный поединок? Да они же спят на ходу, эти соломенные тюфяки!.. С ними того и гляди помрешь со скуки!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ты недовольна турниром, дитя мое?.. Но ведь это же лучшие рыцари Англии. Без них не обходится ни одно торжество при дворе. И сегодня они дерутся в твою честь!..

МАРИЯ. Пусть бы они лучше позаботились о чести своего оружия! Настоящие рыцари дерутся до смерти. А эти битый час размахивают мечами — и хоть бы одна капелька крови!..

ЛОРД ШЕРИФ. Что поделаешь, Мария стала совсем взрослой!.. В детстве она отрывала кузнечикам лапки, и это развлечение ее вполне устраивало, но теперь ее требования возросли...

ГАЙ ГИСБОРН. Состязание лучников — вот что придется ей по вкусу!.. Да-да, именно состязание лучников!.. Это зрелище способно разогреть кровь кому угодно!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. И я того же мнения. Не могу усидеть на месте, когда вижу, как лучник прилаживает стрелу и натягивает тетиву!.. Это действует на меня, как кружка доброго эля!

ЛОРД ШЕРИФ. Что до меня, то в юности я сам прилично стрелял из лука, да и теперь еще понимаю в этом толк! Это и впрямь неплохая забава, и, я надеюсь, Марии она понравится...

МАРИЯ. Черта с два!.. Стану я смотреть на эти дурацкие состязания!.. У меня от них начинается такая зевота, что потом целую неделю ломит скулы!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ты заблуждаешься, дитя мое!.. Уверю тебя, состязание лучников — одно из самых захватывающих зрелищ на свете!.. И оно отнюдь не располагает ко сну!..

МАРИЯ. Как бы там ни было, а мне скучно смотреть, как стреляют в деревянную мишень. Вот если бы они стреляли друг в друга — тогда другое дело...

ЛОРД ШЕРИФ. Большие дети — большие заботы!.. Еще год назад, когда она забавлялась тем, что поливала стражу кипятком, я не знал с ней никаких хлопот, а теперь ей ничем не угодишь!..

ГАЙ ГИСБОРН. Сдается мне, я кое-что придумал!.. Скажите-ка, лорд шериф, этот мельник из Трента... этот Бен Мукомол... ну, этот прохвост, которого я арестовал три дня назад,— он ведь еще не казнен?..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Нет, он пока еще в темнице. Но я уже вынес этому баламуту смертный приговор, и лорд шериф вправе казнить его в любое время.

ЛОРД ШЕРИФ. В таком случае почему бы мне не сделать это именно сегодня? С удовольствием погляжу, как он дрыгается в петле! Ну, что ты на это скажешь, дитя мое?..

МАРИЯ. Слава Богу, наконец ты предложил хоть что-то путное!.. Смертная казнь — это уже забавно!.. Жаль только, что имя этого преступника не Робин Гуд!..

ЛОРД ШЕРИФ. О, Робин Гуд! Отправить его на виселицу — предел моих мечтаний! Но он осторожен, как заяц, и хитер, как змея. И чувствует себя в Шервудском лесу, как дома!..

МАРИЯ. Да уж, такой орешек тебе не по зубам!.. Он один стоит целого войска твоих рыцарей!.. Ах, до чего же мне хочется хоть одним глазком поглядеть на этого знаменитого Робина Гуда!..

7

Гудит праздничная толпа на Ноттингемской площади. Сотни зевак собрались сюда из окрестных городов и деревень, чтобы поглазеть на необычное зрелище. Сквозь толпу, осторожно озираясь по сторонам, пробираются Робин Гуд, Фриар Тук и Маленький Джон...

ФРИАР ТУК. Святой Губерт, экая прорва народу!.. Ба, смотрите-ка, это же стрельник Хью из Сайлса!.. И башмачник Питер из Клю! И оружейник Виль из Бленда!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ну, точно, старина Виль собственной персоной! У кого еще в Англии найдется такая рыжая борода, точно ее сделали из чистой меди!

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Маленький Джон!.. Фриар Тук!.. Вот уж не чаял встретить вас в Ноттингеме!.. А это кто?.. Лопни мои глаза, если это не Робин Гуд из Локсли!..

РОБИН. Так оно и есть, Виль. Только ори потише, луженая глотка, если не хочешь, чтобы твои приятели украсили собой главную виселицу Ноттингема...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. О, понимаю!.. Уж коли вы рискнули

среди бела дня появиться в Ноттингеме, стало быть, дело у вас здесь нешуточное... Пришли выручать Бена Мукомола?..

РОБИН. Выручать Бена Мукомола?.. Неужто Бен попал в какую-нибудь переделку... Расскажи-ка поподробнее, Виль, я ничего об этом не слышал!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Бен целый год работал на одного аббата, и тот ничего ему не заплатил, тогда Бен разозлился и поджег его амбары... Короче, теперь бедняга за решеткой!..

РОБИН. Ах, Бен, Бен!.. Объяснял же я ему, упрямец, что такие дела не делаются в одиночку!.. Ну да ладно, словами тучу не разгонишь... Где он сейчас?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. В доме у лорда шерифа... Я уж пытался с полсотней молодцов отбить его у стражи, да где там!.. Их вдесятеро больше, чем нас, да и оружие у них не чета нашему!..

РОБИН. Ты говоришь, дом охраняется?.. Ничего, даст Бог, для нас отыщется лазейка! И можешь быть уверен, Виль, что Бена мы в беде не оставим!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Желаю удачи, Робин! Если понадобится моя помощь, я всегда к твоим услугам. Я не шибко обучен орудовать мечом, но могу отменно поработать кулаками!..

РОБИН. Спасибо тебе, Виль! А вы ведите себя поскромнее, ребята!.. Что это вы вышагиваете, точно пара индюков?.. Не забывайте, что в этой толпе у нас есть не только друзья, но и враги!..

ФРИАР ТУК. Да это все Джон со своим ростом!.. Не каждый день повезет увидеть такую оглоблю — вот все и пялятся на нас почем зря!.. Ну, что бы тебе быть чуток покороче!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Если уж кто и бросается в глаза, так это ты со своим пузом!.. Перетяни-ка его ремнем, да потуже, а то все думают, что ты на сносях и вот-вот родишь тройню!..

8

И снова открытая веранда лорда шерифа. Гремя железными доспехами, сюда входит здоровенный детина. Это Гийом, начальник стражи. За его спиной мы видим наших старых знакомых Робина, Тука и Джона.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Простите, лорд шериф, но этот малый утверждает, что прибыл сюда по личному приглашению вашей милости!

ЛОРД ШЕРИФ. Подойди-ка поближе, любезный!.. Что-то не припомню, чтобы я тебя приглашал... Как твое имя?..

РОБИН. Меня зовут Эдвард Грэй. Я художник, ваша милость. Однажды мне уже выпала честь побывать в этом доме...

ЛОРД ШЕРИФ. Ага, теперь вспоминаю... Только, сдается мне, тогда ты был пониже ростом и поуже в плечах...

РОБИН. Сколько воды утекло, ваша милость!.. В ту пору я был, можно сказать, совсем мальчишкой!..

ЛОРД ШЕРИФ. Да, но будучи совсем мальчишкой, ты был уже изрядно плешив, чего теперь о тебе не скажешь..

РОБИН. Это верно, я был почти лыс, но один мавр продал мне чудодейственную мазь для волос, и теперь они растут, как осока на болоте...

ФРИАР ТУК. Боюсь, как бы этот злыдень нас не раскусил!.. С памятью у него обстоит куда лучше, чем я думал...

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ну, и что из этого? Будто ты не знаешь нашего Робина! Он сумеет запорошить глаза кому угодно!

ЛОРД ШЕРИФ. А это что за brave молодые? Неужто это те двое подмастерьев, что были с тобой в прошлый раз?..

РОБИН. Точно так, ваша милость! Это мои славные помощники Томас и Вильям. Рад, что вы их не забыли...

ЛОРД ШЕРИФ. Однако они вымахали в здоровенных жеребцов, эти сопляки!... Только, помнится, прежде они были одного роста...

РОБИН. К несчастью, оба страшные обжоры, ваша милость!.. Вот их и разнесло, одного вширь, а другого ввысь...

ЛОРД ШЕРИФ. И к тому же тогда они были белокуры, как ромашки, а теперь они чернее сарацин...

РОБИН. Немудрено, ваша милость! На окрестных дорогах такая грязь, что после суток пути и ангел превратится в черта!..

ФРИАР ТУК. Если он начнет и меня вот эдак расспрашивать, то дело худо!.. Я ведь, сам знаешь, говорить не больно-то горазд...

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ты, главное, помалкивай с умным видом, да почаще кивай башкой, а уж Робин найдет, что за тебя ответить!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ну что ж, добро пожаловать в Ноттингем, любезный Грэй!.. Надеюсь, ты и в этот раз порадуешь нас своим искусством?..

РОБИН. Буду стараться, ваша милость! Сказать по правде, я и ехал-то сюда в надежде нарисовать портрет вашей дочери...

ЛОРД ШЕРИФ. Не имею ничего против. Но если Мария и станет тебе позировать, то только после ужина. До этого времени она занята.

МАРИЯ. Черт возьми, я уже совершеннолетняя и сама распоряжаюсь своим временем!.. Я готова позировать сию же минуту!..

ЛОРД ШЕРИФ. Твои желания переменчивы, как апрельский ветер, дитя мое!.. Разве ты забыла, что до ужина тебе предстоит другое развлечение?..

МАРИЯ. Ах да, казнь этого мельника из Трента!.. Ну уж нет, от такого зрелища я не откажусь! Пусть лучше художник рисует меня после ужина!

ФРИАР ТУК. Час от часу не легче!.. Ты слышал, они собираются казнить беднягу Бена!.. И притом до захода солнца!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Да, дело и впрямь хуже некуда!.. И все-таки я верю в Робина... Этот парень что-нибудь да придумает...

РОБИН. Сожалею, ваша милость, но это невозможно. Чтобы портрет получился на славу, требуется дневное освещение!..

ЛОРД ШЕРИФ. О, у тебя не будет недостатка в освещении, любезный Грэй!.. Вечером я прикажу зажечь для тебя дюжину отличных смоляных факелов.

РОБИН. У всякого ремесла свои капризы, ваша милость! Дым начнет есть мне глаза, и портрет может оказаться далеким от оригинала...

МАРИЯ. Но я хотела бы увидеть на портрете себя, а не чью-то там физиономию!.. Если так, то я буду позировать прямо сейчас!..

РОБИН. Это было бы самое разумное, ваша милость! Казнить человека куда проще, нежели сделать его портрет!.. Так не лучше ли перенести казнь на вечер?..

ЛОРД ШЕРИФ. Ну что ж, если этого хочет Мария, будь по-вашему!.. Гийом, проводи гостей в комнату, где они могли бы отдохнуть и приготовиться к работе!..

9

И снова — городская площадь... На сей раз мы видим, как через толпу по направлению к дому лорда шерифа пробирается женщина. Ее тоже нетрудно узнать. Это подруга Робин Гуда Мэриэн...

1-й ГОРОЖАНИН. Я вижу, ты не из местных, красotka? Что-то я не встречал тебя в Ноттингеме...

2-й ГОРОЖАНИН. Не хочешь ли пропустить кружечку эля в нашей славной компании, мы тебя не обидим!..

1-й ГОРОЖАНИН. У, да она с норовом! Ну, конечно, простые башмачники ей не пара! Она любит тех, у кого денежки!..

2-й ГОРОЖАНИН. Не больно-то задирай нос, красотка! У нас в Ноттингеме таких гордячек обламывают в два счета!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. А ну-ка уберите лапы, бездельники!.. И предупреждаю, всякий, кто посмеет тронуть эту женщину, будет иметь дело со мной!.. Это говорю вам я, Виль из Бленда!..

МЭРИЭН. Привет, Виль! Право же, тебе не стоило беспокоиться. Я и сама неплохо отвешиваю затрещины. Скажи, ты давно здесь, на площади?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Да, почитай, с самого утра. То есть с того времени, когда герольды первый раз протрубили в свои будки. А ты ищешь Робина, не так ли?..

МЭРИЭН. Нет... То есть да... Я, видишь ли, отстала от него в дороге... Моя лошадь подвернула ногу, и мне пришлось задержаться на постоялом дворе...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Робин с дружками отправились в дом лорда шерифа. Они пытаются обстричь там одно дельце, и я от всей души хочу, чтобы им повезло!..

МЭРИЭН. Знаю я, что у них за дельце!.. В нем замешана женщина, не правда ли?.. Ну да, ради смазливой рожицы Робин готов сунуть голову в самое пекло!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Грешно так говорить, Мэриэн! Не такой он человек, чтобы ухлестывать за юбками, когда его друзей жрут тюремные крысы!..

МЭРИЭН. Что ты говоришь, Виль, какие еще тюремные крысы?.. Не хочешь же ты сказать, что кто-то из наших ребят попал в тюрьму?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Ну да, Бен Мукомол!.. Они держат его не в городской тюрьме, а в доме лорда шерифа, как особо опасного преступника. Одна надежда на Робина...

МЭРИЭН. Робин — всего лишь мужчина, Виль! Мужчины привыкли действовать силой, а тут нужна хитрость. Так что, боюсь, без меня им не обойтись!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Я бы не советовал тебе лезть в это змеиное гнездо, Мэриэн!.. К тому же вокруг дома охрана, и проникнуть туда так же трудно, как пролезть сквозь игольное ушко...

МЭРИЭН. Нет такого места, куда не могла бы проникнуть женщина!.. Даст Бог, все обойдется как нельзя лучше!.. До свидания, Виль!..

10

Начальник стражи вводит на веранду Мэриэн. И тотчас же к ней обращаются взгляды всех присутствующих мужчин. Она и впрямь красива, эта Мэриэн, несмотря на то, что ей пришлось проделать неблизкий путь и на одежде ее осела дорожная пыль...

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Простите, лорд шериф, но эта женщина просит дозволения поговорить с вашей милостью!..

ЛОРД ШЕРИФ. Подойди сюда, моя милая!.. Да не бойся, я не так уж страшен, как обо мне говорят!.. Итак, какое у тебя ко мне дело?..

МЭРИЭН. Меня зовут Мэриэн, ваша милость. Я приехала из Бернисдэля. Вы, верно, знаете, моего дядюшку. Он служит у вашей милости ключником...

ГАЙ ГИСБОРН. Да ведь она же совершенная красавица, эта Мэриэн из Бернисдэля!.. Правда, она уже далеко не девочка...

СУДЬЯ СТЕФЕН. Но это ее отнюдь не портит, сэр Гай!.. Только осенний плод бывает по-настоящему сладок...

ЛОРД ШЕРИФ. Так ты, стало быть, племянница старого Хьюго?.. Вот уж не подозревал, что у моих слуг такие красивые племянницы!.. Ну, и чего же ты хочешь, любезная Мэриэн?..

МЭРИЭН. Я хотела бы просить вашу милость, чтобы вы позволили мне погостить у дядюшки. Мы не виделись целых пять лет. То есть, с того времени, как умерла моя мать...

ГАЙ ГИСБОРН. А посмотрите, какая осанка! Женщин с такой осанкой не часто встретишь и при дворе!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. А поступь?.. Клянусь сводом законов, если бы не платье престолюдинки, я бы решил, что она королева!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ты сказала «погостить»? Но твой дядюшка не Бог весть какая персона, чтобы позволить себе принимать гостей!.. Он живет в доме лорда шерифа, а не на постоялом дворе!..

МЭРИЭН. О, я понимаю, ваша милость!.. Но если вы позволите мне немножко побыть рядом с дядюшкой, я готова работать не покладая рук!.. Я умею стирать, готовить еду, делать целебные настойки...

ГАЙ ГИСБОРН. А глаза?.. Нет, вы посмотрите, какие у нее глаза! Это же черт знает, что такое, а не глаза!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. А волосы?.. Где вы видели еще такие волосы?.. Да таких волос нет ни у одной женщины Англии!..

ЛОРД ШЕРИФ. Будь ты менее красива, любезная Мэриан, я бы тотчас указал тебе на дверь, но твоя красота смягчила мое сердце!.. Пожалуй, ты можешь остаться здесь... на три дня!..

ГАЙ ГИСБОРН. Слава Богу, что у старого дурака все-таки хватило ума не выдворить ее за порог!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Ну, не настолько же он глуп, чтобы не схватить перепелку, которая сама летит в руки!..

ЛОРД ШЕРИФ. С сегодняшнего дня, любезная Мэриэн, ты будешь прислуживать мне и моим гостям за столом!.. Но в дальнейшем от тебя могут потребоваться и еще кое-какие услуги...

11

Возмущенный ключник Хьюго вовсю распекает свою племянницу. Верный слуга лорда шерифа, он и думать забыл о своем злосчастном родстве...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Нет, ты все-таки сумасшедшая, Мэриэн!.. Точно такая же, как и твоя мать!.. Та тоже повсюду таскалась за твоим непутевым отцом, бродячим музыкантом! И что она нашла в нем, в этом сверчке, ума не приложу!.. Он то и дело изменял ей с трактирными служанками, а она и ухом не вела, точно ее это не касалось!.. И все-таки, каков бы он ни был, твой отец, ему, по крайней мере, не грозила виселица, в то время, как за голову Робина объявлена награда в тысячу золотых!.. А ты подумала, что будет со мной, если лорд шериф узнает, что моя племянница — подружка самого Робин Гуда?..

МЭРИЭН. Уверяю тебя, дядюшка, он никогда этого не узнает!.. Для него я просто Мэриэн из Бернисдэля!.. К тому же, я приехала к тебе совсем ненадолго...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Нет, черт возьми!.. Я не желаю рисковать своей шеей из-за капризов взбалмошной девчонки!.. Сию же минуту возвращайся в свой Шервуд, ты слышишь, сию минуту!..

МЭРИЭН. Но, дядюшка...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. И не упрашивай, это бесполезно!.. Уж если я что-нибудь решил, то меня никакой силой не сдвинуть с места. Буду стоять на своем, как скала под ветром!..

МЭРИЭН. Но, дядюшка...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Ну, ладно... Коли уж ты здесь, не

выгонять же тебя на улицу!.. Но имей в виду, впредь я не стану терпеть твои выходки!.. Это будет в первый и в последний раз!..

МЭРИЭН. Спасибо тебе, дядюшка!.. Но это еще не все... Лорд шериф упрятал в темницу одного моего приятеля... Это Бен Мукомол, отличный парень... Не мог бы ты помочь мне вызволить его оттуда? .

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Ну, это уж слишком, дорогая племянница!.. Ты, видно, и впрямь спятила, если смеешь просить меня о таких вещах! Нет уж, я для тебя и пальцем не пошевелю!..

МЭРИЭН. Но, дядюшка.

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Сказано «нет» — и все тут!.. И не надо меня уговаривать!.. Ведь ты же знаешь мой железный характер!.. Когда это необходимо, я умею быть тверд, как скала под ветром!

МЭРИЭН. Но, дядюшка...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Хорошо, я попытаюсь тебе помочь... Есть тут один малый... Если ему как следует заплатить, он, пожалуй, сумеет добыть запасной ключ... Но учти, это будет в первый и в последний раз!..

МЭРИЭН. Ты чудо, дядюшка!.. Но и это еще не все... Вокруг дома выставлена охрана... Боюсь, что Бен Мукомол не сможет выйти отсюда незамеченным... Может быть, ты позволишь ему укрыться в моей комнате?..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. О, дьявол!.. Ты явно испытываешь мое терпение!.. Разве тебе не достаточно того, что я для тебя делаю?.. Да знаешь ли ты, что бывает за укрывательство особо опасного преступника?..

МЭРИЭН. Но, дядюшка...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Я уже тридцать лет твой дядюшка, и не испытываю от этого ничего, кроме неприятностей!.. Хватит, больше я тебе не помощник!.. И не стоит меня умолять!.. Мое слово крепко, как... как... как скала под ветром!..

МЭРИЭН. Но, дядюшка...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. А, черт с тобой!.. Поступай, как знаешь!.. Все равно ведь ты меня не послушаешь!.. Но предупреждаю, племянница, если тебя все-таки повесят, то...

МЭРИЭН. ...То это будет в первый и в последний раз!.. Это я могу клятвенно тебе обещать, дядюшка!.. Спасибо, ты меня очень выручил!..

В тюремной камере, свернувшись в калачик, спит человек. Это Бен Мукомол, мельник из Трента. Лязгает замок, и Бен Мукомол, ничего не понимая спросонья, таращит глаза на вошедшую женщину.

МЭРИЭН. Вставай, лежебока!.. Ишь, облюбовал себе местечко!.. Каменный пол — не самая лучшая постель!.. Почему бы тебе не поваляться на лужайке?..

БЕН МУКОМОЛ. Мэриэн, голубка!.. Ущипни меня, чтобы я поверил, что не сплю!.. Как ты здесь очутилась?..

МЭРИЭН. Так же, как и ты, через дверь!.. Да что ты таращишься на меня, точно я привидение!.. Думаешь, ты один удостоен чести гостить в доме лорда шерифа?..

БЕН МУКОМОЛ. Вот удача так удача!.. А я уж смирился с мыслью, что придется сидеть здесь до второго пришествия!..

МЭРИЭН. До второго пришествия?.. Однако ты размечтался, бездельник!.. Еще до захода солнца ты качался бы на ветру, как спелое яблочко!..

БЕН МУКОМОЛ. Ах, мерзавцы!.. Стало быть, они решили сегодняшнее торжество украсить моей казнью?.. Ну, я им это припомню!..

МЭРИЭН. Поторапливайся, братец!.. А не то как бы тебе не пришлось сводить с ними счеты на том свете!.. Да и мне, признаться, некогда!.. У меня есть еще кое-какие дела...

А в одной из бесчисленных комнат дома лорда шерифа Робин, Тук и Джон продолжают ломать себе голову над тем, как спасти несчастного Бена Мукомола...

ФРИАР ТУК. Вход в подземелье не охраняется... Стража выставлена только вокруг дома...

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Зато на тюремной двери такой здоровенный замок, что его и в год не распилишь...

РОБИН. Плохо дело, ребята... Без ключа у нас ничего не выйдет... А добыть его не так-то просто...

МЭРИЭН. Ба, вот так встреча!.. Стоило мне уезжать из Шервуда, чтобы встретить вас в Ноттингеме!..

ФРИАР ТУК. Святой Вульфстан!.. Никак Мэриэн?..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ну, точно!.. Мэриэн и есть!..

РОБИН. Нет, это не Мэриэн, а сатана в юбке!.. Ну, скажи мне, какого черта тебя сюда принесло?..

МЭРИЭН. Я приехала не к тебе, можешь быть уверен. Для тебя это была бы слишком большая честь!..

РОБИН. Любопытно, к кому же?.. Можно подумать, что у тебя в этом доме тьма друзей!..

МЭРИЭН. К дядюшке Хьюго!.. Мы с ним не виделись пять лет. Бедняжка очень соскучился...

РОБИН. С какой это стати ты решила навестить дядюшку Хьюго именно тогда, когда я здесь?..

МЭРИЭН. А с какой это стати ты оказался здесь именно тогда, когда я решила навестить дядюшку Хьюго?..

ФРИАР ТУК. Мы тут по делу, Мэриэн... Надо вытащить из темницы одного малого...

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ты его знаешь... Это мельник из Трента, по прозвищу Бен Мукомол...

РОБИН. Теперь тебе ясно, зачем я здесь?.. И пока я не вызволю Бена из темницы, я отсюда не уеду!..

МЭРИЭН. Боюсь, что ты малость опоздал, Робин!.. Если ты кого и вызволишь из темницы, так только добрую дюжину крыс!..

РОБИН. Что ты хочешь этим сказать, Мэриэн?.. Если тебе вздумалось позабавиться, то сейчас не время для веселья...

МЭРИЭН. Я вовсе не шучу. Бен Мукомол давно уже на свободе и передает вам большой привет!..

РОБИН. Стало быть, кто-то освободил его уже до нас?.. Ну и ну, хотел бы я взглянуть на этого удальца!..

МЭРИЭН. Чего же проще?.. Раскрой глаза пошире и смотри себе на здоровье!.. Думаю, меня от этого не убудет!..

ФРИАР ТУК. Ай да Мэриэн!.. Неужто это твоих рук дело?..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ну и молодчина!.. Крепко утерла нам нос!..

РОБИН. Признаться, не ожидал от тебя такой прыти!.. И как же тебе это удалось?..

МЭРИЭН. Не все ли равно, Робин?.. Главное, Бен теперь в безопасности, и ты можешь с чистой совестью вернуться в Шервуд.

РОБИН. Как-нибудь обойдусь без твоих советов. У меня своя голова на плечах. Я сам знаю, что мне делать!..

МЭРИЭН. Значит, есть еще одна причина, которая вынуждает тебя задержаться в этом доме?..

РОБИН. Нет никакой причины!.. Просто я не люблю, когда меня понукают, как взнузданную лошадь!..

МЭРИЭН. Ты лжешь, Робин!.. Я прекрасно знаю, за какой дичью ты здесь охотишься!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Ее милость закончила свой туалет и просит господина художника пожаловать к ней в комнату!..

14

Разгневанный лорд шериф вышагивает по веранде и задает взбучку вытянувшегося перед ним в струнку начальнику стражи...

ЛОРД ШЕРИФ. Проклятье! Спрашивается, за что я плачу вам жалованье, дармоеды, если вы не в состоянии углядеть за каким-то жалким вилланом!..

ГАЙ ГИСБОРН. Не огорчайтесь так, лорд шериф!.. Далеко он не убежит! Клянусь своим мечом, не пройдет и недели, как я снова водворю его в темницу!..

ЛОРД ШЕРИФ. Легко вам говорить, сэръ Гай!.. А вы представляете, что будет с Марией, если я сообщу ей, что казнь, назначенная на сегодня, откладывается на неделю?..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Сейчас Мария так увлечена своим портретом, что забыла обо всем на свете!.. А до вечера еще далеко, и за это время мы что-нибудь придумаем!..

ЛОРД ШЕРИФ. Любопытно, что мы придумаем, господин судья, если она и слышать не хочет ни о каких иных развлечениях, кроме казни?..

ГАЙ ГИСБОРН. Но неужели в Ноттингемской тюрьме не найдется бродяги, которого следует повесить?.. Ручаюсь, каждый второй из этого сброда заслуживает петли!..

ЛОРД ШЕРИФ. Там у меня сидят одни нищие попрошайки. Все их мелкие грешки, вместе взятые, не тянут на то, чтобы отправить за них на виселицу.

СУДЬЯ СТЕФЕН. Не будьте столь шепетильны, лорд шериф! Поверьте, нет на свете такого человека, которого не за что было бы казнить. Все дело в изобретательности судей!..

ЛОРД ШЕРИФ. Вы так полагаете?.. Ну что ж, это хоть какой-то выход!.. Главное, чтобы Мария была довольна!.. Как-никак, а сегодня ее праздник!..

Несладко приходится Робину, впервые в жизни взявшему в руки кисти!.. К тому же вздорная дочка лорда шерифа Мария то и дело торопит его побыстрее заканчивать работу. И только две монахини стоят в углу неподвижные, как изваяния, но по выражению их глаз можно понять, что они ни на секунду не выпускают из виду свою воспитанницу...

МАРИЯ. Ну, долго мне еще так стоять?.. Если бы я знала, что это будет так скучно, никогда бы не согласилась!.. Ну-ка, покажи, что ты там нарисовал?..

РОБИН. Умоляю вас, не трогайтесь с места, ваша милость!.. Портрет — дело тонкое!.. Один неверный мазок — и все придется начинать сначала!..

ФРИАР ТУК. Послушай, Робин... Она, видать, девчонка выносливая и может простоять вот эдак еще сутки... Но, сдастся мне, мы здесь не для того, чтобы испытывать ее на крепость!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Время не ждет, Робин!.. А ты так прилежно возишь кистью по холсту, будто у тебя и впрямь нет другой заботы, как малевать синих страшилищ!..

РОБИН. Что я могу поделывать?.. Разговоры о сердечных делах лучше всего вести наедине... А эти чертовы монахини не отходят от нее ни на шаг!..

МАРИЯ. Эй!.. Ты работаешь уже битый час, а конца этому все не видно!.. Если так пойдет и дальше, то я, пожалуй, могу опоздать к началу казни!..

РОБИН. Без вас не начнут, ваша милость!.. А если бы и начали — что за беда?.. Право же, это не самое лучшее развлечение для молодой девушки!..

МАРИЯ. Много ты понимаешь!.. Я помню, в детстве я ловила кузнечиков и отрывала им лапки... Так, бывало, животики надорвешь от хохота, когда видишь, как они дергаются!..

ФРИАР ТУК. Святой Кесберт! И это то самое сокровище, за которым мы сюда приперлись?.. В жизни не видел более противной девицы!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Да уж, судя по всему, хлопот с ней не оберешься!.. Я бы крепко подумал, стоит ли ее похищать или лучше все-таки оставить на месте!..

РОБИН. Черт возьми, кто из нас выбирает себе невесту — вы или я?.. Характер у нее, конечно, не золото... Но, я надеюсь, со временем я вышибу из нее эту дурь!..

МАРИЯ. Нет, ты слишком долго копаешься!.. Еще немного — и у меня лопнет терпение!.. Могу я хоть, по крайней мере, взглянуть, что там у тебя получилось?..

РОБИН. Ни в коем случае, ваша милость!.. Вы рискуете все испортить!.. Нельзя смотреть незаконченную работу, это дурная примета!..

МАРИЯ. Господи, да ведь эдак же можно помереть со скуки!.. На чем я остановилась... Ах, да, на кузнечиках!.. Но это пустяки!.. А вот топить кошек в пруду — это действительно потеха!..

ФРИАР ТУК. Ну и ну! Да она же сущая ведьма!.. С такими замашками она в два счета превратит наш веселый лес в сарацинскую пустыню!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Так оно и будет!.. Если лорд шериф и вправду хочет с нами разделаться, то лучший способ, какой он может придумать, — это подсунуть нам свою дочь!..

РОБИН. Да будет вам, ребята!.. Раз уж мы здесь, отступить нам некуда!.. Вы же знаете, что я привык доводить дело до конца!..

МАРИЯ. Проклятье!.. Не думаешь ли ты, что я буду вот так стоять до самого вечера?.. Нет, хватит!.. Я хочу видеть свой портрет!.. И немедленно!..

РОБИН. Заклинаю вас, не подходите, ваша милость!.. Портрет еще не готов!.. В нем многого не хватает!.. Еще пара мазков — и тогда...

Мария решительно направляется к портрету... В последнюю минуту Робин незаметно опрокидывает банку с краской — во весь холст разливается огромное цветное пятно...

РОБИН. Осторожней, ваша милость!.. Ну вот, что я вам говорил!.. Напрасно вы меня не послушались... Теперь придется рисовать сызнава... Разводите краски, ребята!..

И снова — площадь. В толпе мы видим знакомую нам юркую фигурку возницы. Оглядевшись по сторонам, он тоже направляется к дому лорда шерифа...

ВОЗНИЦА. Послушай, ты ведь местный, не так ли?.. Не видал ли ты здесь троих приезжих?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Да мало ли их тут за день прошло, всяких!.. А какие они с виду, те, кого ты ищешь?..

ВОЗНИЦА. Ну, такие... Один высоченный, как башня, другой круглый, как бочка, а третий — с сумкой на плече...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Черт их знает!.. Может, и видал... Да разве в эдакой толчее всех упомнишь!..

ВОЗНИЦА. А ты постарайся вспомнить, братец... Куда они пошли, эти трое?.. Не в дом ли лорда шерифа?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Откуда мне знать?.. Я за ними не следил... А зачем они тебе понадобились, эти ребята?..

ВОЗНИЦА. А это уж не твоего ума дело!.. Ну, ладно, чего с тобой разговаривать!.. От тебя, видать, толку не добьешься...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Нет, стой!.. Что-то не нравишься ты мне, парень!.. А ну говори, чего ты здесь вынюхиваешь?..

ВОЗНИЦА. Ну, что ты ко мне привязался?.. Я человек смиренный... Иду себе мимо, никого не трогаю...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Выкладывай все начистоту, а не то я так хвачу тебя по башке, что она провалится тебе в желудок!..

ВОЗНИЦА. Да не дави же ты так, братец!.. Ну, и ручища у тебя!.. Того и гляди, переломаете мне все кости!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Насчет этого можешь быть уверен!.. Тот, кто шпионит за моими друзьями — пощады от меня не жди!

ВОЗНИЦА. Вот тебе раз!.. Так ты, стало быть, друг нашего Робина?.. Ну, повезло мне, на своего напал!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Да погоди, погоди!.. Не больно-то кидайся мне на шею!.. Если ты из наших, то почему я тебя не знаю?..

ВОЗНИЦА. Ну, и что из этого?.. Я тебя тоже не знаю!.. Зато с Робинком мы друзья — водой не разольешь!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Может, оно и так, а все-таки я тебя проверю!.. Назови-ка мне пяток самых отчаянных ребят из Шервуда...

ВОЗНИЦА. Сколько угодно!.. Маленький Джон, Фриар Тук, Гильберт Хромоножка, Черный Гарри, Биль Весельчак... Ну что, довольно или еще?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Ну, погоди!.. На какую ногу припадает Гильберт Хромоножка, на правую или на левую?

ВОЗНИЦА. Тоже мне загадка!.. Ясное дело, на левую!.. Она у него малость короче правой...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. И еще один вопрос... Как зовут подружку Робина и откуда она родом?..

ВОЗНИЦА. Есть над чем ломать голову!.. Ее зовут Мэриэн, эту красотку. И родом она из Бернисдэля!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Вот теперь я вижу, что ты точно из наших!.. А я было поначалу решил, что ты соглядатай...

ВОЗНИЦА. Обижает, братец!.. Своих надо нюхом чувствовать. А ты на меня с кулаками...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Ты уж прости меня, друг, если я помял тебя сгоряча... Чего в жизни не бывает!..

ВОЗНИЦА. На первый раз я тебя, может, и прощу... А впредь гляди у меня!.. Чтобы без этих штук!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Да уж само собой... Больше этого не повторится... Клянусь собственной бородой!..

ВОЗНИЦА. Вот-вот!.. А то ведь я человек крутой!.. Если кто меня прогневит — сверну в подкову!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Будет тебе браниться, друг!.. Мне и самому совестно, что я так оплошал!.. В пору хоть сквозь землю провалиться!..

ВОЗНИЦА. Ладно уж!.. Вижу, моя наука пошла тебе впрок!.. Так ты мне не ответил, был здесь Робин с ребятами или нет?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. А то как же!.. Были все трое... Помнится, они приехали еще до полудня...

ВОЗНИЦА. Ага, понятно!.. И потом всей компанией отправились к дому лорда шерифа?

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Точно, туда... Есть там у них одно дельце... Ну да, впрочем, они тебе сами расскажут...

ВОЗНИЦА. Про их дельце мне хорошо известно!.. Ну, будь здоров, братец!.. Заболтался я с тобой, а мне недосуг!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Простите, лорд шериф, но этот бродяга говорит, что у него срочное дело к вашей милости!..

ЛОРД ШЕРИФ. Чего ты хочешь, любезный?.. Только не подходи слишком близко!.. От тебя так и несет лошадиным навозом!..

ВОЗНИЦА. Оно и понятно, ваша милость!.. Я ведь возница!.. Приходится всю жизнь возиться с лошадьми!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ну, говори же, в чем дело, черт бы тебя подрал, а то я того и гляди задохнусь от этого проклятого запаха!..

ВОЗНИЦА. Скверный запах, что и говорить, ваша милость!.. Вот получу свои денежки — и уж тогда к лошадям ни шагу!..

ЛОРД ШЕРИФ. От кого это ты собираешься получить денежки, пройдоха?.. Или ты случайно раскопал какой-нибудь клад?..

ВОЗНИЦА. Так оно и есть, ваша милость!.. Клад в тысячу шиллингов! И я надеюсь получить его от вас!..

ЛОРД ШЕРИФ. Не знаю, как насчет тысячи шиллингов, а вот хорошей палки ты получишь в избытке, это уж точно!..

ВОЗНИЦА. Не спешите, ваша милость! А то ваши умельцы так меня отделают, что я уже ничем не смогу быть вам полезен!..

ЛОРД ШЕРИФ. Не вижу, какая польза может быть от пусто-мели, а ты, я вижу, намерен, развлекать меня глупой болтовней?..

ВОЗНИЦА. Вовсе нет, ваша милость! Разве не вы обещали тысячу золотых шиллингов тому, кто выдаст вам Робин Гуда?

ЛОРД ШЕРИФ. Робин Гуда?.. Но ведь он в Шервудском лесу и выкурить его оттуда так же трудно, как выловить иголку из кипятка!..

ВОЗНИЦА. Ошибаетесь, ваша милость!.. Робин Гуд давно уже не в Шервуде, а в Ноттингеме!..

ЛОРД ШЕРИФ. Вот как!.. В таком случае, скажи, где он, я пошлю туда своих людей!..

ВОЗНИЦА. Нет, ваша милость, так не пойдет! Прикажете-ка сначала отсчитать мне мои денежки!..

ЛОРД ШЕРИФ. Лучше я прикажусыпать тебе плетей!.. Может, это быстрее развяжет тебе язык!..

ВОЗНИЦА. А Робин Гуд будет пока разгуливать на свободе? Ну что ж, если этого хочет ваша милость, я готов и потерпеть!..

ЛОРД ШЕРИФ. Не смей со мной торговаться!.. Ты имеешь дело с лордом шерифом, а не с ярмарочным цыганом!..

ВОЗНИЦА. Так-то оно так, ваша милость, да только мне спокойнее, когда денежки лежат у меня в кармане!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ну, будь по-твоему!.. Вот тебе три шиллинга!.. Этого вполне достаточно, чтобы накачаться элем по самое горло!..

ВОЗНИЦА. Это хорошая сумма, ваша милость! Но в ней недостает еще девятисот девяноста семи шиллингов!..

ЛОРД ШЕРИФ. А, будь ты проклят!.. Какой болван научил тебя считать!.. Гийом, ну-ка, позови сюда моего казначея!..

А в комнате Марии Робин продолжает трудиться над портретом.

ФРИАР ТУК. Не шибко-то она тут на себя похожа!.. Вылитый покойник, да притом еще порядком полежавший в могиле!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Не многовато ли зеленого, Робин?.. Сдается мне, щеки у нее малость другого цвета!..

МАРИЯ. Предупреждаю, если ты не закончишь портрет до наступления сумерек, я прикажу отрубить тебе руки!..

РОБИН (тихо). Ну уж черта с два!.. Со мной это не пройдет! Я тебе не кузнечик!..

МАРИЯ. Ты что-то сказал?.. Или мне просто послышалось?..

РОБИН. Я сказал, ваша милость, что портрет вот-вот будет готов!..

Появляется начальник стражи в сопровождении целого отряда стражников.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Именем короля Ричарда, вы трое арестованы!.. Приказываю вам немедленно следовать за мной!..

МАРИЯ. Что это за самоуправство?.. Не знаю, в чем провинился этот художник, но он еще не закончил мой портрет!..

Мария подбегает к холсту и всплескивает руками. Видимо, художник действительно изобразил на холсте нечто такое, от чего позирующему трудно прийти в восторг...

МАРИЯ. И это ... я?

РОБИН. Ну, не я же!..

МАРИЯ. А почему у меня борода?

РОБИН. Это не борода, а воротник!..

МАРИЯ. А с чего вы взяли, что у меня зеленые щеки?..

РОБИН. Они вовсе не зеленые, а слегка с зеленцой!..

МАРИЯ. И отчего один глаз больше другого?

РОБИН. Вы моргнули, ваша милость!..

МАРИЯ. Черт возьми, меня рисовали многие художники и нигде я не получалась такой уродливой как здесь!..

РОБИН. Оно и понятно, ваша милость!.. Другие художники рисовали ваше лицо, а я попытался изобразить вашу душу!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Простите, что я вмешиваюсь, ваша

милость!.. Но вряд ли этот разбойник умеет рисовать!.. Это слишком неподходящее занятие для такого грубого животного, как Робин Гуд!..

МАРИЯ. Робин Гуд?.. Так это и есть Робин Гуд?.. А говорили, что он весь покрыт волосами, глаза у него горят, как угли, и вместо слов изо рта вырывается звериный рык!..

РОБИН. Так оно и есть, ваша милость!.. Но, направляясь сюда, я слегка привел себя в порядок!..

МАРИЯ. Так вот он какой, этот Робин Гуд!.. Сказать по правде, я представляла его себе совсем иначе!..

РОБИН. Я вас тоже, ваша милость!.. Слава Богу, мы, наконец, познакомились. Но, кажется, не пришли друг от друга в восторг!..

МАРИЯ. Уведи его, Гийом!.. Кто бы он ни был, но за тот портрет, что он мне нарисовал, его следует повесить пять раз кряду!..

19

Кажется, лорд шериф пришел в хорошее расположение духа... Ну, еще бы!.. Ведь он только что арестовал самого Робин Гуда!.. Мэриэн расставляет посуду и прислушивается к разговору...

ЛОРД ШЕРИФ. Ну, наконец-то!.. Наконец Господь услышал мои молитвы — и этот негодяй у меня в руках!..

ГАЙ ГИСБОРН. Поздравляю, лорд шериф!.. Арестовать неуловимого Робин Гуда!.. Вам есть чем гордиться!..

МАРИЯ. Только глядите за ним в оба, чтобы он у вас не удрал!.. А то вы уже однажды прошляпили мельника из Трента!..

ЛОРД ШЕРИФ. Больше этого не случится, дитя мое! Отныне я не доверяю страже и держу ключ при себе!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Ну и повезло же вашей дочери, лорд шериф!.. Ни одна девушка Англии не получала такого подарка в день своего совершеннолетия!..

МАРИЯ. Вешайте же его поскорее!.. И пусть зажгут побольше факелов!.. Я хочу видеть казнь во всех подробностях!..

ЛОРД ШЕРИФ. Казнь состоится после ужина, дитя мое!.. Не забывай, что преступников трое, и палач должен приготовить еще две петли!..

ГАЙ ГИСБОРН. Стало быть, у нас есть еще немного времени!.. Мэриэн, голубушка, подойди-ка сюда!

Мэриэн подходит к Гаю Гисборну, он жестом просит ее наклониться.

ГАЙ ГИСБОРН. Как только справишься со столом, ступай к себе в комнату и жди меня, поняла?

МЭРИЭН. Бог с вами, сударь!.. Как можно?.. Право же, мне неловко от вас такое слышать...

ГАЙ ГИСБОРН. Дурочка!.. На тебя обратил внимание не кто-нибудь, а сам Гай Гисборн!.. Ты понимаешь, что это значит?..

МЭРИЭН. А что скажут господин судья и лорд шериф?.. Ведь вы же не сможете покинуть их незаметно?..

ГАЙ ГИСБОРН. Не беспокойся, я найду удобный предлог!.. Этих ослов не так уж трудно обвести вокруг пальца!..

МЭРИЭН. Боюсь, как бы они чего не заподозрили, сударь!.. Они уже и теперь косятся на нас почему зря!..

ГАЙ ГИСБОРН. А ты скажи им, будто я интересовался свежей телятиной. Они знают, что я обожаю вырезку.

МЭРИЭН (громко). Хорошо, сударь. Я посмотрю, есть ли на кухне телятина. Думаю, повар отыщет для вас кусочек!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. А теперь подойди ко мне, Мэриэн!.. У меня тоже есть к тебе небольшая просьба...

Мэриэн подходит к судье Стефену, и дальнейший разговор опять происходит в пониженных тонах.

СУДЬЯ СТЕФЕН. О чем это ты болтала с Гаем Гисборном?.. Бьюсь об заклад, этот болван пытался завести с тобою шашни!..

МЭРИЭН. Как вы могли подумать, сударь!.. Разговор шел исключительно о телятине. Сэр Гай — большой охотник поесть.

СУДЬЯ СТЕФЕН. Это уж точно, пожрать он любит! Вот что, Мэриэн, как только освободишься — сразу ступай к себе. А я взгляну к тебе чуть позднее...

МЭРИЭН. Вы заставляете меня краснеть, сударь!.. Ну, не стыдно ли вам говорить мне такое!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Да пойми ты, глупенькая, тебе оказывает честь сам судья Стефен!.. Другая девица на твоём месте прыгала бы от счастья!..

МЭРИЭН. Я польщена, сударь!.. Но подумайте, что будет, если об этом узнают сэр Гай и лорд шериф?

СУДЬЯ СТЕФЕН. Не бойся, эти недоумки ни о чем не

догадаются!.. А если тебя спросят, о чем мы говорили, скажи, что я просил тебя принести жареной рыбы!..

МЭРИЭН (громко). Хорошо, сударь!.. Не знаю, есть ли сегодня рыба, но если есть, повар зажарит для вас целую сковородку!..

ЛОРД ШЕРИФ. А почему же ты не подходишь ко мне, любезная Мэриэн?.. Может статься, и я найду для тебя поручение!..

Мэриэн подходит к лорду шерифу, и снова весь дальнейший разговор ведется так, чтобы не слышали остальные.

ЛОРД ШЕРИФ. Послушай, что они там тебе нашептывали, эти обормоты? Небось, намекали насчет любовных утех?..

МЭРИЭН. Упаси Бог, ваша милость!.. Если господа и делали мне какие-то намеки, то только насчет свежей телятины и жареной рыбы!..

ЛОРД ШЕРИФ. Да, уж молотить челюстями они оба мастера!.. Особенно в гостях!.. Ну, ладно, принеси им то, что они просят, и отправляйся к себе. Как совсем стемнеет — я тебя навещу!..

МЭРИЭН. О, Господи!.. И не грех вам говорить мне такие вещи, ваша милость!.. Неужто я так похожа на уличную девку?..

ЛОРД ШЕРИФ. Но и я, черт возьми, не помощник трубочиста!.. Я шериф этого города!.. И ты находишься в моем доме!..

МЭРИЭН. О, я помню, ваша милость!.. Только мне не хотелось бы, чтобы о нашем разговоре узнали сэр Гай и господин судья!..

ЛОРД ШЕРИФ. Эти бараны?.. Да у них хватает ума только на то, чтобы не пронести ложку мимо рта!.. В крайнем случае, скажешь им, что мне захотелось отведать индейки!..

МЭРИЭН (громко). Хорошо, ваша милость! Повар уже поставил индейку на огонь, и она вот-вот будет готова!..

ЛОРД ШЕРИФ (громко). Ступай, любезная Мэриэн!.. И будь порасторопней!.. Я чувствую, мои гости изрядно проголодались!..

Мэриэн изящно кланяется и направляется к выходу. Все трое мужчин завороченно провожают ее глазами.

МАРИЯ. Это что еще за особа?.. Я никогда не видела ее у нас в доме... И почему она прислуживает за столом, когда это должна делать Дженни?..

ЛОРД ШЕРИФ. Видишь ли, дитя мое... Дженни неожиданно

захворала, и мне пришлось нанять эту девицу. Но это ненадолго, всего на три дня...

МАРИЯ. Ну да, так я тебе и поверила!.. Разве в доме недостаточно слуг, что тебе понадобилось брать людей со стороны?.. Я заметила, как вы втроем обхаживали эту служанку!..

ГАЙ ГИСБОРН. Должно быть, вы шутите?.. Чтобы я, рыцарь и дворянин волочился за прислугой?.. Право же, это смешно!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Ну, уж меня-то и вовсе нельзя в этом заподозрить!.. Я избегаю простолюдинок. От них слишком несет укропом!..

ЛОРД ШЕРИФ. А обо мне и говорить нечего, дитя мое!.. Я слишком чту память твоей покойной матери, чтобы опуститься до какой-то девицы из толпы!..

МАРИЯ. И что вы нашли в этой служанке, не понимаю!.. Она ведь порядком старовата... И скверно воспитана... И, сдается мне, глупа, как три сосновых пня!

ГАЙ ГИСБОРН. Да, сказать по правде, и красотой она не отличается!.. Так самая обыкновенная девица, каких нынче пруд пруди!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Я бы даже сказал, что она уродлива!.. Ведь если к ней присмотреться, господа, то ее и женщиной-то не назовешь!..

ЛОРД ШЕРИФ. А-а, чего там!.. Давайте уж смотреть правде в глаза, господа!.. Она просто сушая образина, эта Мэриэн,— вот и все!..

20

А в комнате у Мэриэн разгорелся жаркий спор!.. Бен Мукомол и Мэриэн пытаются уломать старого Хьюго! Он, как всегда, непреклонен. Впрочем, это только поначалу...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Нет, нет и нет, говорю я вам!.. Этот малый однажды уже оказал вам услугу... И до сих пор начальник стражи смотрит на него косо... Не могу же я просить его снова рисковать собственной башкой!..

БЕН МУКОМОЛ. Послушай, дружище!.. В прошлый раз вы вытащили из тюрьмы какого-то мельника из Трента, чья жизнь не стоит стертого фартинга!.. Но теперь речь идет о жизни самого Робин Гуда!..

МЭРИЭН. Пойми, дядюшка, Робин с ребятами ждут помощи!.. Если мы упустим время — их успеют повесить!.. А случится это или нет — зависит только от тебя!..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Ах, черт возьми, да что он вам даст этот запасной ключ!.. После случая с Беном у тюремных дверей выставлена стража, и никто не может подойти к темнице не назвав пароля!..

БЕН МУКОМОЛ. Вот оно что!.. Да, тогда дело худо... Придется, видно, играть с лордом шерифом в открытую... Когда ты говоришь, он обещал прийти к тебе в гости?..

МЭРИЭН. Кто его знает, может пожаловать с минуты на минуту... Только бы этот старый мерин не передумал!.. Прости, дядюшка, но у нас нет другого выхода...

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Эй, погодите, что это вы задумали?.. Никак хотите залучить в ловушку самого лорда шерифа?.. Ну уж нет, безумцы, в таких делах я вам не помощник!..

БЕН МУКОМОЛ. Очень жаль, дружище, но теперь мы связаны одной веревочкой... После того, что здесь произойдет, лорду шерифу станет ясно, кто такая Мэриэн из Бернисдэля... А ты ведь приходишься ей родным дядей, не так ли?

МЭРИЭН. Может, оно и к лучшему, дядюшка?.. Черта ли тебе коротать век в этом проклятом доме?.. Не пора ли плюнуть на лорда шерифа с его компанией и махнуть в наш веселый Шервуд?..

21

Уже стемнело, а казнь все откладывается... Мария раздражена... Лорд шериф тоже слегка взвинчен, но, похоже, по другому поводу...

МАРИЯ. Сколько можно ждать?.. Ты же обещал, что казнь состоится сразу после ужина!..

ЛОРД ШЕРИФ. Верно, дитя мое... Но все-таки следует дожидаться сэра Гая и судью Стефена...

МАРИЯ. Но их нет уже целый час!.. Куда они, к дьяволу, запропастились?..

ЛОРД ШЕРИФ. Ты же слышала, сэр Гай решил проверить караулы, а господин судья отлучился по нужде...

МАРИЯ. Странно!.. Такое впечатление, что сэр Гай заигрался с караульными в кости, а судья Стефен всерьез мается животом!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ты права, дитя мое, надо их поторопить!.. Я, пожалуй, пойду выясню, в чем там дело...

МАРИЯ. С каких это пор лорд шериф сам бегаёт за своими гостями?.. Не проще ли послать за ними Гийома?..

ЛОРД ШЕРИФ. Этого недотепу?.. Если его куда и посылать, то только за смертью!.. Ты же знаешь, я не доверяю своей страже и предпочитаю все делать сам!..

22

Раздается стук в дверь, и Бен Мукомол с дядюшкой Хьюго стремительно прячутся за занавеску... Мэриэн поворачивает ключ, и мы видим на пороге лорда шерифа...

МЭРИЭН. Ах, это вы, ваша милость?.. Признаться, я не ждала вас так рано... Видите, даже не успела переодеться!..

ЛОРД ШЕРИФ. Это ни к чему, любезная Мэриэн!.. И отчего это женщины любят наряжаться именно тогда, когда от них требуется, чтобы они разделись?..

МЭРИЭН. Что вы делаете, ваша милость?.. Экий вы прыткий!.. Право, нельзя же так сразу!..

ЛОРД ШЕРИФ. Спрашивается, ну на кой дьявол тебе столько тесемок!.. Чтобы их развязать, нужны целые сутки, а у меня не так уж много времени!..

БЕН МУКОМОЛ. Золотые слова, ваша милость!.. А у нас его и того меньше!.. Поэтому давайте сразу перейдем к делу!..

ЛОРД ШЕРИФ. Мельник из Трента, старый знакомец!.. Не тебя ли я собирался повесить нынче вечером?..

БЕН МУКОМОЛ. Меня, ваша милость!.. Но боюсь, что я не смогу быть вам полезным. У меня на сегодня другие планы!..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Не гневайтесь, ваша милость!.. Но лучше бы вам вести себя поскромнее... Здесь вы уже не лорд шериф, а наш пленник.

ЛОРД ШЕРИФ. Ключник Хьюго?.. И ты здесь?.. Неужели ты заодно с этим висельником?..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Обстоятельства, ваша милость!.. Может, я и не пошел бы против вас, если бы дело не касалось моей племянницы!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ах, вот оно что!.. Так вас тут целая шайка!.. Самое время кликнуть стражу!..

МЕРИЭН. Стоит ли, ваша милость?.. В этом случае вы станете покойником прежде, чем увидите здесь первую алебарду...

ЛОРД ШЕРИФ. Проклятье!.. Чего вы от меня хотите?.. А впрочем, я знаю, что вам от меня нужно!.. Денежный выкуп, не так ли?..

МЕРИЭН. О нет, ваша милость!.. Вы отделаетесь совсем дешево!.. Дайте нам только ключ от подземелья и назовите пароль...

ЛОРД ШЕРИФ. Вы хотите освободить Робин Гуда?.. Ну уж нет, это вам не удастся!.. Даже если вы отправите меня на тот свет!..

БЕН МУКОМОЛ. За этим дело не станет, ваша милость!.. Если вы сию минуту не сделаете то, о чем вас просят, то считайте, что вы уже в пути!..

ЛОРД ШЕРИФ. Ну, ладно, черт с вами! Вот вам ключ!.. Пароль — «гром и молния»!

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Давно бы так, ваша милость!.. А теперь пожалуйста сюда!.. Не беспокойтесь, вам не придется скучать в этой славной компании!..

Дядюшка Хьюго и Бен Мукомол всовывают кляп в рот сопротивляющемуся лорду шерифу, связывают его по рукам и ногам и упаковывают в мешок. Два точно таких же мешка уже давно стоят за занавеской, но лорд шериф, разумеется, этого видеть не может...

23

Трое друзей сидят в той же темнице, где давеча находился Бен Мукомол... Настроение у них неважное, и все их попытки развеселиться не увенчиваются успехом...

ФРИАР ТУК. Слушай-ка, Джон!.. Тут и без того негде повернуться, а ты еще вытянул ноги!.. Не забывай, что нас тут трое!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Втроем бы мы разместились!.. Беда в том, что нас четверо. Если принять в расчет твое брюхо!..

РОБИН. Браните меня, ребята!.. Это ведь я втянул вас в эту историю!.. И все это из-за какой-то вздорной девчонки!..

ФРИАР ТУК. Полно казнить, Робин!.. Не все еще потеряно! Сдается мне, наша вострушка Мэриэн что-нибудь придумает!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Можешь не сомневаться!.. Нашла же она способ, как вызволить из этой норы Бена Мукомола!..

РОБИН. Мэриэн слишком горда!.. Такие, как она, не прощают обид. Уж я-то ее знаю!..

Грохочет дверной замок, и пленники изумленно вздрагивают — на пороге стоят Мэриэн, дядюшка Хьюго и Бен Мукомол.

ФРИАР ТУК. Ну, что я говорил!.. Вот она, Мэриэн, собственной персоной!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Легка на помине! Да не одна, а с парой добрых помощников!..

РОБИН. Мэриэн!.. Старина Хьюго!.. Бен Мукомол!.. Право же, родные мои, не знаю, как вас благодарить!..

БЕН МУКОМОЛ. Я тут ни при чем!.. Скажите спасибо Мэриэн с дядюшкой Хьюго!..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Еще чего!.. Да я бы ни в жизнь не взялся за эту работенку, если бы не Мэриэн и Бен Мукомол!..

МЕРИЭН. А уж я и подавно!.. Стала бы я стараться для этих юбочников!.. Это все Бен Мукомол и дядюшка Хьюго!..

Мэриэн широко распахивает дверь, и Бен Мукомол с дядюшкой Хьюго, кряхтя, подтаскивают к порогу темницы три здоровенных мешка.

БЕН МУКОМОЛ. А теперь быстренько вытряхивайтесь, парни!.. Дайте и другим понежиться в этом райском уголке!

ФРИАР ТУК. Эй, посмотри-ка, Джон! Кажется, они решили устроить тут мучной склад!.. То-то крысам будет раздолье!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Сдается мне, что в этих мешках не мука, братец Тук!.. Иначе с чего бы ей шевелиться?..

РОБИН. Да уж, я вижу, из этой муки не напечешь пирогов!.. Ну, и ловкачи вы, ребята!.. Неужто сняли весь караул?..

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Ну, вот еще!.. Станем мы размениваться на мелочи!.. Тут у нас компания что надо!.. Сам лорд шериф со своими дружками...

РОБИН. Ого!.. Знатный товар!.. Как это вы ухитрились провернуть такое дьявольское дельце? Небось, тут не обошлось без Мэриэн, а?..

МЭРИЭН. Хватит разговоров!.. Пора уносить ноги!.. А не то как бы дочка шерифа не хватилась своего папаши!..

А Мария уже совсем потеряла терпение... Виселица готова, палач на месте, преступники в темнице... Спрашивается, чего же еще ждать?..

МАРИЯ. Ну вот, теперь и этот пропал!.. Гийом, распорядись, чтобы герольды трубили начало казни!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Не имею права, ваша милость!.. Для этого необходим приказ самого лорда шерифа!..

МАРИЯ. А я тут кто, по-твоему?.. Торговка чесноком?.. Я дочь лорда шерифа ноттингемского!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Я понимаю, ваша милость!.. Но таков порядок!.. Любое торжество происходит согласно этикету...

МАРИЯ. Сегодня мой праздник, и я могу делать все, что мне вздумается!.. Делай, что тебе говорят, иначе я прикажу тебя высечь!..

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Я подчиняюсь, ваша милость!.. Но не откажитесь засвидетельствовать лорду шерифу, что я сделал это не самовольно!..

МАРИЯ. Ладно, я все беру на себя!.. Ну что ж, Робин Гуд!.. Живой ты выглядишь совсем неплохо... Посмотрим, каков ты будешь в петле!

Жизнерадостный палач Глен Коротышка распутывает веревки, которыми перевязаны мешки с преступниками. У него, в отличие от тех, кто сидит сейчас в мешках, превосходное настроение, и он пытается поделиться им со своими жертвами, развлекая их своей болтовней...

ПАЛАЧ. Ну и изувер этот лорд шериф!.. Мало ему повесить человека, он еще должен затолкать его в мешок!.. Ну, ничего, мои дорогие, сейчас ваши страдания кончатся!.. Поверьте, вся эта церемония с повешением пройдет ничуть не больше, чем, скажем, выдрать трухлявый зуб!.. Ну, само собой, все зависит от мастера!.. У другого вы бы еще изрядно помучились прежде, чем отдали Богу душу!.. А я так искусно вяжу петли, что вы и не заметите, как попадете на небо!.. Любой висельник хотел бы попасть в мои руки... Разумеется, я не могу оказывать эту честь каждому встречному-поперечному!.. Но для самого Робин Гуда и его ребят я так и быть готов расстараться!.. Глядишь, через

пяток лет и на меня будут показывать пальцем: вон идет Глен Коротышка, который повесил самого знаменитого разбойника Англии!..

Палачу, наконец, удастся распутать веревки, и на глазах изумленной толпы из мешков поднимаются связанные лорд шериф, Гай Гисборн и судья Стефен...

26

А на веранде разгорается настоящий скандал!.. Лорд шериф ищет виновника недавнего конфуза...

ЛОРД ШЕРИФ. Какой позор!.. И во всем виноваты вы, сэр Гай!.. Если бы на вас не нашла блажь приударить за этой Мэриэн...

ГАЙ ГИСБОРН. Ах, стало быть, я всему виной?.. Любопытно узнать, а почему же не господин судья? Он ведь тоже, кажется, не безгрешен...

СУДЬЯ СТЕФЕН. Не хотите ли вы свалить всю вину за происшедшее на одного меня?.. А как же лорд шериф?.. Или среди нас он один Божий агнец?..

ЛОРД ШЕРИФ. Не смейте впутывать меня в эту грязную историю!.. Если я и заглянул в комнату этой Мэриэн, то только для того, чтобы поймать вас на месте преступления!..

ГАЙ ГИСБОРН. Неудачная выдумка, лорд шериф!.. Неужели вы думаете, что я не слышал, сидя в мешке, как вы пытались улещать эту девицу?..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Да-да!.. Я прямо давился от смеха, когда вы пытались развязывать ее бесчисленные тесемки... Вот уж где была потеха!..

ЛОРД ШЕРИФ. Вы давились не от смеха, а от кляпов, что были у вас во рту!.. И, уж если вы сами признаете, что сидели в это время в мешках, то не объясните ли заодно, как вы туда попали?..

ГАЙ ГИСБОРН. Той же дорогой, что и вы, лорд шериф! Только в отличие от вас я не вручал преступникам ключа от подземелья и не выдавал им секретного пароля!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Вот именно!.. Уж если кто и виноват в том, что Робин Гуд, не успев попасть за решетку, снова оказался на свободе, так это вы, лорд шериф!..

ЛОРД ШЕРИФ. Довольно молоть вздор!.. Я привык

отчитываться только перед самим собой!.. Не хватало еще, чтобы такие болваны, как вы, читали мне нравоучения!..

ГАЙ ГИСБОРН. Ах, вот как!.. Ну, вы мне за это еще ответите, лорд шериф!.. Вы оскорбили Гая Гисборна, личного поверенного короля!.. Учтите, что отныне ноги моей не будет в вашем доме!..

СУДЬЯ СТЕФЕН. Что касается меня, то с этой минуты я буду объезжать Ноттингем за три мили!.. Назвать болваном представителя королевского суда!.. Нет, лорд шериф, даром вам это не пройдет!..

ЛОРД ШЕРИФ. Проваливайте отсюда, собаки!.. Иначе моя стража так намнет вам бока, что вы навсегда забудете собственные титулы!.. Говорят же вам, вон отсюда!..

Гай Гисборн и судья Стефен, оскорбленно вскинув подбородки и звонко печатая шаг, покидают злосчастный дом лорда шерифа.

МАРИЯ. Нечего сказать, устроил ты мне праздник!.. Мало того, что упустил Робин Гуда, так еще сам едва не угодил на виселицу!..

Бряцая доспехами, появляется начальник стражи. За ним видим юркую фигурку уже знакомого нам возницы...

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ. Простите, лорд шериф, но этот бродяга снова добивается, чтобы его пропустили к вашей милости...

ЛОРД ШЕРИФ. Гони его в шею!.. У меня нет желания разговаривать с кем бы то ни было, кроме своей дочери!..

ВОЗНИЦА. Э, нет, ваша милость!.. Уж коли я здесь, извольте меня выслушать!.. К тому же дельце у меня пустяковое...

ЛОРД ШЕРИФ. Тьфу ты, дьявол!.. Надо же, чтобы один человек вонял, как целая конюшня!.. Ну, чего тебе еще надо?..

ВОЗНИЦА. Да все того же, ваша милость!.. В той тысяче, что вы мне дали, не хватает одного шиллинга!.. Нехорошо, ваша милость!..

ЛОРД ШЕРИФ. Да ты совсем спятил, пройдоха?! Не хочешь ли ты сказать, что я надул тебя в деньгах?..

ВОЗНИЦА. Я этого не говорил, ваша милость!.. Вы сами это сказали!.. Но, как ни крути, а выходит, что так оно и есть!..

ЛОРД ШЕРИФ. Гийом!.. Отведи этого негодяя на конюшню и распорядись всыпать ему плетей!.. Впрочем, стой!.. Кажется, я придумал для него кое-что получше...

И снова — уже в который раз! — шумная Ноттингемская площадь. Виль из Бленда радостно приветствует своих друзей...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Привет, Бен!.. Рад видеть тебя невредимым, приятель! Правда, ты малость отошал, но улыбки у тебя не убавилось!.. Скалишь зубы так же, как и прежде!..

БЕН МУКОМОЛ. Еще бы мне не радоваться!.. Считай, что я ускользнул из самой петли!.. Если бы не голубка Мэриэн и дружище Хьюго — болтаться бы мне теперь на перекладине!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Не знаю, как ты, а вот лорд шериф и впрямь был на пол-ярда от петли!.. Видели бы вы, как палач выпрастывал из мешков его самого, Гая Гисборна и судью Стефена!

ДЯДЮШКА ХЬЮГО. Ну и досада!.. Стало быть, к самому интересному зрелищу я не поспел!.. Вот так всегда... Одни готовят на стол, а другие знай себе уплетают!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Так это ваша работа?.. Ну и шустрые же вы ребята!.. Эдак оконфузить лорда шерифа!.. Кто же из вас додумался до такой ловкой штуки?..

МЭРИЭН. Уверяю тебя, это было не так уж трудно!.. Птички добровольно влетели в западню, нам оставалось только захлопнуть крышку!..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Ну, что ж, слава Богу, что все вы в сборе!.. Хотя, погодите... Одного я все-таки среди вас не вижу!.. Где вы потеряли того, вертлявого?..

РОБИН. Какого еще вертлявого?.. Может быть, ты имеешь в виду Гильберта Хромоножку?.. Так он ждет нас у северных ворот Ноттингема...

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Да нет, Гильберта я хорошо знаю!.. А этого давеча видел впервые... Ну, такой, с хитрыми глазами. И от него крепко несет лошадиным навозом...

РОБИН. Возница!.. Ну да, тот самый возница, который вез художника Эдварда Грэя!.. Теперь мне ясно, кто выдал нас лорду шерифу!.. Где он сейчас?..

ВИЛЬ ИЗ БЛЕНДА. Если бы я это знал!.. Ах, дурак я, дурак!.. Ведь чуяло мое сердце, что он мерзавец!.. Попадись он мне теперь, уж я бы знал, что с ним делать!..

ФРИАР ТУК. А ну-ка, гляньте вон туда, ребята!.. Кого это там волокут на помост?.. Уж не того ли веселого парня, о котором вы толкуете?..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Ну точно, его самого!.. Ишь, как брыкается, бедняга!.. Но, сдается мне, это не тот случай, когда нам следует, сломя голову, кидаться на вырубку...

РОБИН. Ну, вот!.. А вы все браните лорда шерифа!.. Как видите, и он иногда совершает разумные поступки!.. Что ж, кажется, это было последнее дело, которое могло задержать нас в Ноттингеме!..

28

Вот мы и вернулись в любезный нашему сердцу Шервудский лес... Гильберт Хромоножка распрягает лошадей и с удивлением разглядывает всех, кто вылезает из кареты...

ГИЛЬБЕРТ ХРОМОНОЖКА. Ого!.. Там, у городской стены, я не разобрал, сколько вас село в повозку... А теперь вижу, что приехало вдвое больше, чем уезжало!..

РОБИН. Ты правильно сосчитал, Гильберт!.. Бен Мукомол и старина Хьюго тоже решили переселиться в Шервуд. Так что выдай-ка им зеленые плащи и боевые луки!..

ГИЛЬБЕРТ ХРОМОНОЖКА. Однако, я что-то не вижу той добычи, ради которой ты ездил в Ноттингем, Робин!..

РОБИН. Разве?.. А ты посмотри повнимательнее!.. Чем тебе не нравится вон та красавица?..

ГИЛЬБЕРТ ХРОМОНОЖКА. Но это же Мэриэн!.. А ты, помнится, хотел привезти сюда дочку лорда шерифа...

РОБИН. Ты что-то путаешь, Гильберт!.. Я привез именно ту женщину, о которой мечтал всю жизнь!..

ГИЛЬБЕРТ ХРОМОНОЖКА. Но если эта женщина — Мэриэн, то тебе не стоило уезжать из Шервуда!..

РОБИН. Стоило, Гильберт!.. Право же, иногда полезно отъехать подальше, чтобы разглядеть то, что постоянно находится у тебя перед глазами!..

29

Несчастный художник еле дождался возвращения Робина. Ведь если тот вернулся, то ему вернут свободу и он, художник Эдвард Грэй, может продолжать жить под своим именем!..

ХУДОЖНИК. Простите, сударь!.. Надеюсь, теперь вы позво-

лите мне продолжить мое путешествие?.. Впрочем, если во мне есть еще необходимость, то я готов по мере сил...

РОБИН. Нет, нет, братец!.. Ты можешь ехать, куда тебе угодно!.. Только не появляйся в Ноттингеме у лорда шерифа!.. Там тебе после нас делать нечего...

ФРИАР ТУК. Представляю, какую рожу скроит лорд шериф, если ты заикнешься ему о том, что хочешь нарисовать портрет его дочери!.. Да он от гнева проглотит собственный язык!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Оставался бы ты лучше с нами!.. У нас найдется для тебя кусок оленины и кружка эля!.. А вздумаешь кого-нибудь нарисовать, никто с тебя за это не взыщет!..

ФРИАР ТУК. Только не рисуй брата Джона!.. А то тебе придется все время задирать голову вверх, и на портрете получатся одни только ноздри!..

МАЛЕНЬКИЙ ДЖОН. Думаю, с братцем Туком тебе тоже лучше не связываться!.. Брюхо так подпирает его снизу, что закрывает половину лица, так что тебе не удастся нарисовать ничего, кроме лысины!..

ХУДОЖНИК. Благодарю вас за любезное приглашение, но, право же, я не могу его принять!.. Раз я не успел на торжество к лорду шерифу, то мне следует возвратиться ко двору!..

РОБИН. Твоя воля, братец!.. Карета ждет тебя, и ты можешь отправляться в любое время!.. Жаль только, я не могу вернуть тебе возницу...

ГИЛЬБЕРТ ХРОМОНОЖКА. Эка беда!.. Разве я управляюсь с лошадьми хуже этого проходимца?.. Домчу, куда надо, будьте уверены!.. Оглянуться не успеете, как окажетесь на месте!..

ХУДОЖНИК. Я вам очень признателен, господа!.. И еще одно... Могу ли я взять с собой свои картины?.. Вот и прекрасно!.. Томас!.. Вильям!.. Несите вещи в карету!..

30

Наконец-то состоялось последнее объяснение Робина с Мэриэн! Понадобились целые сумасшедшие сутки, чтобы между ними произошел этот разговор...

РОБИН. Послушай, Мэриэн!.. Да постой, не беги!.. Мне нужно с тобой поговорить...

МЭРИЭН. Не о чем разговаривать, Робин!.. Все, что хотел, ты мне уже сказал, не так ли?..

РОБИН. Ты все еще на меня сердишься!.. Ну, конечно, как же не сердиться на такого олуха, как я!..

МЭРИЭН. Не много ли ты на себя берешь, Робин?.. Сердиться можно на мужа, а ты мне не муж!..

РОБИН. Черт возьми, в таком случае, почему бы тебе не выйти за меня замуж!..

МЭРИЭН. Чтобы иметь право сердиться на тебя, когда ты гоняешься за какой-нибудь юбкой?..

РОБИН. Я люблю тебя, Мэриэн!.. Ах, дьявол, даже мороз по коже, до чего я тебя люблю!..

МЭРИЭН. Но ведь, помнится, ты говорил, что не выносишь, когда тебя держат под уздцы?..

РОБИН. Говорил, это верно... А теперь настало время, когда я сам готов вручить тебе поводья!..

МЭРИЭН. И ты не боишься, что я могу натянуть их слишком сильно?..

РОБИН. Боится тот, кто хочет вырваться!.. А мне расхотелось это делать раз и навсегда...

*Жене моей Нине
посвящается*

**ПРО
ФЕДОТА-СТРЕЛЬЦА,
УДАЛОГО МОЛОДЦА**

(По мотивам русского фольклора)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Скоморох-потешник

Федот

Маруся

Царь

Царевна

Нянька

Генерал

Баба Яга

Голос

Тит Кузьмич

Фрол Фомич

Послы, стража, свита, народ

ПОТЕШНИК

Верьте аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, удалой молодец. Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше, ни в парче, а так, вообще. Служба у Федота — рыбалка да охота. Царю — дичь да рыба, Федоту — спасибо. Гостей во дворце — как семян в огурце. Один из Швеции, другой из Греции, третий с Гавай — и всем жрать подавай! Одному — омаров, другому — кальмаров, третьему — сардин, а добытчик один! Как-то раз дают ему приказ — чуть свет поутру явиться ко двору. Царь на вид сморчок, башка с кулачок, а злобности в ём — агромадный объем. Смотрит на Федьку, как язвенник на редьку. На Федьке от страха намокла рубаха, в висках застучало, в пузе заурчало, тут, как говорится, и сказке начало...

ЦАРЬ

К нам на утренний рассол
Прибыл аглицкий посол,
А у нас в дому закуски —
Полгорбушки да мосол.

Снаряжайся, братец, в путь
Да съестного нам добудь —
Глухаря аль куропатку,
Аль ишо кого-нибудь.

Не сможёшь — кого винить? —
Я должен тебя казнить.
Государственное дело,
Ты улавливаешь нить?..

ФЕДОТ

Нешто я да не пойму
При моем-то при уму?..
Чай, не лаптем щи хлебаю,
Сображаю, что к чему.

Получается, на мне
Вся политика в стране:
Не добуду куропатку —
Беспременно быть войне.

Чтобы аглицкий посол
С голодухи не был зол —
Головы не пожалею,
Обеспечу разносол!..

ПОТЕШНИК

Слово царя тверже сухаря. Пошлет на медведя — пойдешь на медведя, а куда деваться — надо, Федя! Или дичь и рыба — или меч и дыба. Обошел Федот сто лесов, сто болот, да все зазря — ни куропатки, ни глухаря! Устал нет мочи, да и дело к ночи. Хоть с пустой сумой, а пора домой. Вдруг видит — птица, лесная голубица, сидит, не таится, ружья не боится...

ФЕДОТ

Вот несчастье, вот беда,
Дичи нету и следа.
Подстрелю-ка голубицу,
Хоть какая да еда!

А вообще-то говоря,
Голубей ругают зря.
Голубь — ежели в подливке —
Он не хуже глухаря!..

ГОЛУБИЦА

Ты, Федот, меня не трожь,
Пользы в этом ни на грош,—
И кастрюлю не наполнишь,
И подушку не набьешь.

Чай, заморский господин
Любит свежий галантин,
А во мне какое мясо,
Так, не мясо, смех один!..

ФЕДОТ

То ли леший нынче рьян,
То ли воздух нынче пьян,
То ли в ухе приключился
У меня какой изъян?

То ль из царских из окон
Оглашен такой закон,
Чтобы птицы говорили
Человечьим языком?..

ГОЛУБИЦА

Не твори, Федот, разбой,
А возьми меня с собой.
Как внесешь меня в светелку —
Стану я твоей судьбой.

Буду шить, стирать, варить,
За обиды не корить,
И играть тебе на скрипке,
И клопов тебе морить!..

ФЕДОТ

Что за притча — не пойму?..
Ладно, лезь ко мне в суму!..
Там на месте разберемся,
Кто куды и что к чему!

ПОТЕШНИК

Принес Федот горлинку к себе, значит, в горенку. Сидит невесел, головушку повесил. И есть для кручины сурьезные причины. Не сладилась охота у нашего Федота. А царь шутить не любит — враз башку отрубит. Сидит Федот, печалится, с белым светом прощается. Вспомнил про птицу, лесную голубицу. Глядь, а средь горенки вместо той горлинки — стоит красна девица, стройная, как деревце!..

МАРУСЯ

Здравствуй, Федя!.. Ты да я —
Мы теперь одна семья.
Я жена твоя, Маруся,
Я супружница твоя.

Что молчишь, мил-друг Федот,
Как воды набрамши в рот?..
Аль не тот на мне кокошник,
Аль наряд на мне те тот?..

ФЕДОТ

На тебя, моя душа,
Век глядел бы не дыша,
Только стать твоим супругом
Мне не светит ни шиша!..

Был я ноне — чуть заря —
На приеме у царя,
Ну, и дал мне царь заданье
В смысле, значит, глухаря.

Хоть на дичь и не сезон —
Спорить с властью не резон:
Ладно, думаю, добуду,
Чай, глухарь, а не бизон.

Проходил я цельный день,
А удачи — хоть бы тень:
Ни одной сурьезной птицы,
Все сплошная дребедень!..

И теперь мне, мил-дружку,
Не до плясок на лужку —
Завтра царь за энто дело
Мне оттяпает башку.

А такой я ни к чему
Ни на службе, ни в дому,
Потому как весь мой смысл
Исключительно в уму!..

МАРУСЯ

Не кручинься и не хнычь!
Будет стол и будет дичь!
Ну-ко станьте предо мною,
Тит Кузьмич и Фрол Фомич!

(Маруся хлопает в ладоши — появляются два дюжих молодца)

Коли поняли приказ —
Выполняйте сей же час!

МОЛОДЦЫ

Не извольте сумлеваться,
Чай, оно не в первый раз!..

ПОТЕШНИК

А царь с послом уже сидят за столом. Рядом — ты глянь-ка! — царевна да нянька. И все ждут от Феди обещанной снеди. Какая ж беседа без сытного обеда? А на столе пусто: морковь да капуста, укроп да петрушка — вот и вся пирушка. Гость скучает, ботфортой качает, дырки на скатерти изучает. Царь серчает, не замечает, как Федьку по матери величает. Вдруг как с неба — каравай хлеба, икры бадейка, тушеная индейка, стерляжья уха, телячьи потроха — и такой вот пищи названий до тыщи! При здакой снеди — как не быть беседе!..

ЦАРЬ

Вызывает антирес
Ваш технический прогресс:
Как у вас там сеют брюкву —
С кожурою али без?..

ПОСОЛ

Йес!

ЦАРЬ

Вызывает антирес
Ваш питательный процесс:

Как у вас там пьют какаву —
С сахарином али без?..

ПОСОЛ

Йес!

ЦАРЬ

Вызывает антирес
И такой ишо разрез:
Как у вас там ходют бабы —
В панталонах али без?

ПОСОЛ

Йес!

НЯНЬКА

Постеснялся хоть посла б!..
Аль совсем башкой ослаб?..
Где бы что ни говорили —
Все одно сведет на баб!

ЦАРЬ

Ты опять в свою дуду?
Сдам в тюрьму, имей в виду!
Я ж не просто балабоню,
Я ж политику веду!

Девка эвон подросла,
А тоща, как полвесла!
Вот и мыслю, как бы выдать
Нашу кралю за посла!

Только надо пользы для
Завлекать его не зля —
Делать тонкие намеки
Невсурьез и издаля.

НЯНЬКА

Да за энтого посла
Даже я бы не пошла,—
Так и зыркает, подлюка,
Что бы стибрить со стола!

Он тебе все «йес» да «йес»,
А меж тем все ест да ест.
Отвернись, он пол-Расей
Заглотнет в один присест!

ЦАРЬ

Али рот себе зашей,
Али выгоню взашей!
Ты и так мне распужала
Всех заморских атташей!

Даве был гишпанский гранд,
Уж и щеголь, уж и франт!
В каждом ухе по брильянту —
Чем тебе не вариант?

Ты ж подстроила, чтоб гость
Ненароком сел на гвоздь,
А отседова у гостя —
Политическая злость!..

НЯНЬКА

Как же, помню!.. Энтот гранд
Был пожрать большой талант:
С головою влез в тарелку,
Аж заляпал жиром бант!

Что у гранда не спреси —
Он, как попка,— «си» да «си»,
Ну, а сам все налегает
На селедку иваси!

ЦАРЬ

Я за линию твою
На корню тебя сгною!

Я с тобою не шуткую,
Я серьезно говорю!

Из Германии барон
Был хорош со всех сторон,
Дак и тут не утерпела —
Нанесли ему урон.

Кто ему на дно ковша
Бросил дохлого мыша?
Ты же форменный вредитель,
Окаянная душа!..

НЯНЬКА

Да уж этот твой барон
Был потрескать недурен!
Сунь его в воронью стаю —
Стберет и у ворон.

С виду гордый — «я-а» да «я-а»,
А прожорлив, как свинья,
Дай солому — съест солому —
Чай, чужая — не своя!..

ЦАРЬ

Ну, шпиёнка, дай-то срок —
Упеку тебя в острог!
Так-то я мужик не злобный,
Но с вредителями строг.

Вот ответь мне — слов не трать! —
Где царевне мужа брать?
Чай, сама, дурында, видишь —
Женихов у ей не рать!

Кабы здесь толпился полк —
В пререканьях был бы толк,
Ну а нет — хватай любого,
Будь он даже брянский волк!..

ЦАРЕВНА

Коли ты в Расее власть,
Дак и правь Расеей всласть,
А в мою судьбу не суйся
И в любовь мою не влазь!

В доме энтих атташе
По сту штук на этаже,
Мне от их одеколону
Аж не дышится уже!..

ЦАРЬ

Коль любовь и вправду зла,
Дак полюбишь и посла.
А попутно мне поправишь
И торговые дела.

Я под энтот антирес
Сплавлю им пеньку и лес,
Вся общественность согласна,
Только ты идешь вразрез!..

ЦАРЕВНА

Сколь бы ты не супил бровь —
Повторяю вновь и вновь:
Индивид имеет право
На слободную любовь!

Может, дело наконец,
И дошло бы до колец,—
Кабы вдруг меня сосватал
Твой Федотушко-стрелец!..

ЦАРЬ

Цыц, дуреха!.. Замолчи!..
Тесту место у печи!
Ну-ко марш к себе в светлицу
И сольфеджию учи!

А проклятого стрельца,
Наглеца и подлеца,
Я плетью да батогами
Враз отважу от дворца!..

ПОТЕШНИК

Был у царя генерал, он сведенья собирал. Спрячет рожу в боро-
ду — и шасть по городу. Вынюхивает, собака, думающих инако.
Подслушивает разговорчики, — а вдруг в стране заговорщики?
Где чаво услышит — в книжечку запишет. А в семь в аккурат —
к царю на доклад.

ЦАРЬ

Что невесел, генерал?
Али дурью захворал,
Али брагою опился,
Али в карты проиграл?

Али служба не мила,
Али армия мала,
Али в пушке обнаружил
Повреждение ствола?

Докладай без всяких врак,
Почему на сердце мрак, —
Я желаю знать подробно,
Кто, куда, чаво и как!..

ГЕНЕРАЛ

Был я даве у стрельца,
У Федота-удальца,
Как узрел его супругу —
Так и брякнулся с крыльца.

Третий день — ей-ей не вру! —
Саблю в руки не беру,
И мечтательность такая,
Что того гляди помру!

А намедни был грешок —
Чуть не выдумал стишок,

Доктора перепугались,
Говорят — любовный шок!..

ЦАРЬ

Обошел меня стрелец!..
А ведь знал, что я вдовец!..
Ну-ко мигом эту кралю
Мне доставить во дворец!

А коварного стрельца
Сей же час стереть с лица,
Чтобы он не отирался
Возле нашего крыльца!..

ГЕНЕРАЛ

Умыкнуть ее — не труд,
Да народец больно крут:
Как прознают, чья затея,—
В порошок тебя сотрут!

Дерзкий нынче стал народ,
Не клади им пальца в рот,—
Мы не жалуем Федота,
А народ — наоборот!

ЦАРЬ

Ты у нас такой дурак
По субботам али как?
Нешто я должен министру
Объяснять любой пустяк?

Чтоб худого про царя
Не болтал народ зазря,
Действуй строго по закону,
То бишь действуй... втихаря.

Ну, а я уж тут как тут —
Награжу тебя за труд:
Кузнецам дано задание —
Орден к завтраму скуют!..

ПОТЕШНИК

Целый день генерал ум в кулак собирал. Все кумекал в поте лица — как избавиться от стрельца. Да в башке мысли от напряжения скисли. Вспомнил на досуге о старой подруге, Бабе Яге — Костяной ноге. Схожу-ко к ней, она поумней!.. А та середь дубравы собирает травы, варит всяческие отравы. Как увидела генерала — все гербарии растеряла. Соскучилась в глуши без родственной души!..

ЯГА

Ты чавой-то сам не свой,
Не румяный, не живой!..
Али швед под Петербургом,
Али турск^ж под Москвой?..

Съешь осиновой коры —
И взбодрись до поры:
Чай, не химия какая,
Чай, природные дары!

В ейном соке, генерал,
Есть полезный минерал,—
От него из генералов
Ни один не помирал!..

ГЕНЕРАЛ

Полно, бабка!.. Я не хвор!..
Отойдем-ка за бугор!..
Расшугай ежей и белок,
Есть сурьезный разговор.

Тут у нас один стрелец —
Шибко грамотный стервец!..
Вот и вышло мне заданье
Извести его вконец!

Только как?.. Башку срубить —
Дак молва начнет трубить!..
Не поможешь ли советом,
Как хитрей его сгубить?..

ЯГА

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Трое сбоку — ваших нет,
Туз бубновый, гроб сосновый,
Про стрельца мне дай ответ!
Коль он так ретив и скор,
Что с царем вступает в спор,—
Пусть он к завтраму добудет
Шитый золотом ковер.

Чтоб на ём была видна,
Как на карте, вся страна.
Ну, а коли не добудет,—
То добытчика вина!..

ГЕНЕРАЛ

Ай да бабка! Ай да спец!
Вот и хлопотам конец!
Хоть вынай тебя из ступы —
Да министром во дворец!

Ноне с немцем нелады,
Далеко ли до беды,
А с тобою я готовый
Хоть в разведку, хоть куды!

За добро плачу добром:
Хошь — куницей, хошь — бобром,
А не хошь — могу монетой,
Златом али серебром!..

ЯГА

Полно, голубь, не греси,
Убери свои гроши,—
Я ведь энто не для денег,
Я ведь энто для души.

Будет новая беда —
Прямиком спеши сюда.
Чай, и мы в лесу не звери,
Чай, поможем завсегда!..

ПОТЕШНИК

Зовет царь стрельца, удалого молодца. Ишо не дал задание, а уж сердит заранее. Руками сучит, ногами стучит, очами вращает, в обчем, страшает. Уж так ему охота извести Федота, что ажно прямо в костях ломота!..

ЦАРЬ

Раздобудь к утру ковер —
Шитый золотом узор!..
Государственное дело,—
Расшибись, а будь добер!

Чтоб на ём была видна,
Как на карте, вся страна,
Потому как мне с балкону
Нет обзору ни хрена!

Не найдешь, чаво хочу,—
На башку укорочу,
Передам тебя с рассветом
Прямо в лапы палачу!

ПОТЕШНИК

Пришел Федот домой, от горя немой. Сел в уголок, глядит в потолок, ясные очи слезой заволок. Маня есть кличет, а он шею бычит, ничаво не хочет, супится да хнычет...

МАРУСЯ

Ты чаво сердит, как еж?
Ты чаво не ешь — не пьешь?
Али каша подгорела,
Али студень нехорош?

ФЕДОТ

Да какая там еда!
Царь лютует — прям беда!
Нет на этого злодея
Ни управы, ни суда!

Раздобудь, кричит, ковер —
Шитый золотом узор —
Шириной во всю Расею,
В сто лесов и в сто озер!..

МАРУСЯ

Не кручинься и не хнычь!
Пусть лютует старый хрыч!
Ну-ко встаньте предо мною,
Тит Кузьмич и Фрол Фомич!..

(Маруся хлопает в ладоши — появляются два дюжих молодца)

Коли поняли приказ —
Выполняйте сей же час!

МОЛОДЦЫ

Не извольте сумлеваться,
Чай, оно не в первый раз!

ПОТЕШНИК

Наутро Федот у царских ворот. Пришел на прием и ковер при ём. Стоит улыбается, стражи не пугается. Царь удивился, аж икрой подавился. Злоба его точит, а показать не хочет. Делает взгляд, что вроде бы рад!..

ФЕДОТ

Ты вчерась просил ковер, —
Ну дак я его припер.
Все согласно договору —
И рисунок, и колер.

Вся Расеюшка сполна
На ковре отражена.
Сей ковер тебе в подарок
Соткала моя жена!..

ЦАРЬ

Ай да ухарь! Ай да хват!
На скольких же ты женат?

Али ты сосватал сразу
Цельный ткацкий комбинат?

У тебя, Федот, жена
Хоть умна да все ж одна!
А соткать такое за ночь —
Их дивизия нужна!..

ФЕДОТ

Аль ковер не тешит взор?
Аль не тот в ковре узор?
Ну дак я его под мышку —
Да и кончен разговор!

Чтоб не зря пропасть трудам,
Я купцам его продам,
И пуцай он из Расей
Уплывает в Амстердам!..

ЦАРЬ

Мне б огреть тебя плетьюми,
Четырьмя али пятьми,
Чтобы ты не изгалялся
Над сурьезными людьми!

Но поскольку я спокон
Чту порядок и закон,—
Вот тебе пятак на водку
И пошел отседа вон!..

ПОТЕШНИК

Совет царь генерала, штырь ему в забрало! У царя рожа на свеклу похожа, а когда он красный — он на руку опасный. Бьет, зараза, не больше раза, но попадает не мимо глаза. Энто генерал на себе проверял: с начала сказки ходит в повязке!..

ЦАРЬ

Ну, браток, каков итог?
Обмишурился чуток?
Только сей чуток потянет
Лет примерно на пяток!

Ты у нас широк в плечах,
А башкой совсем зачах.
Вот умишко и поправишь
На казенных-то харчах!..

ГЕНЕРАЛ

Упеки меня в острог
На какой угодно срок —
Все одной сия наука
Не пойдет мне, дурню, впрок!

Мне бы саблю да коня —
Да на линию огня!
А дворцовые интрижки —
Энто все не про меня!

ЦАРЬ

Ты мне вашеблагородь,
Брось горячку-то пороть!
Ты придумай, как без сабли
Нам Федота побороть!

Ну, а будешь дураком —
Не ищи вины ни в ком:
Я тебе начищу рыло
Лично энтим кулаком!..

ПОТЕШНИК

Зря генерал руки потирал: не вышло с налета — погубить Федота. Опять у бедняги башка в напряге. А в башке — слышь-ка! — ну хоть бы мыслишка! Думал-думал, ничаво не надумал. Как ни крутись — без Яги не обойтись! Поперся опять в дубраву — искать на Федьку управу!..

ЯГА

Ты чаво опять смурной?
Что причиной, кто виной?
Аль гишпанец гоношится
Аль хранцуз пошел войной?

Вот из плесени кисель!
Чай, не пробовал досель?
Дак испей — и враз забудешь
Про мирскую карусель!

Он на вкус не так хорош,
Но зато сымает дрожь,
Будешь к завтраму здоровый,
Если только не помрешь!..

ГЕНЕРАЛ

Я опять насчет стрельца!
Нет беде моей конца!
Оттого я и хвораю,
Оттого и спал с лица.

До чего ж, подлец, хитер —
Всем вокруг носы утер!
Сколь ты тут не колдовала,
А добыл он тот ковер!

Хоть на вид он и простак,
А башкой варить мастак,
Так что впредь колдуй сурьезней,
С чувством, так твою растак!

ЯГА

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Трое сбоку — ваших нет,
Туз бубновый, гроб сосновый,
Про стрельца мне дай ответ!

Так!.. Эге!.. Угу!.. Ага!..
Вот что вызнала Яга:
Пусть он сыщет вам оленя,
Что из золота рога!..

Обыщи весь белый свет —
Таковых в природе нет!
Энто я тебе, голуба,
Говорю, как краевед!..

ПОТЕШНИК

Зовет царь стрельца, удалого молодца. Не успел наш Федот утереть с рожы пот, а у царя-злодея — новая затея. Царь бурлит от затей, а Федька потей! В обчем, жисть у Федьки — хуже горькой редьки!..

ЦАРЬ

Ну-ка, сбрось хандру и лень
И — в дорогу сей же день!
Государственное дело —
Позарез нужон олень!
Коли ты царю слуга —
Подь за горы, за луга
И сыщи мне там оленя,
Чтоб из золота рога.

Не гунди и не перечь,
А поди и обеспечь,
А не то в момент узнаешь,
Как башка слетает с плеч!..

ПОТЕШНИК

Пришел Федот домой, сопли — бахромой! Сел перед лучиной в обнимку с кручиной. Жена-красавица на шею бросается, а он к жене и не прикасается! Сидит, плачет — горюет, значит!..

МАРУСЯ

Ты чаво глядишь сычом?
Аль кручинишься об чем?
Аль в солянке мало соли,
Аль бифштекс недоперчен?

ФЕДОТ

Да какой уж там обед!
Царь замучил — спасу нет!
Поутру опять придется
Перед ним держать ответ!

Энтот царь лютей врага —
Снова шлет меня в бега:

Отыщи, кричит, оленя,
Чтоб из золота рога!..

МАРУСЯ

Не кручинься и не хнычь!
Есть печали и опричь!
Ну-ко встаньте предо мною,
Тит Кузьмич и Фрол Фомич!

(Маруся хлопает в ладоши — появляются два дюжих молодца)

Коли поняли приказ —
Выполняйте сей же час!

МОЛОДЦЫ

Не извольте сумлеваться —
Чай, оно не в первый раз!..

ПОТЕШНИК

Чуть свет Федот — у царевых ворот. Пришел на прием и олень при ём. У царя от гнева закололо слева. Раздавил бы гниду, но не кажет виду. Сидит, зеваёт — злобу скрывает!..

ФЕДОТ

Чай, заждался? Добрый день!
Глянь в окно, когда не лень!
Ты заказывал оленя —
Ну дак вот тебе олень!

И — заметь! — рога на нем
Так и пыхают огнем,
От него без всякой лампы
По ночам светло, как днем!..

ЦАРЬ

Тех оленей — ты не ври! —
Нет ни в Туле, ни в Твери.
Что в Твери — в самом Багдаде
Их от силы штуки три!

А теперь прикинь, солдат,—
Где Москва, а где Багдад!
Али ты смотался за ночь
До Багдаду и назад?..

ФЕДОТ

Ну, даешь, ядрена вошь!
И олень тебе не гождь?
А вчерась мытарил душу:
Вынь оленя да положи!..

Коли ты и так богат,—
Я верну его в Багдад.
Кто там нонеча у власти? —
То-то парень будет рад!..

ЦАРЬ

Ты мне, Федька, энто брось
Иль с башкою будешь врозь!
Я твои намеки вижу
Исключительно наскрозь!

Ну да ладно, за престиж
Разве черта не простишь!
Вот тебе пятак на водку
И катись куды хотишь!..

ПОТЕШНИК

Вызывает царь генерала — ажно прям из-под одеяла. Генерал в панике, ищет подштанники, понимает — зовут не на пряники! Царь на троне сидит — на весь мир сердит. Черный от злости, как ворон на погосте!..

ЦАРЬ

Сколь не бился ты, милоч,—
Не попал Федот в силок!
Об тебе уже составлен
Фициальный некролог.

Только надобно решить,
Как верней тебя решить:

Оглушить канделябром
Аль подушкой задушить?..

ГЕНЕРАЛ

Оплошал я, государь!
Вот те сабля, хочешь — вдарь!
Только больше тем Федотом
Мне мозги не скипидарь!

Что дурак — не обессудь!
У меня иная суть!
Мне б куды-нибудь в атаку.
Аль на штурм куды-нибудь!..

ЦАРЬ

Ты с мечом-то боевой,
Только вот чаво усвой:
Побеждать Федота надо
Не мечом, а головой!

Ну, а будешь так же скор,
Как ты был до этих пор,—
Я тебя, коровья морда,
Сам пристрою под топор!..

ПОТЕШНИК

Наш дурак снова ум напряг. А и было того ума — невеликие
закрома. Думал, думал, ничаво не надумал. Свистнул псов ора-
ву — и к Яге в дубраву. Увидала та генерала — сиганула аж до
Урала. Да опомнилась и вернулась: как бы хуже не обернулось!..

ЯГА

Ты чавой-то не в себе!
Вон и прыщик на губе!
Ой, растратишь ты здоровье
В политической борьбе!..

Спробуй заячий помет!
Он — ядреный, он — проймет!
И куды целебней меду,
Хоть по вкусу и не мед.

Он на вкус хотя и крут,
И с него бывает мрут,
Но какие выживают —
Те до старости живут!..

ГЕНЕРАЛ

Ты мне, бабка, не крути!
Ты изыскивай пути!
Ты придумай как Федота
До могилы довести!

Сколь не билась ты, Яга,
А не вышло ни фига!
Раздобыл Федот оленя —
Драгоценные рога!

Ты башку себе продуй
Да потщательней колдуй.
Наш стрелец, как оказалось,
Не такой уж обалдуй!..

ЯГА

Вообще-то я хитра
В смысле подлости нутра,
Да чавой-то мне сегодня
Не колдуется с утра!..

Все и колет, и болит,
И в груди огнем палит!..
Я давно подозреваю
У себя энцефалит!..

Ой, чавой-то худо мне!
Слышь, как хрумкает в спине?
Словом, раз такое дело —
Я вобче на бюлютне!

ГЕНЕРАЛ

Захворала — не беда!
Съешь лягушку из пруда!
Нет надежней медицины,
Чем природная среда!

Ты морочить мне мозги
Даже думать не моги!
Лучше всю свою подлючесть
На работу напряги!

А полезешь на рожон —
Выну саблю из ножен!
Ты хотя мне и подруга,
А порядок быть должен!..

ЯГА

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Трое сбоку — ваших нет,
Туз бубновый, гроб сосновый,
Про стрельца мне дай ответ!

Пусть Федот проявит прыть,
Пусть сумеет вам добыть
То-Чаво-На-белом-свете —
Вообще-Не-может-быть!

Ну, Федот, теперь держись!
Дело верное, кажись!
Вот уж этого заданья
Ты не выполнишь ни в жисть!..

ПОТЕШНИК

Зовет царь стрельца, удалого молодца. Опять поручение государственного значения. Да когда же кончится это мучение! А меж тем сказке — далеко до развязки!..

ЦАРЬ

Исхитрись-ка мне добыть
То-Чаво-Не-может-быть!
Запиши себе названье,
Чтобы в спешке не забыть!

А не выполнишь к утру —
В порошок тебя сотру,
Потому как твой карахтер
Мне давно не по нутру!

Так что неча губы дуть,
А давай скорее в путь!
Государственное дело —
Ты ухватываешь суть?

ПОТЕШНИК

Пришел Федот домой — жутче смерти самой! Бел, как мел,
лицом занемел. Сел у окна — в глазах пелена. Кинулась Маня,
а он — ноль внимания!.. Будешь в печали, коли смерть за
плечами!..

МАРУСЯ

Ну-ко душу мне излей,
Отчаво ты черта злей?
Аль в салате по-милански
Не хватает трюфелей?..

ФЕДОТ

Я твое, Марусь, меню
Исключительно ценю,
Только жизнь мою, Маруся,
Загубили на корню!

Что мне делать? Как мне быть?..
Как беду мою избыть?
Приказал мне царь доставить
То-Чаво-Не-может-быть!..

МАРУСЯ

Не печалься и не хнычь!
Стоит только кинуть клич!
Ну-ко встаньте предо мною,
Тит Кузьмич и Фрол Фомич!

(Маруся хлопает в ладоши — появляются два дюжих молодца)

Коли поняли приказ —
Выполняйте сей же час!

(Пауза)

МОЛОДЦЫ

Извиняемся, хозяйка,
Энто дело не про нас!

Кабы схемку аль чертеж —
Мы б затеяли вертеж,
Ну, а так — ищи сколь хочешь,
Черта лысого найдешь!

Где искать и как добыть
То-Чаво-Не-может-быть?
Ведь его ж на свете нету,
Сколько землю не копыть!..

МАРУСЯ

Не взыщи, мил-друг Федот,
Не велик с меня доход!
Знать, судьба тебе, любимый,
Самому идти в поход!

За границей не блуди,
В чистоте себя блюди.
В разговоры не мешайся
И знакомств не заводи!

Избегай пустых морок,
Избегай кривых дорог,
Думай больше о здоровье,
Ешь сметану и творог!..

ФЕДОТ

Ты, Марусь, того, не трусь!
Образуется, Марусь!
Сполню царское заданье —
И целехоньким вернусь!

Без меня не унывай!
Чаще фикус поливай!
Хошь играй на балалайке,
Хошь — на пальцах вышивай!

Ну, а сунется такой,
Кто нарушит твой покой,—
Мне тебя учить не надо:
Сковородка под рукой!..

ПОТЕШНИК

Ушел Федот в заморский поход. Узнал про то генерал — последний ум потерял. Бежит наш хитрец к царю во дворец — доложить, что стрельцу конец. Уж и дырку для ордена просверлил, толстомордина!..

ЦАРЬ

Хороша ль, плоха ли весть,—
Докладай мне все как есть!
Лучше горькая, но правда,
Чем приятная, но лесть!

Только, если энта весть
Снова будет — не бог весть,
Ты за эдакую правду .
Лет на десять можешь сесть!..

ГЕНЕРАЛ

Докладаю: чуть заря
Федька поднял якоря!
Слава богу, отвязались
От него, от упыря!

Вот пушай он, паразит,
По морям и егозит,—
Нам с тобою энту харю
Больше видеть не грозит!..

ЦАРЬ

Ну-ко, нянька, подь сюды,
Принимайся за труды —
Рви из темечка волосья,
Те, которые седы.

А какие не седы,
Те расчесывай в ряды.
Да полегче гребешком-то,
У меня там не сады!..

НЯНЬКА

Что ж чесать-то, старый черт,
Коли лысину печет?!
У тебя ж тут каждый волос
Надо ставить на учет!..

И на кой тебе нужна
В этом возрасте жена?
Ведь тебе же, как мужчине,
Извиняюсь, грош цена!..

ЦАРЬ

Хоть волосьев я лишен,
А жениться я должен!
Шах персидский тоже лысый,
А имеет сорок жен!

Я ж хочу всего одну
Завести себе жену!
Нешто я в интимном смысле
И одну не потяну?..

НЯНЬКА

Дак у шаха-то, видать,
Есть и силушка, и стать,
А тебя, сверчок ты дохлый,
С-под короны не видать!

У тебя в твои лета
Сила все ж таки не та!
Поберег бы ты здоровье,
Ведь тебе уж больше ста!..

ЦАРЬ

Эка важность — больше ста!
Лишь бы кровь была густа!
Говорят, любви покорны
Все буквально возраста!

Так что, нянька, хошь не хошь,
А и я на дело гожд!
Коли все любви покорны,
Дак и я покорный то ж!..

НЯНЬКА

Ты, дружок, из тех мужей,
Что безвреднее ужей —
Егозят, а не кусают,
Не сказать ишо хужей!

Чтоб чужую бабу скрасть,
Надо пыл иметь и страсть!
А твоя сейчас задача —
На кладбище не попасть!..

ЦАРЬ (*генералу*)

Ну, а ты чаво молчишь
Да медальками бренчишь?
Аль не видишь, как поганют
Государственный престиж?

Нянька гнет меня в дугу,
А министр — ни гу-гу!
Ты у нас по обороне,
Вот и дай отпор врагу!..

ГЕНЕРАЛ

Дак ведь бабьи-то суды
Про мужчин всегда худы!
Ты в себе не сумлевайся,
Ты любовник хоть куды!

Гордый профиль, твердый шаг,
Со спины — дак чистый шах!

Только сдвинь корону набок,
Чтоб не висла на ушах!..

ЦАРЬ (няньке)

Вот министр мне не враг,
Все как есть сказал без врак,
А ведь он мужик не глупый,
Не гляди, что он дурак.

От тебя ж — один бедлам,
Стыд царю, конфуз послам!
Я давно антиресуюсь,
Ты не засланная к нам?..

Не шпионь и не вреди,
А осмелишься — гляди:
Разговор у нас с тобою
Будет крупный впереди!..

ПОТЕШНИК

Едет царь к Мане — оказывать внимание. Сам в карете сидит, деколоном смердит, за царем свита — напудрена, завита, за свитою сундук — козинаки и фундук. Все честь по чести — едет царь к невесте!..

ЦАРЬ

По заданию царя
Федька отбыл за моря!
В обчем, я его отседа
Сплавил, проще говоря!

Чтоб не бедствовать одной,—
Становись моей женой!
А чаво?.. Мужик я видный
И на ласку заводной!..

МАРУСЯ

Не успел ишо Федот
Шагу сделать от ворот,
А уж вороны слетелись
На Федотов огород!..

ЦАРЬ

Ты мне, девка, не дури!
Предлагают — дак бери!
Чай, к тебе не каждый вечер
Ходют вдовы цари!..

Сей же час, я говорю,
Собирайся к алтарю!
Очумела от восторга,
Дак нюхни нашатырю!

МАРУСЯ

Ты уж лучше, государь,
За другими приударь!
Мне ж забота — ждать Федота
Да глядеть на календарь!

ЦАРЬ

Полно, девка,— слухи врут!
Ждать стрельца — напрасный труд.
Он в каком-нибудь Гонконге
Жрет какой-нибудь гриб-фрут!

Ты сама, дуреха, взвесь:
Он-то там, а ты-то здесь!
Нет теперича Федота,
Был Федот, да вышел весь!

МАРУСЯ

Хоть секи меня бичом,
Хоть руби меня мечом,—
Все одно твоей супругой
Я не стану нипочем!

ЦАРЬ

Ты, Марусь, меня не зли
И конфликт со мной не дли!
Мне наемни из Парижу
Гильотину привезли!

В свете сказанного мной —
Лучше будь моей женой!
У меня ведь тоже нервы,
Я ведь тоже не стальной!

МАРУСЯ

Уходи, постылый, прочь
И в мужья себя не прочь!
Не уйдешь — дак я могу и
Сковородкою помочь!

ЦАРЬ

Ну-ко те, что у дверей,—
В кандалы ее скорей!
Энто что ишо за мода —
Сковородками в царей!

Вот помаяшься в тюрьме —
И поправишься в уме!
Сколь ты, девка, не кобенься,
А поженимся к зиме!..

МАРУСЯ

Изловить меня, балда,
Много надобно труда!
До свиданья, друг мой ситный,
Может, свидимся когда!..

(Маруся превращается в голубицу и улетает)

ПОТЕШНИК

Проплавал Федот без малого год. Ел халву, ел хурму,—
а свое держал в уму! Чудес в мире — как мух в сортире,
а нужного чуда — не видать покуда. Тревожится Федот —
время-то идет! Решил без истерики — съезжу до Америки!
Плывет Федот средь бескрайних вод, впереди — закат,
позади восход. Вдруг средь похода — спортилась погода.
Не было напасти — и на тебе, здрасьте, корабль — хрясь! —
и распался на части!.. Стихла гроза — открыл Федот глаза:
лежит на волне, невредимый вполне. Видит — островок торчит,

как поплавок. Добрался до берега, думал — Америка. Вынул карту, сверил-ка — ан нет, не Америка!

Остров Буян, будь он окаян,— может, в карте какой изъян?! Сидит Федот икает, в обстановку вникает...

ФЕДОТ

Сколь по прихоти царя
Я не плавал за моря,—
Не видал паршивей места,
Откровенно говоря!

Ну и остров — прям тоска! —
Сплошь из камня и песка.
И доколь хватает глазу —
Ни речушки, ни леска!

Да оно бы не беда,
Кабы здесь была еда,—
Окажись тут лебеда бы,
Дак сошла б и лебеда!..

ГОЛОС

Кто охочий до еды —
Пусть пожалует сюды:
У меня еды навалом,
У меня ее пруды!

Вот, к примеру, получи,
Прям из печки калачи,
Вот жаркое из индейки,
Вот компот из алычи!
Вот колбасы, вот сыры,
Вот полцентнера икры,
Вот карибские омары,
Вот донские осетры!..

(Появляются столы с яствами)

ФЕДОТ

Энто что за чудеса?
Энто что за голоса?

Тут и спрятаться-то негде —
Окиян да небеса!

Окажи, хозяин, честь,
Покажись, каков ты есть!
Неприлично как-то гостю
В одиночку пить да есть!

Чай, на острове твоём
Веселей скучать вдвоём—
Где картишки раскидаем,
Где по чарочке нальём!..

ГОЛОС

Я бы рад, да мой портрет —
Для меня и то секрет!
Сам порою сумлеваюсь,
То ли есть я, то ли нет!..

У меня забот не счесть:
Есть еда, да нечем есть,
Есть табак, да нечем нюхать,
Есть скамья, да нечем сесть!

Так устал за тыщу лет,
Что не в радость белый свет!
Думал было удавиться,—
Дак опять же шеи нет!

ФЕДОТ

Ай-да встреча! Стало быть,
Я сумел тебя добыть,—
То-Чаво-На-белом-свете
Вообще-Не-может-быть!

Чем, тоскуя да хандря,
Жисть расходовать зазря,—
Может, сплаваешь со мною
До расейского царя?..

Прогуляйся, освежись,
С белым светом подружись!

Что за жисть без приключений,—
Просто ужасть, а не жисть!..

ГОЛОС

Я полезных перспектив
Никогда не супротив!
Я готов хоть к пчелам в улей,
Лишь бы только в колефтив!

Дай приказ — и хоть куды,
Хоть на добычу руды!
Буду вкалывать задаром,
Без питья и без еды!

Я к любому делу гож,
Я в любые двери вхож,
Я тебе что хошь достану,
Хоть подкованную вошь!..

ФЕДОТ

Вошь, оно, конечно, что ж?
Вошь, оно неплохо то ж!
Но на энтой насекомой
Далеко не уплывешь!

Раздобудь мне лучше флот —
Али лодку, али плот,
Раз уж ты такой искусный
В энтом деле полиглот!

Нам к утру, часам к пяти,
Надо быть уже в пути,
Потому как нас в Расее
Заждались уже, поди!..

ПОТЕШНИК

А царь меж тем не теряет времени — принимает посла людоедского племени. Лондоны-парижи смазали лыжи, царю остались послы пожиже! Царь перед послом так и скачет козлом: мол, вот тебе дочка, бери ее — и точка! Знать, дела уж совсем худы, раз дошло до такой беды! Ну да ладно, бывает и хуже — лишь бы девка была при муже!..

ЦАРЬ

Добрый день, веселый час!
Рады видеть вас у нас!
Вери гуд, салам алейкум,
Бона сэра, вас ист дас!

Кто вы родом?.. Сколь вам лет?..
Вы женаты али нет?
Не хотите ль с нашей фройлен
Покалякать тет-а-тет?

НЯНЬКА

Перед кем ты, старый бес,
Тут разводишь политес?
Твой посол, я извиняюсь,
Третий день как с пальмы слез!

Будь на ём хотя б картуз,—
Не такой бы был конфуз,
А на ём же из одежды —
Ничаво помимо бус!..

ЦАРЬ

Ты — шпиёнка, энто факт!
Что ни брякнешь — все не в такт!
Ты ж со всею заграницей
Мне порушила контакт!

Я годами жду гонцов,
А она их — из сенцов!
За кого ж тогда царевну
Отдавать в конце концов?..

НЯНЬКА

Ты взгляни ему в лицо:
Уши врозь, в носу кольцо!
Да и кожа вся рябая,
Как кукушкино яйцо!..

Даже я — чаво скрывать? —
Не легла бы с ним в кровать!

Дак неужто нашу девку
За такого отдавать?..

ЦАРЬ

Коли шансы на нуле,
Ищут злата и в золе!
Девка тоже в смысле рож
Далеко не крем-брюле!

Ей сойдет теперь любой —
Хоть горбатый, хоть рябой,
Потому как и рябые
К нам не ломаются гурьбой!..

НЯНЬКА

Дак ведь он из диких мест,
Что увидит, то и ест!
Помнишь вазу из топазу?
Слопал, ирод,— вот те крест!

Кабы он просил, злодей,
Лососины да груздей —
Дак ведь жрет чаво попало,
От фарфору до гвоздей!

ЦАРЬ

Что ни просит — он в гостях! —
Все неси ему в горстях!
Чай, у нас нехватки нету.
Ни в фарфоре, ни в гвоздях?

Коль лосось ему претит,
Пусть он жрет чаво хотит.
Глядь, на сытый-то желудок
И царевну совратит!..

НЯНЬКА

Да послы — им дай хоть яд! —
На халяву все съедят!
Может, он и безопасный,
Но пушай за ним следят!

Да скажи ему, как тесть:
Жри, мол, все, но знай, мол, честь!
Потому как он в запале
И царевну может съесть!

ЦАРЕВНА

Чтоб с таким — да выйти в свет?
Ну уж дудки!.. Ну уж нет!..
Он и так-то неказистый,
Дак ишо и людоед!..

Да пущай он, троглодит,
Всю меня озолотит,—
Никакой ответной страсти
Он во мне не возбudit!

ЦАРЬ

Ты посла-то отзови
Да побудь с ним визави,
А обтерпишься маленько —
Там дойдет и до любви!

Коли энто троглодит
Твою внешность разглядит,—
Он навеки потеряет
К людоедству аппетит!..

ЦАРЕВНА

Сколь, папаша, ты не ной,—
Право выбора за мной!
Отравлюся, а не стану
Людоедовой женой!

А вот ежели придет
С предложением Федот,—
Для меня из кандидатов
Энто будет самый тот!..

ЦАРЬ

Зарядила, как удов,—
Что ни слово — то Федот!

Окромя Федота нету
Ни печалей, ни забот!

Твой Федот теперь на дне,
В окианской глубине,
И — поскольку утонувший —
Не нуждается в жене!..

ЦАРЕВНА

Коли так оно и есть —
Я отказываюсь есть!
Вот тебе моя, папаша,
Политическая месть!

Вот не стану есть икру,
Как обычно, по ведру,—
И на почве истощенья
Захворюю и помру!..

ЦАРЬ

Где ни плюнь, куды ни ткни,—
От министров до родни —
Все сплошные вольнодумцы,
Все вредители одни!..

Ну и жисть — аж в горле ком!
Нет сочувствия ни в ком!
Вот сыщу лесок поглуже
И устроюсь лесником!..

ПОТЕШНИК

Год прошел, другой идет — воротился домой Федот. А дома-то нет, торчит один скелет, балки да стропила, да кругом крапива. А под карнизом комочком сизым свернулась птица, лесная голубица...

ФЕДОТ

Ну-ко, женушка, давай
Стол для мужа накрывай!
Доставай мне из духовки
Порумяньше каравай!

Наливай ядреных щей
Пожирней да погущей,—
Я кашея стал тощее
От заморских овощей!

В цельном доме никого,
Кроме ветра одного!
Подозрительное дело,
Не случилось ли чаво?

(Голубица превращается в Марусю)

МАРУСЯ

С возвращением, Федот!
Долго ж длился твой поход!
Аль забыл свою Марусю,
Что не ехал цельный год?

За границей-то, поди,
Развлечений — пруд пруди!
Приглядел, небось, подружку
Да пригрелся на груди!..

ФЕДОТ

Повидал я белый свет —
Жозефин и Генриетт,—
Но таких, как ты, красавиц,
Среди них, Маруся, нет!

А ходил я за моря
Хоть и долго, да не зря —
Сполнил все ж таки заданье
Хитроумного царя!..

МАРУСЯ

Кабы ведал ты, Федот,
На кого ты тратишь пот,—
Дак и шагу бы не сделал
От родимых-то ворот!

Ты уехал — он, срамной,
Стал ухаживать за мной,

Уговаривал, охальник,
Стать евойною женой!

ФЕДОТ

Да неужто?.. Ах, злодей!..
Вот и верь теперь в людей,
Вот и стой за честь мундира,
Вот за службу и радей!..

Ну да ладно, я ему
Растолкую, что к чему!
Я его до самых пяток
Распишу под хохлому!..

Хватит делать дураков
Из расейских мужиков!
Мне терять теперь неча
Кроме собственных оков!

ПОТЕШНИК

Осерчал Федот, созвал честной народ. Решили соседи пособить Феде. Фрол взял кол, Устин взял дрын, Игнат взял ухват. И все за Федотом к царевым воротам. Навстречу им генерал, черт бы его подрал! Подскочил бочком, посверкал зрачком, произвел догляд — и к царю на доклад!..

ГЕНЕРАЛ

Там собрался у ворот
Этот... как его... народ!
В общем, дело принимает
Социальный оборот!

А всему виной Федот,
Энто он мутит народ,—
Подбивает население
Учинить переворот!..

ЦАРЬ

Ну, а ты у нас на кой,
С вострой саблею такой?

Мы ж за то тебя и держим,
Чтоб берег царев покой!

Опосля дождя в четверг
Дам ишо медальку сверх,
Только ты уж постарайся,
Чтоб народ меня не сверг!..

ГЕНЕРАЛ

Ишь, медаль!.. Большая честь!..
У меня наград не счесть:
Весь обвешанный, как елка,
На спине — и то их шесть!..

Охранять тебя от бед
Мне теперь резону нет!
Ты за собственную подлость
Сам должен держать ответ!..

ПОТЕШНИК

Дурила из дурил, а как заговорил! Хоть и злится царь,—
а попробуй вдарь! Не такое время, чтобы бить в темя. Вышел
царь на крыльцо, сделал строгое лицо, а на площади народу —
вся Расея налицо!

ЦАРЬ

Энто как же, вашу мать,
Извиняюсь, понимать?
Мы ж не Хранция какая,
Чтобы смуту подымать!

Кто хотит на Колыму —
Выходи по одному!
Там у вас в момент наступит
Просветление в уму!

ФЕДОТ

Что касается ума,—
Он светлехонек весьма:
Слава богу, отличаем
Незабудку от дерьма!

Ты пошто меня скорей
Отослал за сто морей?
Не затем ли, чтоб жениться
На супружнице моей?..

ЦАРЬ

Энто где же ты, злодей,
Набрался таких идей,
Чтоб клепать чаво попало
На порядочных людей!

Да к лицу ли энто мне —
Приставать к твоей жене?..
Вот и шли вас обормотов
В заграничные турне!..

ФЕДОТ

Ты не больно-то серчай,—
Мы к тебе, чай, не на чай!
Ну, а будешь гоношиться,—
Съезжу в рыло невзначай!

О тебе, о подлеце,
Слава аж в Череповце!
Ты всему народу в душу
Наплевал в моем лице!..

ЦАРЬ

Зря ты, Федя, для меня
Мой народ — моя родня.
Я без мыслей об народе
Не могу прожить и дня!..

Утром мажу бутерброд —
Сразу мысль: а как народ?
И икра не лезет в горло,
И компот не льется в рот!

Ночью встану у окна
И стою всю ночь без сна —
Все волнуюсь об Расее,
Как там, бедная, она?

А виновник — генерал,
Интриган и аморал!
Энто он, коровья морда,
Честь цареву обмарал!

ГЕНЕРАЛ

Что вы, братцы?.. Я ж за вас
Потерял в атаке глаз!..
Нешто я когда посмею
Супротив народных масс!..

Оправдаю. Отслужу.
Отстрадаю. Отсижу.
К угнетающей верхушке
Больше не принадлежу!..

А виновница — Яга!
Нет опаснее врага!
Перед ней и сам Горыныч —
Так, — не змей, а мелюзга!

Ну-ко где ты, егоза?
Погляди людям в глаза!
Лично я не удержуся —
Врежу саблей два раза!..

ЯГА

Я — фольклорный элемент,
У меня есть документ.
Я вобче могу отседа
Улететь в любой момент!

За жару ли, за пургу
Все бранят меня, каргу,
А во мне вреда не больше,
Чем в ромашке на лугу!

Ну, случайно, ну, шутя,
Сбилась с верного пути!
Дак ведь я — дитя природы,
Пусть дурное, но — дитя!

Коль судить, дак тех, двоих,
Соучастников моих.
Энто я по виду нечисть,
А по сути чище их!..

ФЕДОТ

Ну и ушлый вы народ,—
Ажно оторопь берет!
Всяк другого мнит уродом,
Несмотря, что сам урод.

Хоть вобче расейский люд
На расправу и не лют,
Но придется мне, робяты,
Учинить над вами суд.

ЦАРЬ

Пощади меня, стрелец!
Я — мерзавец! Я — подлец!
Я сошлю себя в Воронеж,
Я сошлю себя в Елец!..

Только не на Магадан,
Энто мне не по годам:
Я пока туды доеду,—
Опасаюсь, дуба дам!

ГЕНЕРАЛ

Сознаю свою вину.
Меру. Степень. Глубину.
И прошу меня направить
На текущую войну.

Нет войны — я все приму —
Ссылку. Каторгу. Тюрьму.
Но желательно — в июле,
И желательно — в Крыму.

ЯГА

А куды ж меня, вдову?
Разве только что в Хиву!

Я и так уж на отшибе —
Дальше некуда! — живу!..

Мне для отдыха души
Подошли бы Тетюши!
Тама в смысле медицины
Травы больно хороши!..

ФЕДОТ

Мы посадим вас в бадью,
Кинем в море — и адью!
Обойдетесь и бадьею,
Не давать же вам ладью!

И неси вас окиян
Прям на остров на Буян!
Ну, а чтоб не одичали,
Вот вам личный мой баян.

Правда, он — моя вина! —
Не играет ни рожна,
Но какая-никакая,
А культура вам нужна!

ЦАРЕВНА

Что касается царя,—
Пусть он едет за моря.
Мне евойные проблемы
Глубоко да фонаря!

Он наказанный судьбой
За коварство и разбой.
Энто он, упырь проклятый,
Разлучал меня с тобой!

Слава богу, наконец,
Узюрпатору конец,
И теперь мы можем смело
Отправляться под венец!..

ФЕДОТ

Я бы рад, да мне в дому
Две супруги ни к чему!
Обратись на эту тему
К неженатому кому!..

НЯНЬКА

Ты никак сошел с ума?
Рыбка в сеть плывет сама!
Чай, не всем такое счастье
Достается задарма!

Али думаешь за ней
Мало бегает парней?
В ейном списке кандидатов
Есть робяты недурней!

Все с волнением в крови
Ждут царевниной любви,
Конкуренция такая —
Прям хоть дустом их трави!

Даве сватались чуть свет
Разом турок, грек и швед,—
Дак с порогу получили
Отрицательный ответ!

А уж нищему стрельцу
Спесь и вовсе не к лицу.
Забирай, дурак, царевну
И тащи ее к венцу!..

ФЕДОТ

Я не турок и не грек —
Я семейный человек,
И с женой моей Марусей
Не расстануся вовек!

ЦАРЕВНА

Стало быть, тебе невмочь
Горю девичью помочь?

Но ведь я ишо покамест
Как-никак царева дочь!

Коли я не получу
От тебя чаво хочу —
Ты отправишься отседа
Прямо в лапы к палачу!

НЯНЬКА

Где ты — ох и горяча! —
Ноне сыщешь палача?
Он, когда папаню свергли,
Тут же задал стрекача!

Нам теперь — имей в виду! —
Надо быть с толпой в ладу:
Деспотизм сейчас не в моде,
Демократия в ходу.

Уезжала б ты отсель
В энтот... как его... в Бруссель,
Раз такая происходит,
Извиняюсь, карусель!

Ты прости ее, Федот,—
У нее в уму разброд,
У нее от книжек мысли
Стали задом наперед.

Начиталася Дюма,—
Вот и сбрендила с ума!
Перебесится маленько —
Успокоится сама!..

ФЕДОТ

Брось, царевна, не грусти!
И мослами не хрусти!
Что любовь у нас не вышла,—
Ты за то меня прости!

Но поскольку я в долгу
Оставаться не могу —

Я тебе в твоём несчастье
Как сумею — помогу!

Я от Тулы до Торжка
Все обшарю до вершка,
Хоть со дна тебе морского —
А добуду женишка!

ЦАРЕВНА

Я согласна!.. Только все ж
Не любой мне будет гош.
Я хочу такого мужа,
На тебя чтоб был похож!

Будь он швец там али жнец,
Лекарь, пекарь аль кузнец,—
У меня одно условие:
Пусть он будет твой близнец!..

ФЕДОТ

Я твою, дружок, мечту
Обязательно учту,
Хоть такие экземпляры
Все в Расее на счету.

Что касается ума —
Дубликатов мне нема.
Впрочем, энто, я надеюсь,
Ты заметила сама.

Ну да слово молодца
Все ж не жиже холодца:
Раз уж я пообещался —
Раздобуду близнеца!

А теперь, честной народ,
Вынь-ка рожи из бород!
Чай, у нас не панихида,
А совсем наоборот!

Нам теперь не слезы лить,—
Песни петь да меды пить!..

Ну-ко встань передо мною,
То-Чаво-Не-может-быть!..

ГОЛОС

Я давно уж тут стою,
У крылечка на краю,
Жду, покамест ты закончишь
Совещанию свою!..

ФЕДОТ

Угости честной народ
От заморских-то щедрот!
Чай, они таковской пищи
Отродясь не брали в рот.

Предложи им наяву
Самаркандскую халву,
И турецкую фисташку,
И персидскую айву!

Ставь на скатерть все подряд —
Шоколад и мармелад,
И голландскую грудинку,
И чухонский сервिलाд!

Не забудь швейцарский сыр,
Тот, который весь из дыр!
Закати нам пир на славу,
Каковых не видел мир!

Ну а коль попросит кто
Бражки граммов эдак сто —
Так и быть!.. Сегодня можно!..
Слава богу, есть за что!..

ПОТЕШНИК

Был и я на том пиру, ел зернистую икру. Пров ел плов, Филат ел салат. Устин ел галантин. А Федот-стрелец ел соленый огурец. А как съел он огурец — тут и сказке конец! А что сказка дурна — то рассказчика вина. Изловить бы дурака да отвесить тумака, ан нельзя никак — ведь рассказчик-то дурак! А у нас спокон веков нет суда на дураков!..

ПОВЕСТИ
ДЛЯ КИНО

СУКИНЫ ДЕТИ *

Комедия со слезами

... Довольно для ученика,
чтобы он был,
как учитель его,
и для слуги, чтобы он был,
как господин его.
Если хозяина дома
назвали вельзевулом,
не тем ли более домашних его?
От Матфея, 10,25

Сначала — полная чернота, голландская сажа, тьма египетская, ни одной светящейся точки. Но это чернота живая, гулкая, объемная, насыщенная чьим-то тяжелым дыханием, сопением, стуками. Совсем близко возникают задавленные до хриплого шепота мужские голоса.

— Я тебе повторяю: ничего не было, идиот! Хочешь перекрестись? Я человек верующий — ты знаешь...

— Не крестись — я видел мизансцену. Я обещал, в следующий раз я тебя убью. Так что молись, говно!

— Левушка, ну вспомни о чувстве юмора. Через пять минут ты будешь хохотать над тем, что сейчас говоришь!

— Я возможно. А ты уже нет. Потом я расскажусь. Наверное, когда тебя будут хоронить, я даже буду плакать.

— Ну что ж мне теперь делать, совсем с ней не общаться?.. Мы же все-таки коллеги!.. И цивилизованные люди!..

— В цивилизованных странах за это убивают. Я придерживаюсь правил. Если я тебя не убью, я не смогу жить.

— Хорошо, ударь меня по морде. Если тебе будет легче, ударь меня по морде. Только не сломай нос!..

— Бить я тебя, сволочь, не буду. Это малоэффективно. Я сделаю, как обещал. Я отрублю тебе голову!..

Глухой удар, долгий надсадный крик, и черноту пререзает яркая полоска света: видимо, кто-то, перепуганный, там, в глубине этой плотной черноты, опасливо прикрыл дверь. И этот

* При участии И. Шевцова.

далекий луч, как магниевая вспышка, высвечивает близкое, в пол-экрана, лицо. Лицо вампира. Меловая маска с красными губами. На щеке алеет карминное сердечко. Подведенные фиолетовые глаза расширены от ужаса. Словно упырь, застигнутый рассветом, обладатель мелового лица кидается в спасительную черноту...

Но вот уже взбудораженная темень перестает быть темнью — то тут, то там хлопают двери, света становится больше, отдельные возгласы перерастают в гомон.

По освещенному коридору, мимо распахнутых гримуборных несется белая маска с красным ртом и надломленными бровями. За маской хрипло дыша, неотступно следует толстый человек в странной белой хламиде. Лицо толстяка в крупных каплях пота, ветрежные кудри пляшут вокруг лысины, как язычки пламени на ветру. В вознесенной руке, неотвратимый, как судьба, поблескивает топор.

...С грохотом захлопывается за белой маской дверь гримуборной и захлопывается как нельзя более вовремя, ибо уже в следующую секунду в нее с визгом врубается топор...

— Все равно я убью тебя, мерзавец!.. Я тебя приговорил!.. Это только отсрочка, ты понял?.. Я отрублю тебе голову и пошлю твоей семье!..

Толстый Левушка, как рыба в сетях, бьется в руках перепуганных коллег.

— Отрубишь и пошлешь,— соглашается рассудительный Андрей Иванович Нанайцев, заслуженный артист Российской Федерации.— Но эффекта, к сожалению, не увидишь. Потому что будешь заготавливать древесину в Коми АССР.

— Прости меня, Лев, но ты все-таки очень не Пушкин,— огорченно сетует Элла Эрнестовна, супруга Андрея Ивановича, также заслуженная артистка, но другой республики.— Топор — это непарламентарно. В таких случаях вызывают на дуэль.

— В таких случаях вызывают на партком,— парирует Федяева.— Такого циничного адюльтера у нас еще не было. К тому же Гордынский очень скверный актер. Убивать — это, конечно, слишком, но выгнать его необходимо...

...В дверь гримуборной Гордынского скребутся две молоденькие актрисы Аллочка и Ниночка. Их симпатии однозначно на стороне жертвы.

— Игорь, открой, это Алла и Нина!.. Игорь, не бойся, его держат!.. Игорь, почему ты молчишь?.. Игорь, мы сейчас вызовем «скорую помощь»!..

Дверь, со всаженым в нее топором, нервно распахивается, выпускает Аллочку и Ниночку и тут же захлопывается вновь.

— Я Левушку понимаю,— раздумчиво говорит Тюрин,— мужчина должен как-то реагировать... В конце концов, пока Гордынский в театре, мы не можем быть спокойны за своих жен!..

— За свою ты можешь быть спокоен,— огрызается жена Тюриня, вздорная особа с невнятным лицом.— У тебя жена не блядь! Все прут на Гордынского, а про нее ни слова!..

Дверь гримуборной Гордынского снова распахивается, на пороге появляются Аллочка и Ниночка.

— Срочно врача! — глаза у Аллочки круглые и блестящие, подбородок нервически подергивается, но в голосе сдержанность и значительность. Таким голосом создают панику, желая ее погасить.— Игорь истекает кровью!.. Кажется, он задел ему сонную артерию!..

— Какую артерию, что она плетет?..— неуверенно лепечет толстый Левушка. Он с ужасом начинает чувствовать, как легкий морозец бежит по его лысине, покрывая мгновенным инеем еще недавно влажный венчик кудрей.— Не знаю я никакой артерии!.. Да я к нему пальцем не прикоснулся!..

— Ты прикоснулся топором! — Федяева на глазах проникается состраданием к Гордынскому.— Не надейся, что мы это замнем!.. Я лично тебя посажу, мерзавец! Алла, Нина, звоните в «скорую»!..

Толпа актеров отшатывается от Левушки — таково уж свойство любой толпы — мгновенно и чистосердечно менять пристрастия! — и устремляется в гримуборную к Гордынскому. Игорь лежит на диване, вытянувшись, как покойник. Трагические глаза его темны, как две чернильницы, меловое лицо залито кровью.

Толпа расступается, и в конце живого коридора мы видим потного, взерошенного, раздавленного всем происшедшим бедного Левушку. Под шпицрутенами взглядов он подходит к дивану и внезапно бухается перед Игорем на колени.

— Прости меня, Игорь,— глотая слезы, сипло говорит Левушка и смотрит на Игоря страдающими глазами.— Я скотина, я подлец... Я никогда не думал, что способен поднять руку на человека...

— Бог простит, Левушка,— печально и растроганно отвечает Игорь, и по лицу его тоже катятся слезы.— Я на тебя не в обиде... Просто морду жалко, через неделю съемки...

— Съемки? — ахает Левушка.— У тебя съемки? А я тебя искалечил... Я хочу умереть... Пусть меня расстреляют... У нас еще есть расстрел?..

— Не мучай себя, Левушка,— Игоря душат слезы, но он

заставляет себя говорить.— Каждый может ошибиться... Черт, какая слабость... Видимо, от потери крови...

Игорь вяло кивает головой куда-то в сторону, но все безошибочно поворачиваются к умывальной раковине: внутренняя поверхность ее красна от крови... И тут с Левушкой происходит какая-то внутренняя метаморфоза, он весь поджимается, как перед прыжком, обводит присутствующих лихорадочно горящими глазами, встает с колен... и кидается к гримерному столику. С грохотом летят на пол ящики, коробки с гримом, дезодоранты... Наконец, счастливый и усталый, как Данко, которому хоть и с трудом, но удалось разломить свою грудную клетку, Левушка поднимает высоко над головой флакончик с алой жидкостью...

— К-р-ровь? — яростно кричит Левушка.— Вот она, твоя кровь, ублюдок! И цена ей один рубль двадцать копеек!.. И производится она на химкомбинате имени Клары Цеткин!.. А теперь я тебе покажу, какой бывает настоящая кровь!

Гордынский кидается к двери, кто-то виснет у него на руках — толпа не терпит очевидного неблагородства.

Левушка, держа над головой флакон, пытается пробиться к Гордынскому, ему мешают — и в толпе находятся милосердные души... Странно размалеванные лица... Эксцентрические одежды... Неадекватные реакции...

Нелюди. Привидения. Артисты.

Вступительные титры фильма:

СУКИНЫ ДЕТИ

Коробки с гримом. Карандаши и кисточки. Батареи лосьонов и дезодорантов. Бижутерия. Широко распахнутый глаз. Касание кисточки — и глаз становится темнее, таинственнее, глубже... В женской гримуборной расположились четверо актрис. Это уже известные нам Аллочка и Ниночка; затем громогласная Сима Корзухина, неспорченное дитя природы, неутомимый солдат справедливости, уроженка южной провинции, умудрившаяся сохранить родной говор даже в условиях столичной сцены; и, наконец, Елена Константиновна Гвоздилова, театральная прима, любимица критики, европейская штучка, ухоженная и уравновешенная, с хорошо отработанным выражением утомленной ирони в глазах.

— Это потому, что она доступная,— Алла продолжает обсуждение недавних событий.— Мужики это очень ценят. Ты можешь быть какая угодно страшная, но если ты подвижна на секс...

— Алл, не завидуй! — Нина старательно выводит на выбо-

ленной щеке черную розочку.— Танька красивая. От нее еще в институте все дохли...

— И-их, дурынды! — не выдерживает Сима.— Зла на вас не хватает!.. Мы же революционный театр, на нас билетов не достать, а у вас все разговоры на уровне гениталий!..

— При чем тут гениталии? — вяло обижается Аллочка.— Тут человека чуть не убили!.. Вы же не видели, а говорите...

— Ужас, ужас! — без всякого ужаса подтвердила Ниночка.— Когда Лев Александрович выскочил с топором, я прямо чуть не описалась!

— Вот они, борцы за идею! — стонет Сима, схватившись за голову.— Шеф кровью харкал, чтобы создать театр, а они превратили его в бордель!

— Будем объективны, Симочка,— не поворачивая головы, ровным голосом произносит Елена Константиновна.— Рыба, как известно, гниет с головы. Нельзя руководить театром, находясь полгода в Англии...

— Ах, вот ты как заговорила! — у Симы в глазах запрыгали зеленые сатанинские огоньки.— Хозяин за дверь — лакеи гуляют?.. Или тебя в другой театр поманили, независимая ты наша?..

— Сима, если вам не трудно, давайте останемся на «вы»,— также бесстрастно произносит Елена Константиновна.— Никуда меня не поманили. Просто я не люблю патриотического кликушества.

— Видали, девки? — Симе нужна аудитория, и она незамедлительно берет в союзницы Аллочку и Ниночку.— Корабль еще не тонет, а крысы уже бегут с корабля!..

*

В другой гримуборной, сложив руки на коленях и опустив очи долу, сидит умытый и причесанный Игорь Гордынский. Весь он исполнен смирения и покорности, как монастырский послушник, случайно опоздавший к молитве, и видно, что он себе в этом качестве чрезвычайно нравится. Перед Игорем гневно вышагивает Федяева, которая за маской вполне убедительного гнева тоже никак не может скрыть удовольствия от нечаянно выпавшей ей общественной нагрузки.

— Ты учти, ситуация накалилась до предела,— говорит Федяева.— Актеры тебя терпеть не могут. В особенности мужчины!

— Зато женщины меня терпят,— застенчиво улыбается Игорь.— А женщины — лучшая половина человечества...

— Ты не юродствуй! — пытается осадить его Федяева.— Еще один скандал — и вылетишь из театра. Это я тебе обещаю!

— Неисповедимы пути твои, Господи! — вздыхает Игорь.—
Может, и вылечу. А может, и все вылетим...

— Это что за намеки? — настораживается Федяева, и лицо ее покрывается пунцовыми пятнами.— Что ты городишь?.. Куда это вылетим?..

— В трубу, Лидия Николаевна! — Игорь впервые отрывает глаза от пола и смотрит на Федяеву.— Би-Би-Си слушать надо!..

*

В следующей гримуборной происходит бурное объяснение между Левушкой и его женой Татьяной. Вряд ли по ее поведению мы смогли бы определенно заподозрить ее в супружеской неверности — нет, она ведет себя так, как в подобной ситуации вели бы себя все остальные жены, но что сразу бросается в глаза,— это то, что она действительно очень красива.

— Нет, было!..— Левушка бьется в истерике, но бьется, так сказать, шепотом, памятуя, что на крик опять могут сбежаться участливые коллеги.— И не смей мне врать!.. Господи, да пусть бы это был кто угодно, только не этот пошлый дурак с оловянными глазами!..

— Левушка, ну перестань себя мучить! — Татьяна разговаривает с мужем тоном, каким терпеливые няньки уговаривают, увещивают избалованных дитятей.— Дать тебе валокордин?.. Что я должна сказать тебе, чтобы ты успокоился?

— Я уже никогда не успокоюсь! — огромное тело Левушки сотрясается от рыданий.— Я обречен носить в себе этот ужас всю жизнь! Ты меня убила, понимаешь?..

— Ты сам себя убиваешь,— Татьяна украдкой смотрит на себя в гримерное зеркало и незаметно поправляет локон.— Сейчас у тебя подскочит давление, и ты не сможешь репетировать. А все из-за твоего большого воображения...

— Я тебя понимаю! — сквозь слезы разглагольствует Левушка.— У тебя толстый, лысый, некрасивый да еще и ревнивый муж!.. Если бы у меня была такая жена, так я — я бы ее ненавидел!..

— А вот я тебя обожаю! — Татьяна мгновенно и точно принимает кокетливый Левушкин пас.— Такой уж у меня испорченный вкус. Глупенький ты мой, глупенький... Ну, иди ко мне!..

Татьяна с силой привлекает мужа к себе, и он утомленно затихает у нее на груди, как ребенок, изнуривший себя долгим плачем, причину которого он уже успел позабыть...

*

По бесконечным театральным коридорам стремительно и сосредоточенно движется молчаливая группа людей, чей облик сразу же выдает в них представителей иного, не театрального мира. Шляпы, плащи, галстуки, кейсы. На лице у каждого — выражение брезгливой усталости. Как ни схожи они между собой, но среди них можно выделить главного — у него брезгливые складки ярче, чем у остальных. При некотором напряжении в группе можно разглядеть и женщину — ее выдает отсутствие шляпы и высокая прическа. Сопровождает группу директор театра. Он хорохорится, развлекает гостей, много и бестолково говорит — словом, изо всех сил пытается выглядеть хозяином положения, но по его растерянному лицу видно: пришельцы явились не с добром...

*

Актерский буфет — это место, которое дает, пожалуй, наиболее выразительное представление о том, что такое театр изнутри. Простой человек с улицы вряд ли сходу разберется, кто эти люди. Персонажи средневековой мистерии, маски комедии дель арте, обитатели иных миров или выходцы из преисподней — нечто разноцветное, буйное, орущее, из которого глаз не способен выхватить ни одного нормального лица, ни одного обычного костюма. Есть тут и малый мир, гомонящий, визжащий, путающийся под ногами — это актерские дети. Впрочем, малый мир внешне почти не отличается от взрослого — те же экстравагантные лохмотья, те же размалеванные лица...

— К вам можно? — к одному из столиков подходит лохматый молодой человек в цепях и набедренной повязке. Это Боря Синюхаев, вечный театральный кочевник, летучий голландец сцены, неутомимый искатель удачи, сменивший уже шесть театров и готовящийся расстаться с седьмым. — К вам можно? Благодарю вас. Ну что, Андрей Иванович, финита ля комедия?.. Вы уж, если что, возьмите меня в зайчики, ладно?..

Андрей Иванович Нанайцев, сосредоточенно поглощающий котлету, не сразу улавливает драматический смысл сказанного.

— В какие зайчики, Боря?

— А в елочные. Ну-ну, все же знают, что у вас отработанный номер. Вы — Дед Мороз, Элла Эрнестовна — Снегурка. А я мог бы зайчиком, хоть седьмым от начала...

— Ты, Боря, не мог бы! — обрывает с другого столика Тюрин. — Зайчик — серьезная роль. Надо же все-таки взвешивать свои возможности, нельзя же так зарываться!..

— А в связи с чем вас потянуло в зайчики? — интересуется Элла Эрнестовна.

— А в связи с закрытием театра! — Боря удивленно поднял брови. — Товарищи, вы что, с Тибета?.. Читали последнее интервью нашего главного в английской газете «Гардиан»?

— Мы «Гардиан» не выписываем! — гордо сообщает жена Тюрина.

— Вы еще скажите, что и Би-Би-Си не слушаете! — Боря пытается привлечь внимание сидящих за другими столиками. — А я слушал. Случайно. Всего не разобрал, но смысл у них такой: министерство культуры — говно, управление — само собой говно, и вообще все начальство — говно!..

— Яркая мысль! — индифферентно констатирует Элла Эрнестовна.

— Но самое-то интересное, — продолжает Боря, — он там и нас приложил. Артисты, мол, ленивые, невежественные, лишены, мол, гражданского чувства. За точность не поручусь, но в целом примерно так...

— А что вы имеете возразить? — печально спрашивает Андрей Иванович. — Такое уж мы племя!..

С грохотом летят на пол столовые приборы и тарелки, и над одним из соседних столиков вырастает разъяренная Сима.

— Где это ты слышал, подонок? — слова ее обращены к Боре, но тот благоразумно делает вид, что увлечен едой. — Ну кого вы слушаете? Он же платный стукач, а вы тут развесили уши!

— Ну, пошло-поехало, — вздыхает жена Тюрина. — Тронули кашку!

— Сима, окстись! — Федяева вмешивается в разговор, как всегда, вовремя, ибо безошибочно чувствует, когда наступает заветная минута воспитывать и определять. — Ты что, полоумная? Человек не сам это придумал, а слышал по радио!

— Ни черта он не слышал! — заходится Сима. — Это все кагебешные штучки! Это ему такое задание дали — распространять поганые слухи!.. У-у, стукачина!

— Серафима Михайловна, — тихо говорит Элла Эрнестовна. — Ну зачем вы так?

— Да Борька не обижается, — успокаивает Эллу Эрнестовну Тюрин. — Мы у нее все стукачи, причем все платные. Вот черт, весь театр стучит, а жить все равно не на что!

— Надо срочно раздобыть телефон шефа! — голосом, не терпящим возражений, заявляет Федяева. — Я имею в виду лондонский телефон!

— И что мы ему скажем? — саркастически улыбается Боря. —

Прилетайте скорее, Георгий Петрович! Соотечественники заждались! В особенности на Лубянке!

— Во, слышали! — снова взвизывает Сима.— Типичные речи стукача! Чтобы говорить такое вслух и при этом не сесть — нужно иметь специальную лицензию!

— Серафима Михайловна, чтобы говорить вслух то, что несете вы, нужно тоже иметь лицензию,— вежливо говорит Борис. Сима захлебывается от ненависти и на минуту умолкает.

— Как хотите, а позвонить надо,— настаивает Федяева.— Театр не может существовать без его создателя. Должны же артисты знать, на каком они свете...

— Наивные, Господи...— морщится жена Тюриня.— Он прямо обрыдается вам в трубку.

— Но все-таки будет хоть какая-то ясность,— неуверенно поддерживает Федяеву Элла Эрнестовна.

— Да и так все ясно! — Боря отодвигает от себя тарелку и вытирает салфеткой губы.— Шефа лишают гражданства, а сюда пришлют другого главного. И весь сказ! Сценарий уже давно утвержден.

— Нет, позвольте! — горячится Федяева.— Мы же не стадо овец, с нами обязаны считаться! Такого просто не может быть!

— В этой стране все может быть! — мрачно усмехается Боря.— Неужели вы всерьез считаете, что они держат нас за людей? Мы для них — шуты гороховые!..

— Боря, никогда не говорите «в этой стране»,— морщится Андрей Иванович.— Вы так мало похожи на иностранца...

— А что вас покорило, Андрей Иванович? — удивляется Боря.— Непатриотичный оборот?.. Но вы же человек свободных взглядов, сами отсидели одиннадцать лет...

— Боря, вы с такой легкостью говорите «отсидели»,— тихо вмешивается Элла Эрнестовна,— как будто Андрей Иванович отсидел ногу...

— Да вернется он, вернется! — кричит Сима.— Ничего ему не сделают! Ты слышала это интервью? И я не слышала!.. И никто не слышал!..

— Гордынский тоже слышал,— меланхолично замечает кто-то.

— Андрей Иваныч! — к столику Нанайцева пробирается помреж Тамара.— Вас срочно к директору!..

*

...Едва переступив дверь в кабинет директора, Андрей Иванович безошибочным чутьем старого театрального домового и еще

более безошибочным чутьем старого лагерника определяет: случилось что-то неладное, и не просто неладное, а совсем скверное, что случается далеко не каждый день. Внешне вроде бы ничего не изменилось, все на своих привычных местах... Финская мебель, фестивальные призы, заграничные афиши... Гости в директорском кабинете тоже явление обычное, можно сказать, ежедневное... На столе сияют золотые коньячные рюмочки, глубокой морской зеленью мерцает тархун, но это тоже появляется здесь не только по большим праздникам... И все-таки в сердце Андрея Ивановича, как пузырьки в газировке, начинают бешено колотиться крохотные иголки страха...

— Входите, входите, Андрей Иванович,— голос директора бодр и приподнят, но при этом лицо почему-то почти свекольного цвета.— Знакомьтесь, товарищи: это Андрей Иванович, наш парторг... Ну, товарищи из райкома его знают...

— И мы знаем! — с доброжелательной гримасой кивает единственная во всей компании дама.— В кино иногда выбираемся... Очень приятно видеть вас, так сказать, живьем!..

— Анна Кузьминична из горкома,— продолжает конферировать директор.— А это Юрий Михайлович... Это наш покровитель... Наш куратор... Наш, так сказать...

Тот, кого назвали Юрием Михайловичем, и в ком Андрей Иванович тотчас же угадал главного, демократично останавливает директора движением руки — это, мол, суета, дело, мол, не в титулах, есть проблемы поважнее...

— Извините, что я в таком виде! — запоздало спохватывается Андрей Иванович.— У нас ежедневные репетиции... Мне сказали — срочно, я не стал переодеваться...

— А что вы, собственно, репетируете? — Юрий Михайлович, не мигая, смотрит на Андрея Ивановича.— Насколько я понимаю, ваш главный режиссер находится в Великобритании?

— Ну, есть же и очередные режиссеры...— поспешно вмешивается директор.— Театр не может не репетировать. Люди потеряют квалификацию...

— Разумеется, без Георгия Петровича трудно,— Андрей Иванович пытается выглядеть раскованным и независимым, но под немигающим взглядом куратора у него это плохо получается.— Однако же мы пытаемся как-то существовать... И ждем его возвращения...

— А вы не ждите,— бесцветным голосом советует Юрий Михайлович.— Он не вернется. К тому же, вчера, приказом по министерству культуры он освобожден от обязанностей главного режиссера.

Андрей Иванович затравленно глянул на директора, тот смотрел в окно и вытирал шею платком...

Трое райкомовских о чем-то приглушенно переговаривались между собой... Дама из горкома заинтересованно разглядывала афишу... И только Юрий Михайлович так же в упор, не мигая, смотрел на Андрея Ивановича.

— Понятно,— механически кивнул Андрей Иванович, хотя в голове у него шумело, ничего-то ему не было понятно.— И что же теперь будет?..

— Об этом мы еще поговорим. А пока срочно соберите партком на предмет исключения Георгия Петровича из партии. Решение принято наверху, но провести его надо через первичную парторганизацию.

*

Перед дверью парткома застыла молчаливая группа актеров. Те же живописные лохмотья, те же размалеванные лица. Еще минута — и будет казаться, что это всего лишь цветная фотография, но нет, шелкнул дверной замок — и вся группа пришла в движение, отхлынула от двери, образовала живой коридор...

Сквозь коридор проходит начальство во главе с Юрием Михайловичем. Чувствуется, что им неуютно пробираться сквозь эту странную, разрисованную, полуголую и враждебно настроенную толпу.

Вслед за начальством появляются члены парткома. Они идут молча, гуськом, не поднимая глаз, впереди, осунувшийся и постаревший, идет Андрей Иванович. Элла Эрнестовна кидается к нему и, как сестра милосердия — раненого, принимает его на плечи.

— Ну что? — пытается одного из членов парткома Тюрин.— Кто был за, кто был против?

— Все — за! — вяло отвечает член парткома.— И попробовали бы не проголосовать...

— Исключили? — ахает Сима.— Ах вы, гадье!.. Ах вы, твари позорные!..

— Был бы у тебя партбилет,— огрызается другой член парткома,— ты бы по-другому заговорила!..

— У меня партбилет? — хохочет Сима.— Да я с таким, как ты, на одном гектаре... На кой мне он нужен, если из людей делает таких вот нелюдей?

— Не усугубляй, Сима,— мягко говорит Левушка.— Им и так тошно. Еще не вечер, еще не вечер... Будем бороться...

— Отборолись! — не унимается Сима.— Это вы при шефе были борцы!.. А без него вы — мразь!..

— Надо срочно написать в Политбюро,— пытается взять ситуацию в свои руки Федяева.— С просьбой о пересмотре...

— Лучше в ООН, Лидия Николаевна,— серьезно советует Гордынский.— Быстрееотреагируют.

— А что теперь с нами будет? — кокетливо вопрошает Аллочка.— Мы теперь тоже вроде как бы враги народа.

— Что-нибудь придумаю,— в тон ей отвечает Ниночка.— Может, сошлют, может, расстреляют.

— Скорее всего, сошлют! — авторитетно поддерживает разговор Боря.— Будут предлагать точки — проситесь в Англию.

*

...На одном из столиков в гримуборной Андрея Ивановича разложена целая аптечка, над которой хлопочет переполошенная Элла Эрнестовна. Сам Андрей Иванович полулежит на диване, руки теребят диванную обшивку, на лбу — бисеринки пота.

— Да нормально, Элла,— успокаивает он жену, хотя самого колотит крупная дрожь.— Под лопаткой уже отпустило... Много нитроглицерина тоже нельзя, может быть коллапс... Ты знаешь, это было, как гипноз... Вот он смотрит на меня, и я чувствую, как язык у меня деревенеет... У него такой взгляд... нехороший взгляд... как у тех...

— Это страх, Андрюша,— Элла Эрнестовна промокает платком влажный лоб мужа.— Это на всю жизнь. Ты уж смирись с этим, побереги сердце...

— Он зачитал нам какую-то ерунду... Цитаты из западных газет... В общем, я плохо помню... А потом предложил голосовать... И рука у меня поднялась сама собой... И все подняли руки. Хотя нет, один был против. Коля Калинин. Монтировщик.

— Не будь ребенком! — увещевает мужа Элла Эрнестовна.— Ты думаешь, от вас что-то зависело?.. Да они исключили бы Георгия Петровича и без вас!.. Ваше голосование — пустая формальность!..

— Да пойми, Элла,— стонет Андрей Иваныч,— им было важно сделать это нашими руками!.. Чтобы показать нам, какие мы ничтожества!.. И они этого добились. Да, собственно говоря, и не добивались. Просто цыкнули — и мы тут же упали на карачки!.. Господи, какой стыд!..

— Прекрати, Андрей! — Элла Эрнестовна переходит на шепот.— Ты же знаешь эту машину. Она раздавит всякого, кто будет ей сопротивляться. Ты однажды уже попробовал. Пусть пробуют другие!..

По радиотрансляции — настойчивые звонки.

Татьяна в своей гримуборной поспешно натягивает на себя какую-то хламиду. Оглядывает себя в зеркале. Поправляет волосы. Пудрит нос.

«Ку-ку!» — Татьяна резко поворачивается и видит высовывающуюся из-за вешалки физиономию Гордынского.

— Ты с ума сошел! — ахает Татьяна. — Тебя ж могут увидеть!.. А ну, выматывайся немедленно!..

— Сейчас время пик, — объясняет Игорь. — Все на прогоне. — И тут же меняет тон: — Тань, только один вопрос: когда мы увидимся?

— Никогда, Игорь, — Татьяна снова поворачивается к зеркалу. — И не задавай больше никаких вопросов.

— Вот это да! — лицо у Игоря вытягивается. — Так-таки и никогда? Напугал тебя наш мавр!..

— Я не хочу доставлять Леве неприятные минуты. И так весь театр шушукается.

— А обо мне ты подумала? — вскрикивает Игорь. — Или мои переживания тут не в счет?..

— Ты — другое дело, — парирует Татьяна. — Ты — свободный человек. И потом — я люблю мужа.

— Что ты говоришь! — ехидничает Игорь. — Оказывается, ты любишь мужа!.. Не поздновато ли прозрела?

— А ты и в самом деле пошляк! — Татьяна брезгливо разглядывает Игоря в зеркале. — Правильно про тебя говорят: пошлый дурак с оловянными глазами...

— Это кто же так говорит? — последние слова задела Игоря за живое. — Уж не Левушка ли? В таком случае можешь передать ему, что он благородный умник с натуральными рогами!..

Вот этого говорить не следовало, тут Игорю явно изменило чувство меры. Он не успевает даже осмыслить сказанное, а в руках у Татьяны уже матово поблескивают щипцы для завивки волос.

— Пошел вон! — приказывает Татьяна. — Немедленно пошел вон, или я за себя не отвечаю!

Вслед за тем щипцы действительно летят в сторону Гордынского, но он уворачивается.

— Правильно, — бормочет Игорь, потихоньку перемещаясь к двери, — один с топором, другая — со щипцами... Вполне в духе вашей семьи!.. Интересно, чем будут швыряться ваши дети...

В дверь, которая за ним поспешно захлопывается, летит флакон дезодоранта.

*

— Продали, подлюки! — стоя под горячим душем, Сима так яростно намыливает голову, как будто именно она главная виновница случившегося.— С потрохами продали! Ну ничего, вернется шеф — вы еще попляшете!..

— Ребята не виноваты, Серафима Михайловна! — робко вступается Аллочка.— Они сами испереживались... Но что они могли сделать?

— Может, еще можно что-то исправить? — Ниночка косится на Гвоздилову.— Написать самому Черненко? Как вы считаете, Елена Константиновна?

— Я считаю, что когда актрисы разговаривают о политике — это уже смешно,— снисходительно отвечает Гвоздилова.— Но вдвойне смешно, когда они делают это в голом виде..

— Ах, тебе смешно? — Сима задохнулась от ярости.— Ну еще бы!.. Мы такие интеллектуальные, мы читаем Брехеса, остальное нам до лампочки! Правильно тебя шеф ненавидел!

Гвоздилова пожимает плечами, спокойно выключает воду и, не удостоив Симу ответом, выходит в раздевалку.

— Как вам не стыдно! — срывается Аллочка (как и большинство молодых актрис в театре, она испытывает перед Гвоздильвой благоговейный трепет).— Елена Константиновна — воспитанный человек, а вы — базарная торговка!

— Вы просто завидуете Елене Константиновне! — поддерживает подругу Ниночка.— Завидуете ее успеху!.. Ее все уважают, а вас — нет!

— Я завидую? — поперхнулась Сима.— Матрешки, да вы в своем уме?.. Я завидую этой вяленой медузе?

Аллочка и Ниночка переглядываются и, не сговариваясь, выскакивают в раздевалку, оставив Симу в гордом одиночестве.

— Бегите, бегите, шпана! — напутствует их Сима.— Поносите шлейф за своей старенькой королевой!..

*

В раздевалке Гвоздилова, уже накинувшая на себя халат, растерянным взглядом обводит пустые полки своего шкафчика.

— Девочки, простите, вы не видели... Я отлично помню, что положила их вот сюда... В общем, у меня пропали трусики.

— Это Серафима! — уверенно говорит Аллочка.— Рупь за сто, это ее каверзы!

— Серафима Михайловна! — кричит Ниночка.— Вы случайно не видели трусики Елены Константиновны?

Из душевой доносится довольный смешок — Сима взяла реванш.

— Это французские, что ли? — отзывается Сима. — Как же, видела! Они просили передать, что улетают в Париж искать себе задницу поприличней!..

— Жалко Симу, — неожиданно говорит Гвоздилова. — Она очень хороший и искренний человек. Но ей мешает то, что она борется со всеми сразу...

*

А в душевой мокрая, голая, несчастная Сима отчаянно стучит кулаком в кафельную стену: «Суки вы!.. Суки продажные!.. Труссы!..»

*

...У стенда, где вывешиваются наиболее сенсационные вырезки из журналов и газет, скучилась огромная толпа. Все разговаривают шепотом, как на похоронах, подходят все новые люди, и каждый пробивается поближе к стенду, чтобы собственными глазами прочитав те роковые пять строк, которые уже выучены всеми наизусть: «Указом Президиума Верховного Совета СССР... лишить гражданства... за оскорбительные выпады в адрес...»

— Все! — констатирует мрачно Боря и обнимает за плечи притихшего Левушку. — Амба!.. Теперь они могут делать с нами все, что захотят!

*

...И снова по бесконечным тоннелям, коридорам и переходам театра нервной рысью несется начальственная группа. Шляпы, плащи, кейсы. Где-то сбоку семенит директор, показательной удали в нем заметно поубавилось, весь он как-то обмяк и сник, поэтому путешествие происходит в полном молчании.

*

...В огромном репетиционном зале собралась вся труппа. Ни покашливания, ни шушуканья, ни скрипа стульев, как это обычно бывает, когда в зале собирается много людей, — тишина. На первый взгляд может показаться, что там, куда сейчас устремлены взгляды актеров, происходит нечто завораживающее, притягательное, необычное — словом, нечто такое, от чего нельзя

отвести глаз. Но вот камера берет обратную точку, и мы видим, что ничего необычного там нет: напротив неподвижной и безмолвной труппы — такой же неподвижный и безмолвный президиум, состоящий из уже известной нам начальственной пятерки. Пауза затягивается, становится двусмысленной, начинает заполняться опасной энергией.

— Ну что же, товарищи...— Юрий Михайлович окидывает аудиторию взглядом доброжелательной Горгоны.— Поскольку никто из вас не желает выразить свою точку зрения на случившееся, то я позволю себе сделать одно деловое сообщение. В связи с лишением гражданства Рябинина Георгия Петровича, соответствующие инстанции приняли следующие решения. Первое. Снять фамилию Рябинина с афиши театра...

— Как это снять? — вскакивает Сима.— Он же создал этот театр! Его фамилию знает весь мир!

— Возможно,— мягко соглашается Юрий Михайлович,— хотя, думаю, вы сильно преувеличиваете. Но согласитесь, что фамилия антисоветчика на советской афише — это недопустимая вещь. К тому же, Рябинин больше не главный режиссер театра. Второе. Исключить из репертуара все спектакли, поставленные Рябининым.

— А что же останется? — выкрикивает с места Левушка.— У нас все спектакли поставлены Рябининым. И только три — другими режиссерами.

— Вот это и есть ваш прожиточный минимум,— терпеливо объясняет Юрий Михайлович.— Во всяком случае, до прихода нового главного режиссера. И, наконец, третье. Репетиции новых спектаклей, начатых Рябининым до его отъезда, немедленно прекратить...

— Это никак невозможно! — с жаром возражает Федяева.— Артисты должны репетировать. Иначе половина из нас останется без работы!

— Странно все-таки получается,— словно ни к кому не обращаясь, раздумчиво говорит Юрий Михайлович.— Вы готовы говорить о чем угодно, только не о существовании вопроса. А ведь поступок вашего бывшего шефа касается в первую очередь именно вас. В редакции центральных газет поступили уже десятки тысяч писем от трудящихся с резкой оценкой возмутительного поведения Рябинина...

— Можно вопрос? — простодушно спрашивает Гордынский.— А откуда трудящиеся узнали о возмутительном поведении Рябинина?.. Я внимательно слушаю советское радио, читаю и выписываю газеты — там ничего про это не говорят!..

Оглушительная пауза, наступившая вслед за репликой Игоря,

вдруг взорвалась чьим-то звонким смешком. Засмеялся Боря, открыто и без страха глядя в гипнотические глаза Юрия Михайловича... Засмеялся Левушка... Засмеялась Татьяна... Усмехнулся Андрей Иванович... Улыбнулась Гвоздилова... Сообразив, в чем дело, в голос захохотала Сима... И вот уже вся труппа заходится в хохоте, он идет волнами откуда-то из задних рядов, докатывается до президиума, обрушивается на него и откатывается вновь, чтобы через секунду вернуться новой оглушительной волной... Зафиксируем это вечное историческое противостояние. Хохочущая аудитория и окаменевший президиум. Сумасшедшие и здравомыслящие. Шуты и начальники.

*

...В актерском фойе труппа собралась на экстренный междусобойчик. Затурканный директор, сложив руки умоляющей лодочкой, тщетно пытается утихомирить актеров.

— Товарищи, Юрий Михайлович... м-м... выразил желание побеседовать с рядом актеров... м-м... с глазу на глаз... Огромная просьба, товарищи, ведите себя сдержанно и корректно!..

— Петр Егорыч! — неожиданно спрашивает Федяева.— А что это за анонимные люди в театре?.. Кто их пропустил?

Чуть в стороне демонстративно скучает группа молодых людей физкультурного вида. Все они в чехословацких костюмах и с короткими прическами. На лице у каждого присутствует яркое выражение незаинтересованности.

— М-м... это я их пропустил...— в замешательстве мямлит директор.— Мне позвонили из... м-м... В общем, товарищи просто контролируют ситуацию...

*

...Юрий Михайлович вонзает в Левушку свой немигающий взгляд, и тот съеживается, как устрица, в которую воткнули вилку.

— Нет, Лев Александрович, отмалчиваться вы не имеете права. Театр должен как-то обозначить свою гражданскую позицию. Скажем, написать коллективное письмо в газету...

— Я не люблю коллективные письма,— быстро говорит Левушка.— Это ложь и гадость. Каждый обязан иметь свою точку зрения.

— И какова же ваша точка зрения на поведение Рябинина? — любопытствует Юрий Михайлович.— Надеюсь, она не слишком расходится с точкой зрения партии и правительства?

— Слишком,— обреченно отвечает Левушка.— В поведении Рябинина нет никакой крамолы. Я считаю, что правительство должно вернуть ему гражданство!.. И извиниться перед ним!..

— Занятая идея! — сочувственно кивает Юрий Михайлович.— И вы надеетесь увлечь правительство этим проектом?

— Не знаю,— искренне сознается Левушка.— Видимо, надо обратиться к общественности. Люди должны знать правду!

— Скажите, а как вы относитесь к Гордынскому? — неожиданно меняет тему Юрий Михайлович.— Что он из себя представляет?

— Игорь? — вопрос застает Левушку врасплох.— Ну, как вам сказать... Человек как человек... А почему он вас интересует?

— Пытаюсь выяснить обстановку в театре,— улыбается Юрий Михайлович.— Говорят, что актер он средний... Да и человек так себе...

— Кто это говорит? — Левушке становится нехорошо.— Игорь замечательный актер и достойный человек. В театре его любят...

— Да ну? — искренне удивляется Юрий Михайлович.— И вы тоже?.. А с чего бы это вам гоняться за своим любимцем с топором?

— Это частный конфликт,— багровеет Левушка.— Он никого не касается... Я вообще не понимаю, к чему этот разговор...

— Не годитесь вы в Робеспьеры, Лев Александрович! — слово не слыша Левушкиного пыхтения, продолжает Юрий Михайлович.— Прежде, чем давать советы правительству, надо заслужить уважение собственной жены!

— Вы не смеете! — высоким голосом кричит Левушка.— Вы не смеете лезть в чужую жизнь! Я подам на вас в суд!

— Ступайте, Лев Александрович! — Юрий Михайлович морщится, как от зубной боли.— И подумайте относительно письма. Горком очень обеспокоен климатом в театре. И моральным, и политическим...

*

...По театральному фойе, не обращая внимания на стриженных мальчиков в чехословацких костюмчиках, шестует долговязый молодой человек в очках и с фотоаппаратом. Его останавливают. Он что-то энергично объясняет, показывая рукой в сторону гримуборных, но видно, что его объяснения мальчиков не удовлетворяют.

— Это ко мне! — спешит на выручку Гвоздилова.— Корреспондент из «Советского экрана»!.. Пропустите, пожалуйста!..

Гвоздилова умеет приказывать, не приказывая. Мальчики улыбаются и разводят руками — мол, сами понимаете, такая служба. Корреспондент проходит в гримуборную Гвоздиловой и закрывает за собой дверь...

— Учитесь, девки!.. — злобно шипит Сима. — Вот как надо устраиваться!.. В театре — траур, а у нее — самая жизнь!..

*

...В гримуборной корреспондент щелкает Гвоздилову.

— Голова чуть направо. Подбородок чуть выше. И легкий проблеск улыбки. А смотреть не точно в объектив, а чуть поверх него. Замечательно.

— Жаль ваших усилий! — усмехается Гвоздилова. — Из-за Рябинина материал наверняка не пойдет. Видите, что творится в театре?.. Чуть ли не комендантский час!..

— Ужас! — соглашается корреспондент, возясь с фотоаппаратом. — Но будем надеяться. Все-таки дети за отцов не отвечают. И потом кино — другое ведомство...

Он на секунду отрывается от фотоаппарата и озадаченно смотрит куда-то за плечо Гвоздиловой.

— Елена Константиновна! Что это у вас там за надпись?.. Я не имею ничего против этого лозунга, но он может испортить нам кадр!..

Гвоздилова оборачивается. Во всю ширину зеркала губной помадой написано: «Долой сук!» Елена Константиновна устало вздыхает и начинает оттирать зеркало носовым платком...

*

— А чего ж не подписать? — весело удивляется Игорь. — Георгию Петровичу от моей подписи зла не прибудет. Только текст вы сами составьте, у меня не получится.

— Текст не главное, — Юрий Михайлович внимательно изучает развалившегося в кресле Гордынского. — Нужно минимум десять подписей. Тогда это мнение театра.

— Организуем! — машет рукой Игорь. — Но я надеюсь, это будет как-то учтено?.. Ну, звание, квартира... Или там командировка в Японию?..

— При чем тут Япония? — на скулах Юрия Михайловича рельефно проступают желваки. — Вы что себе позволяете?

— Как при чем? — обижается Игорь. — Раз я у вас на службе... Ну-ну, не торгуйтесь!.. За крупное паскудство надо и платить по-крупному!

— Плохо шутите, Гордынский! — чувствуется, что спокойствие дается Юрию Михайловичу с трудом.— При вашей репутации я бы вел себя скромнее.

— Уже донесли! — расстраивается Игорь.— Клеветники, завистники!.. Ну не дает им покоя мое сексуальное здоровье!

— С сексуальным здоровьем у вас все в порядке,— желчно улыбается Юрий Михайлович.— А вот с пропиской, насколько мне известно, дело обстоит гораздо хуже...

— У меня временная,— Гордынский с готовностью лезет за паспортом, словно собираясь показать.— Директор все обещает квартиру, но... то генсек помрет, то Рябина лишают гражданства...

— Так вот, если вы не возьметесь за ум,— веско и внушительно говорит Юрий Михайлович,— то можете вообще вылететь из Москвы. Тем более, что театр вами не очень-то дорожит!

Игорь элегически смотрит в окно, потом с сожалением цокает языком и поднимается с кресла.

— Нетонко! — кручинится он.— Я существо ажурное, меня надо было вербовать бережно. Жаль, жаль!.. Вы были в сантиметре от успеха!

*

...В стеклянную кружку с шипением льется золотистое пиво... На патефонном диске крутится обшарпанная пластинка... Флегматичный Дрюля, задумчиво прихлебывая из пивной кружки, слушает Верди... В гримуборную влетает растрепанный Тюрин, чертыхаясь, шарит по бесчисленным складкам висящей на вешалке хламиды, наконец, достает из ее недр смятую пачку сигарет...

— Вот это нервы!..— разминая сигарету, восхищается Тюрин.— Земля горит, небо рушится, а мальчонка слушает Верди!.. Аномальный ты все-таки тип, Дрюля!..

— Это вы аномальные!..— меланхолично отвечает Дрюля.— Все играете в казаки-разбойники!.. А я вне политики. Я ищу гармонию... Пью пиво, читаю Библию, слушаю Верди!..

— А вот скажи мне, Дрюля,— заинтересовывается Тюрин,— если тебя убивают... или лезут к тебе в квартиру... или насилуют твою жену... Что ты будешь в это время делать?.. Читать Библию?..

— Давай без глобальностей! — морщится Дрюля.— Никто нас покамест не убивает!.. Не надо мышиную возню выдавать за гибель Помпей!..

*

...В разговоре с Гвоздиловой Юрий Михайлович мучительно напрягает остатки своего мужского шарма,— все-таки знаменитость, кинозвезда! — но, видимо, шарм начальника изрядно пожух от многолетнего бездействия, потому что не производит на Гвоздильову ни малейшего впечатления.

— Насколько мне известно, Елена Константиновна,— журчит Юрий Михайлович,— вы и раньше не ладили с Рябининым? А уж последний его поступок, видимо, и вовсе не привел вас в восторг?

— Я не делаю из этого тайны,— ровно отвечает Гвоздильова.— На мой взгляд, Георгий Петрович повел себя легкомысленно. Чем и поставил театр под удар.

— К сожалению, не все это понимают,— элегически вздыхает Юрий Михайлович.— Вот вы бы и объяснили это вашим коллегам. Да и не только коллегам...

— Вы предлагаете мне осудить Рябинина публично? — Гвоздильова качает головой.— Нет, во всенародных шабашах я не участвую.

— Ну что за формулировка, Елена Константиновна? — мягко досадует Юрий Михайлович.— Вы же скажете то, что думаете. И что же плохого в том, что ваше мнение совпадет с мнением большинства?

— Дело не в большинстве,— терпеливо объясняет Гвоздильова.— Своим мнением я поддержу ваше мнение. А поддерживать вас — аморально.

— Кого это — вас? — Юрий Михайлович срывается на фельдфебельский тон.— Народ, партию, правительство?

— У вас мания величия,— спокойно отвечает Гвоздильова.— Вас — это лично вас. И вам подобных. А таких в стране много.

— Вы хотите меня оскорбить? — глаза Юрия Михайловича наливаются металлической синевой.— Это очень рискованно, Елена Константиновна!

— Вас нельзя оскорбить. Вы счастливый человек. Знаете поговорку: самый счастливый человек тот, кто не знает степени своего несчастья...

Гвоздильова безмятежно смотрит на Юрия Михайловича и ослепительно улыбается. Марлеу Дитрих. Небожительница. Кинозвезда.

*

...В узком проеме плохо прикрытой женской гримуборной вот уже несколько минут настырно маячит какая-то фигура.

— Девочки, смотрите! — фыркает полуголая Ниночка.— Скоро нам придется раздеваться при них!.. Да вы входите, молодой человек, вам же оттуда не видно!..

Сима рывком распахивает дверь. Наблюдатель слегка отшатывается, но на его лице нет и тени смущения. Тухлый взгляд. Профессиональное выражение задумчивой рассеянности.

— Глупая ты, Нинка! — говорит Сима, не отрывая насмешливого взгляда от наблюдателя.— Нужны ему твои сиськи!.. У него тут дела посерьезней. Он контрреволюцию ищет. Правда, шурик?..

— Я не Шурик! — с достоинством отвечает застигнутый.— Меня зовут Евгений. А если быть совсем точным, то Евгений Александрович.

— Иди ты!..— изумляется Сима.— У тебя ведь, поди, и фамилия есть?.. Но все равно, ты шурик! Все вы, Евгений Александрович, шурики!..

И Сима с треском захлопывает дверь.

*

...В кабинете директора накаленная обстановка. Вся начальственная пятерка в сборе. От былой респектабельности Юрия Михайловича не осталось и следа. Злой и взъерошенный, он втыкается сухими колючками глаз то в директора, то в Андрея Ивановича.

— Гнилой у вас коллективчик-то, гнило-о-ой!.. Распустил их Рябинин! Ну ничего, я им загривки поломаю! Готовьте приказ, Петр Егорович. Бусыгина, Гвоздилову и Гордынского — на увольнение.

— То есть, как на увольнение? — шепчет Андрей Иванович.— Но ведь это же произвол!.. У вас нет оснований!..

— Оснований больше, чем достаточно! — отрубает Юрий Михайлович.— Вам нужна формулировка? Неэтичные выпады в адрес советских и партийных руководителей. И пусть еще скажут спасибо, что только увольнение, а не семидесятая статья!

— Юрий Михайлович,— пробует вмешаться директор,— нельзя же так сплеча... С Гвоздиловой может получиться скандал...

— Скандала не будет,— успокаивает директора Анна Кузьминична.— Горком полностью поддерживает позицию Юрия Михайловича. Райком, я надеюсь, тоже.

Безмолвные райкомовские анонимы согласно кивают головами: дескать, о чем речь, разумеется, поддерживаем.

— Но за что же увольнять? — негодует Андрей Иванович.— За то, что люди отстаивают свои моральные принципы?

— Моральные принципы? — Юрий Михайлович буквально

задыхается от сарказма.— Одна трахается чуть ли не у всех на глазах... Извините, Анна Кузьминична... Другой носится по театру с топором!.. И при этом они еще умудряются иметь моральные принципы!..

— Ну зачем же вы так...— тускло возражает директор.— Просто актеры — легко возбудимые люди... Я сам в прошлом актер...

— Знаете, а у меня создалось впечатление,— интимно делится Анна Кузьминична,— что актеры немножко не люди. Похожи на людей. Очень похожи. Но не люди.

— Вот вы! — Юрий Михайлович резко поворачивается к Андрею Ивановичу.— Скажите, почему вы, пожилой человек, фронтовик, секретарь парткома, позволяете себе входить в кабинет в таком шутовском виде? Или вы таким образом демонстрируете мне свою независимость?

Андрей Иванович рассматривает свои лохмотья с таким видом, будто видит их в первый раз в жизни.

— Я у себя дома,— пожимает он плечами...— Я же не упрекаю вас за вашу униформу.

Начальники переглядываются. Действительно, все одеты одинаково. Костюмы серого цвета. Галстуки. Кейсы. Даже на Анне Кузьминичне узенький дамский галстучек и строгий серый жакет. А уж трое близняшек из райкома — те и вовсе неотличимы друг от друга, как малыши в детприемнике.

— Хамите? — прищуривается Юрий Михайлович.— Ну, вальяйте, резвитесь!.. Но предупреждаю, я человек злопамятный. И наглых шуток не прощаю!

— А вы меня не пугайте, гражданин начальник,— голос у Андрея Ивановича вдруг становится сильным.— Меня и не такие пугали. И — ништяк, оклемался.

— Прекратите юродствовать! — кричит Юрий Михайлович.— Вы не на сцене!.. Разгулялись, клоуны! Я приведу вас в чувство! Вы у меня узнаете, что почем! Вы у меня на карачках ползать будете!

Юрий Михайлович внезапно смолкает, потому что из-за плеча Андрея Ивановича появляется Элла Эрнестовна. За ней в проеме двери — напряженные лица актеров.

— Не смейте на него кричать,— тихо говорит Элла Эрнестовна.— Или я вас ударю.

*

В тесной гримуборной не продохнуть от табачного дыма.

— Одного я не понимаю,— быстро и возбужденно говорит

Федяева.— Ну ладно, Левушка, ну ладно, Гордынский... Это для них не авторитеты... Но как они решились уволить Елену Константиновну?!

— В такой рубке щепок не считают! — усмехается Боря.— Им важно уничтожить Рябинина. Тут все средства хороши. Политика, Лидия Николаевна, грубая вещь!

— Политика тут ни при чем, Боря! — Гвоздилова качает головой.— Это биологическая война. Знаете, как у насекомых?.. Они чувствуют чужих. И пожирают. И не важно, прав ты или виноват. Важно, что ты не из их породы...

— Они нас будут жрать,— не выдерживает Левушка,— а мы будем молчать. Из деликатности. Чтобы не испортить им аппетита. Должны же мы хоть как-то защищать свое достоинство!.. Дверь распахивается, и в гримборную влетает Тюрин.

— Левушка, говори потише! — шипит Тюрин.— А то возле вашей двери гуляет такой спортивный паренек, и ухо у него откровенно растет в вашу сторону!

— Черт-те что! — тихонько смеется Борис.— Вот так рождаются диссиденты. Я уже начинаю чувствовать себя маленьким Герценом...

*

...Дверь в кабинет директора осторожно приоткрывается, и в образовавшемся проеме появляется неуверенное лицо Татьяны.

— Пожалуйста, Танечка, входите! — директор рад любой возможности разрядить взрывоопасную атмосферу, а Татьяна все-таки дьявольски красива.— Вы ко мне или к... Знакомьтесь, товарищи, это Татьяна Бусыгина, наша молодая актриса!

— Мы наслышаны,— лаконично отзывается Анна Кузьминична и брезгливо поджимает губы.

Татьяну ничуть не смущает такая реакция, она привыкла, что все женщины в ее присутствии делают постное лицо и поджимают губы.

— Я бы хотела переговорить с Юрием Михайловичем,— извиняющимся голосом говорит Татьяна.— Всего несколько минут... Но, если можно,— конфиденциально...

Анна Кузьминична косится на Юрия Михайловича, пытается отыскать на его лице хоть слабую тень неудовольствия, но тот смотрит на Татьяну с явным любопытством — все вы, мужики, одинаковы! — и Анна Кузьминична с неохотой встает с кресла. Райкомовские близнецы поднимаются вслед за ней и синхронно хватаются за кейсы.

— Мы будем в буфете,— бурчит Анна Кузьминична.— Петр

Егорыч, вы нас не проводите? А то в ваших катакомбах без проводника ходить опасно.

Директор предупредительно распахивает двери, и руководящая группа, топя, как октябрята на выпасе, гуськом покидает кабинет.

— Я догадываюсь, зачем вы пришли, — не дожидаясь Татьяниных объяснений, говорит Юрий Михайлович. — Вы хотите уговорить меня аннулировать приказ об увольнении. Разочарую вас сразу — этого не будет.

Он едва успевает договорить фразу — и Татьяна тотчас, без всякой подготовки, начинает плакать. Глаза ее мгновенно набухают прозрачной влагой, нос краснеет, губы складываются в обиженную гримасу.

— Это жестоко, жестоко! — сглатывая слезы, говорит Татьяна. — Может быть, актеры повели себя немного легкомысленно, но нельзя же приговаривать за это к смертной казни!.. А увольнение — это казнь!

— Перестаньте демонстрировать свои профессиональные навыки! — Юрий Михайлович избегает смотреть на Татьяну. — Актерские слезы — недорогой товар. Этому учат в любом театральном институте.

— А в женские слезы вы верите? — Татьяна поднимает опухшие от слез веки. — Вы — сильный, умный, добрый человек. Ну почему вам так нравится выглядеть извергом?

— Я — изверг? — Юрий Михайлович возмущенно разводит руками. — А Рябинин кто — ангел? Он же вас предал!.. Почему же вы обвиняете всех вокруг, а его берете под защиту?

— Я умоляю вас, отмените приказ! — в голосе Татьяны слышатся какие-то новые решительные нотки. — Муж не знает, что я здесь. Он просто не пустил бы меня к вам. Я сделаю для вас все, что вы захотите, только отмените приказ!

— Вы с ума сошли? — сочувственно интересуется Юрий Михайлович. — Вы просто обольстительница из плохого кино. Но вам не кажется, что вы выбрали не самое удачное место для совращения?

Татьяна дергает за какой-то невидимый шнурок у горла — и пышная театральная хламида тяжелыми складками падает к ее ногам.

— Эт-то что такое? — ошеломленный Юрий Михайлович панически кидается к Татьяне. — Вы соображаете, что вы делаете? А ну-ка, оденьтесь немедленно!.. Слышите?!

— Я заперла дверь, — лихорадочно шепчет Татьяна, лицо ее почти касается лица Юрия Михайловича. — Ключ у меня. Не надо бояться, сюда никто не войдет...

— Сумасшедшая! — шипит Юрий Михайлович. — Всех вас надо в Кашенко! Одевайтесь сию же секунду, или я позвоню...

— В милицию? — Татьяна заглядывает в глаза Юрию Михайловичу. — Или в горком? Вы меня не обманете! Женщина всегда знает, нравится она или нет. Я же видела, какими глазами вы смотрели на меня там, на собрании...

И она неожиданно впиается в губы Юрия Михайловича долгим и мучительным поцелуем.

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Обалдевший Юрий Михайлович не сразу понимает, откуда вдруг появился этот режущий глаза свет...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

А когда понимает, то уже ничем не может себе помочь. Так и стоит посреди директорского кабинета с дико вытаращенными глазами, галстуком, съехавшим набок, и растерзанной рубашкой, в обнимку с голой красавицей, бесстыже улыбающейся в фотообъектив...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Левушка аккуратно прячет фотокамеру в футляр, Татьяна деловито натягивает на себя хламиду. За их спинами — группа актеров. В глазах — ни удивления, ни осуждения, ни восторга. Закончился спектакль. Свершился акт возмездия...

— Признаться, я вас недооценивал! — почти с восхищением констатирует Юрий Михайлович. — Страшный вы народец!

— С волками жить — по-волчьи выть, — равнодушно отвечает Левушка. — Вы сами выбрали этот вид оружия.

— И что же вы будете делать с фотографиями? — кисло улыбается Юрий Михайлович. — Отошлете в газету «Правда»?

— Ну почему обязательно в «Правду»? — так же без интонаций отвечает Левушка. — Есть и другие правдивые газеты. Например, «Юманите».

Юрий Михайлович пристально вглядывается в Левушку, пытаясь понять, не шутит ли он, но в глазах у Левушки холодно и пустынно, как в зимних небесах...

*

...В одном из многочисленных театральных переходов дорогу актерам внезапно преграждает группа угрюмых пареньков в чехословацких костюмах.

— Отдайте камеру! — негромко требует один из них, судя по виду, старший.

— Разве она ваша? — кротко удивляется Левушка и прячет фотокамеру за спину.

— Отдайте камеру! — не повышая голоса, повторяет старший.

— Лева, пас! — кричит Игорь, неизвестно когда и как оказавшийся за спиной у «чехословацкой» группы, и вытягивает руки: дескать, ловлю!

Левушка неловко кидает фотокамеру Игорю. Тот едва успевает поймать ее и тут же получает сокрушительный удар в переносицу. Удар, надо сказать, профессиональный, потому что Игорь валится наземь, как сноп. Истошно визжит Сима, Левушка бросается Игорю на помощь, но двое бравых пареньков мгновенно заламывают ему руки.

Старший вскрывает камеру: камера пуста, пленки нет.

— Где пленка?

Левушка с заломленными назад руками пожимает плечами:

— А ее и не было...

По знаку старшего Левушку быстро ощупывают — пленки нет.

— Я ж вам сказал: не было. Шутка!..

Старший коротко размахивается и в сердцах расшибает камеру о стену. Всхлипывают осколки. Вся операция занимает не более нескольких секунд.

Потрясенные и притихшие, стоят в театральном переходе артисты.

А слаженная группа «бойцов невидимого фронта» молча удаляется по пустынному коридору.

*

...В кабинете директора хлопочут врачи. Бледный Юрий Михайлович в расстегнутой рубашке лежит на директорском диване.

— Сволочи! — не может успокоиться Анна Кузьминична. — Нет, я этого так не оставлю!.. Я натравлю на них прокуратуру!

— Успокойтесь, Анна Кузьминична! — директор дрожащими руками наливает в стакан воды. — Выпейте тархунчику!.. Артисты погорячились... Они люди нервные!..

— Оставьте! — Анна Кузьминична отталкивает стакан. — Таких нервным место в Лефортове, а не на советской сцене! Будь моя воля, я бы их...

— Анна Кузьминична, — просит с дивана Юрий Михайлович, — соедините меня с Николаем Андреевичем! А вы, Петр Егорыч, соберите труппу на последний разговор...

*

В репетиционном зале — звенящая тишина. Тишина, чреватая взрывом. Юрий Михайлович говорит внятно и раздельно, прове-

ря доходчивость сказанного внушительными паузами,— точно швыряет камешки с обрыва, всякий раз терпеливо дожидаясь, когда снизу донесется глухой стук...

— Я хотел бы довести до вашего сведения, что руководящие инстанции, получившие подробную информацию о ненормальной ситуации, создавшейся в вашем коллективе, настаивают на немедленном расформировании труппы. В ближайшие дни в театре будет работать специальная комиссия из представителей партийных и советских органов совместно с представителями общественности, которая все тщательно взвесит и разберется в безобразиях, которые здесь происходят...

Юрий Михайлович встает из-за стола, давая понять, что обсуждать сказанное не входит в его намерения. Он знает, что речь его произвела на аудиторию самое сильное впечатление, и возможные прения могут это впечатление ослабить. Но он не знает, что последняя точка в сегодняшнем разговоре будет поставлена не им...

— Простите! — звонким голосом говорит Левушка.— Но прежде чем вы и ваши коллеги покинете этот дом, мы тоже хотели бы довести до вашего сведения кое-что. В знак протеста против незаконных и антигуманных действий руководства по отношению к нашему коллективу, мы объявляем голодовку!..

— Что они объявляют? — переспросила Анна Кузьминична, не умея сразу переварить пугающий смысл услышанного.

— Голодовку! — Юрий Михайлович сверлит Левушку немигающим взглядом, как факир, внезапно разучившийся заклинять кобру.

— Наши требования! — продолжает Левушка.— Первое. Немедленно аннулировать приказ об увольнении актеров. Второе. Восстановить в репертуаре все спектакли Рябинина. И, наконец, третье. Вернуть Рябинину советское гражданство и должность художественного руководителя театра. Пока эти требования не будут выполнены, мы прекращаем с вами всякие переговоры. В ответ на возможные попытки остановить голодовку силой, мы вынуждены будем прибегнуть к самосожжению.

— К чему прибегнуть? — снова не врубается Анна Кузьминична. Видимо, слово «самосожжение» кажется ей некоей литературной метафорой.

— К самосожжению! — раздраженно отвечает Юрий Михайлович. Похоже, он и сам не может до конца поверить в серьезность всего происходящего.

— Что же касается лично вас и вашей компании, то мы предлагаем вам в течение пятнадцати минут покинуть помещение театра.— Левушка смотрит на часы.— Сейчас в подвале находят-

ся трое наших товарищей. У них есть пакля, газеты и канистра с бензином. Если через пятнадцать минут вы еще будете находиться в этом здании, они, не дожидаясь дополнительного сигнала, совершат акт самосожжения.

— Тоже фокус? — тихо спрашивает Юрий Михайлович.— Как с пленкой?..

— Приглашаю вас лично убедиться в том, что это не выдумка, но не дольше, чем в течение тех же пятнадцати минут.

— Товарищи,— после долгого молчания снова тихо говорит Юрий Михайлович,— вы отдаете себе отчет... Это же политический шантаж... Неужели все в театре поддерживают эту дикую провокацию?

Юрий Михайлович обводит глазами присутствующих. Венецианский карнавал. Лысая гора. Съезд шизофреников. Даже у детей — глаза, как у леших.

— Вас устраивает такой ответ? — после выразительной паузы интересуется Левушка.— Или все-таки хотите посмотреть подвал?

Ситуация преглупейшая... Поддаться на провокацию, потребовать доказательств... Снова стать общим посмешищем...

— В таком случае,— продолжает Левушка,— не смеем вас больше задерживать. Боря!.. Игорь!.. Проводите товарищей... У нас слишком мало времени,— он деловито смотрит на часы.

*

...Группа «товарищей», эскортируемая стриженными мальчиками в чехословацких костюмчиках, безмолвно движется по театральному тоннелю в направлении служебного входа...

*

...А в театре уже происходит нечто невообразимое!.. Актеры тащат театральную мебель... Баррикадируют двери... Заколачивают окна... Рабочие сцены стараются вовсю.

Театральный столяр Кондратьич, красноносый и вечно пьяненький, прилаживает к заколоченной двери леденящий кровь плакат: «Осторожно! Заминировано!»

— Хорошо придумал! — хвастается Кондратьич.— Теперь пусть только сунутся!..

— Что значит «заминировано»? — холодеет Левушка.— Здесь же дети!..

— Да что ты, Левушка! — хохочет столяр.— Это же так, бутафория... Для остротки...

— Тут некого страшать, старик,— строго говорит Левушка.— Страшать надо тех, кто снаружи...

— Тоже правильно,— соглашается огорченный Кондрач.— Светлая ты голова, Левушка!..

*

...В театральном фойе собралась вся труппа. Сейчас актеры без грима, и можно впервые рассмотреть их лица. Усталые, землистого цвета, с синими кругами под глазами.

— Хорошенько подумайте, братцы,— взволнованно говорит Левушка.— Те, кто хочет уйти, могут уйти. В первую очередь, конечно, следует увести отсюда детей. Тех, кто считает необходимым остаться здесь — прошу подойти ко мне!.. Без обид, братцы...

Из толпы выходят Татьяна, Сима, Боря...

— Товарищи! — директор, как обычно, складывает руки умоляющей лодочкой.— У вас у всех есть семьи, родители, дети... Подумайте, если не о себе, так хотя бы о них!..

Из толпы выходит Гордынский.

— Если будет позволено,— тихо говорит он, обращаясь к Левушке,— я бы хотел остаться. Обязуюсь подчиняться общей дисциплине.

— Оставайся! — Левушка пожимает плечами.— Каждый имеет право защищать свою честь. Если, конечно, она у него имеется...

Вслед за Гордынским из толпы выходит Федяева. Потом Андрей Иванович с Эллой Эрнестовной. Немного погодя к ним присоединяются супруги Тюрины. Выходит Гвоздилова.

— Елена Константиновна! — Левушка приятно ошарашен.— Вы хорошо подумали? Ваш выбор может иметь для вас самые серьезные последствия...

— Вы — эгоист, Лева,— усмехается Гвоздилова.— Все норвите героически умереть в одиночку. А другим, между прочим, тоже хочется войти в историю...

Из толпы выпархивают Аллочка и Ниночка, за ними, не выпуская из рук драгоценного патефона, выходит Дрюля.

— Дрюля! — радостно удивляется Тюрин.— Ты-то куда со своим патефоном?.. Ты же вне политики!

— А при чем тут политика? — меланхолически отвечает Дрюля.— Если мир раскололся без моего участия, то надо же мне где-то быть. Так уж лучше с вами.

— Товарищи! — взывает директор.— Еще не поздно остановить эту дурацкую комедию!.. Я уверен, если мы извинимся перед Юрием Михайловичем — нас простят...

Директор продолжает говорить, а из толпы выходят все новые и новые люди. Актеры, бутафоры, осветители, монтировщики...

*

...Кабинет директора теперь полностью оккупирован актерами. На директорском столе несколько телефонов, и все они в настоящий момент заняты. Из общего гула вырывается голос Федяевой.

— Шурик?.. Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!.. А вот Вера Ивановна говорит, что не учишь! В общем, если не сдашь зачет — про магнитофон забудь!..

— Бардак! — возмущенно вздыхает Тюрина. — Ведь договорились же болтать не более трех минут!.. В любой момент могут позвонить оттуда, — она выразительно тычет пальцем вверх, — а телефон занят!

— Ты за меня не волнуйся! — мурлычет в трубку Аллочка. — Голодовка голодовкой, а с голоду мы тут не помрем! У нас шикарный буфет, бывает даже горячее...

— Что ты плетешь? — настораживается Сима. — Какое тут у нас горячее?.. Мы же эвакуировали буфет! Или ты трескаешь тайком ото всех? Как Лоханкин?

— Я голодаю честно! — обижается Аллочка, прикрыв трубку рукой. — Наравне с коллективом! Просто муж нервничает. Должна же я как-то его успокоить?

— Фантастическая идиотка! — восхищается Сима. — Ты же дискредитируешь идею! А если телефон прослушивается?.. Выходит, наша голодовка — чистый блеф?

— Оля! — кричит в трубку Татьяна. — Отзвони в ВТО Антонине Васильевне!.. Скажи, что мы с Левушкой отказываемся от Пицунды! Пусть отдадут путевки кому-нибудь другому!..

*

Вечером Левушка обходит посты. У центрального входа дежурят Тюрин и Андрей Иванович.

— Сейчас-то потише, — докладывает Тюрин. — А днем был ужас!.. Оцепление милиции... Толпа с лозунгами... Орут... Бьют стекла...

— А почему бьют стекла? — удивляется Левушка. — Ну да, они же не знают, что произошло! Надо объяснить людям нашу позицию...

— Наивный вы человек, — усмехается Андрей Иванович. —

Вы никогда не сталкивались с таким явлением, как организованный праведный гнев трудящихся? Будьте уверены, им уже объяснили вашу позицию.

*

В одном из театральных переходов Левушку настораживает некий странный звук, похожий на стук молотка по металлу. Левушка озирается. Тоннель пуст. Левушка заглядывает в темный проем — тут находится лестница, ведущая на чердак.

— Эй! — кричит он в пугающую темноту. — Кто там?.. Советую не прятаться! Сейчас сюда соберутся все посты и вам не поздоровится!

— Соберутся они тебе, с-час! — слышится откуда-то сверху ворчливый голос, и через секунду из мрака появляется столяр Кондратьич. — Отсюда никуда не докричишься!.. Изоляция, как в Петропавловке!

— Кондратьич! — Левушка принимает строгий вид. — Ты чего это здесь? Знаешь, который час? Половина второго!

— Сигнализацию делаю! — снисходительно объясняет Кондратьич. — Чтоб через крышу никто не проник! Ступи-ка на лестницу!.. Ну ступи, ступи, не бойся!

Левушка ступает на лестничную клетку, и тоннель заполняет свирепая трель звонка.

— С ума сошел! — пугается Левушка. — Ты же весь театр подыметь! Нашел время экспериментировать! Выключи немедленно!

— Легко сказать «выключи»! — кручинится Кондратьич. Я пока только систему включения отработал. А выключение — это второй этап.

*

...Левушка в своей гримуборной чистит зубы. За ним с выражением немой укоризны маячит Боря Синюхаев.

— И не проси! — сурово отрезает Левушка. — Еще и суток не прошло, а им подавай свидание! Тут не пионерлагерь!

— Но и не Бухенвальд! — парирует Боря. — Что плохого в том, что люди хотят повидаться с родными? Это естественное желание!

— Но не в нашей ситуации! Просто так милиция их в театр не пропустит. Значит, снова нужно звонить по инстанциям, просить, унижаться...

— Почему унижаться? — Боря чувствует в Левушкиных ар-

гументах слабины.— Не просить, а требовать! Свидание с родными — это наше святое право!

— Ладно,— сдастся Левушка.— Только свидание не должно длиться более полчаса. И на это время следует усилить посты.

*

...По театральным переходам движется шумная толпа родственников с сумками, свертками и авоськами. В актерском фойе их встречает такая же шумная толпа артистов. И снова слезы. Такое ощущение, что эта встреча происходит не в центре Москвы, а где-нибудь в читинском остроге...

*

— Ты совсем синяя! — тревожится Аллочкин муж, молодой бородач в джинсовом костюме.— Ты не обманываешь, вас действительно хорошо кормят?.. Ты сказала им, что у тебя гастрит?

— Толечка, не волнуйся! — Аллочка смотрит на мужа правдивыми и влюбленными глазами.— Кормят, как в «Арагви». Только никому об этом не говори, ладно?.. Все-таки, официально у нас голодовка.

— Понимаю,— заговорщицки говорит бородастый Толечка и вынимает из сумки объемистый сверток.— В таком случае, вот!.. Это тебе от мамы. Тут пирожки с капустой. Съешь сама и передай товарищу.

— Толечка, спасибо, но...— мрачнеет Аллочка.— Я не возьму. У нас это не полагается,— и снова поднимает на мужа невозможно искренние глаза.— Ты не беспокойся, я тут жру, как слон!

*

— ...Да не тычь ты мне свое яблоко! — с нарочитой суровостью одергивает сына Федяева.— Ты же знаешь, я их терпеть не могу! Как твое сольфеджио? Только не врать, Шурик!..

— Нормально! — хрумкает яблоком Шурик, узкий, бледный, ушастый отрок, похожий на умную летучую мышь.— Уччу, как обещал... Мам, а правда, что вы против советской власти?

— Чепуха! — яростно говорит Федяева.— И ты не должен повторять вслух эту чушь! Эти мерзкие сплетни распространяют злые и глупые люди! Кто тебе это сказал?

— Вера Ивановна! — Шурик увлеченно грызет яблоко.— А еще она сказала, что я не имею права на бесплатное обучение,

потому что моя мать махровая антисоветчица. А я ей сказал, что она сволочь!

— Как ты посмел! — Федяева закатывает сыну звонкий подзатыльник. — Вера Ивановна — прекрасная учительница, пожилая женщина, заслуженный человек! Сегодня же извинись, понял?

*

...Левушкина мама поразительно похожа на сына: такая же круглолицая, толстая, одышливая, в глазах — зеленая искра романтического непокая. Единственно, чего ей недостает для полного сходства с Левушкой — это яркого блюда лысины, венчающего облик нашего героя.

— Левушка, я не засну всю ночь, если ты не съешь хотя бы кусочек кулебяки. Тебе необходимо есть, у тебя плохое сердце, и жена совершенно за тобой не следит! Вот такой малюсенький кусочек — разве это принципиально?

— Ну какая кулебяка, мама? — морщится Лева. — Мы же объявили голодовку. Это была моя инициатива. Ты дезавуируешь меня как лидера!

— Юрий Михайлович сказал, — мама неожиданно склоняется к Левушкиному уху, — что тебе грозит тюрьма... Но он готов тебя защитить, если ты снимешь свои дурацкие требования...

— Ты разговариваешь с этим подонком? — отшатывается Левушка. — За моей спиной? Я запрещаю тебе вести с ним переговоры! Ты слышишь, запрещаю!

— Глупенький! — плачет мама. — Юрий Михайлович — интеллигентнейший человек... Он хочет тебе добра! Я презираю твоих друзей! Они тебя не понимают. Они же не люди — артисты!

*

...В стороне от гомонящей толпы сидит углубившаяся в чтение Гвоздилова. Завистливо потолкавшись среди чужих родственников, к ней подсаживается так никем и не востребованная Ниночка.

— А вы почему в одиночестве, Елена Константиновна? Учитите, больше свиданий не будет! Лев Александрович категорически против!

— Все мои в отъезде, — оторвавшись от книги, говорит Гвоздилова. — Старики на даче, муж в командировке. Слава Богу, догадалась, взяла с собой «Новый мир».

— А у меня и вовсе никого! — жалуется Ниночка. — Родители

в Челябинске. Я же иногородняя. А как вы переносите голодовку? Ничего?.. Я — ужасно!

— Я — тоже! — простодушно отзывается Гвоздилова.— Еще один день — и съем собственную кофту... Вообще, долговременные подвиги не для меня. Меня надо сразу кидать на амбразуру, а то я опомнюсь — и всех продам!

— Сказать по правде,— набирается храбрости Ниночка,— я очень удивилась, когда вы остались... У вас все-таки особенное положение, кино, успех... Зачем вам эта голодовка?

— Сама не знаю,— усмехается Гвоздилова.— Человек познается по глупым поступкам. Замужество, деньги, карьера — это стереотипы биографии. А вот глупый поступок — он всегда только твой!..

*

Бессонный Лева обходит ночные посты. На сей раз у центрального входа дежурят Боря Синюхаев и Игорь Гордынский.

— Ну что на западном фронте? — интересуется Левушка.— Надеюсь, без перемен?.. Хотя если без перемен — это тоже скучно!

— Нам скучать не дают,— отзывается Гордынский.— Сегодня двоих шуганули. Пытались пролезть через бутафорских цех!

— Чего они добиваются? — удивляется Левушка.— Мы же их предупредили, что если они попытаются воздействовать на нас силой...

— Плевать они хотели на наши предупреждения,— усмехается Боря.— Слышишь, что на улице делается?.. А ведь уже первый час ночи!

— А что плохого в том, что люди митингуют? — беспечно возражает Левушка.— Может, они хотят выразить нам сочувствие...

— Сочувствие? — переспрашивает Гордынский.— Странный у них способ выражать сочувствие. Вот уже час скандируют одно только слово «под-ле-цы!» Подлецы — это мы...

— Почему «подлецы»? — сомневается Левушка.— Во-первых, они кричат неразборчиво... Мне вот, например, слышится «мо-лод-цы!» Да-да, молодцы! Зачем так плохо думать о людях...

*

...Левушка идет по пустынному ночному коридору... Гулкое эхо усиливает и множит стук его каблучков. Странно выглядит театр ночью. Огромное, пустое, чужое здание с притаившейся по углам враждебной тишиной.

Внезапно Лева останавливается. Где-то здесь, совсем рядом, в одном из переходов, слышны звуки крадущихся шагов. Левушке становится не по себе.

— Кондратьич! — говорит Левушка и сам пугается собственного голоса. — Это ты тут шебуршишь?.. Не валяй дурака, Кондратьич, слышишь?

В ту же секунду, неслышные, как привидения, на Левушку наваливаются трое... Зажимают ему рот... Заламывают руки... Волокут в темноту... Несколько коротких ударов по корпусу, последний — отрезвляющий — по лицу. Левушка так ошеломлен, что даже не пытается сопротивляться.

— Не ори, — шепотом предупреждают его, — а слушай внимательно. Если завтра к десяти утра вы не прекращаете бузу — вам будет очень хреново. А тебе, барбос, в особенности. Усек?

— Не совсем, — вежливо отвечает Левушка и облизывает кровоточащую губу. Теперь, перед лицом опасности, он вдруг совсем успокоился.

— Попадешь в Склифосовского — там сообразишь! Цацкаться с вами, засранцами, тут никто не будет. Это вам не Польша. Так и передай своим карбонариям!..

— А вы кто? — простодушно интересуется Левушка, пытаюсь запомнить хоть одного из преследователей в лицо. — От кого передать?

— Благодарные зрители! — с коротким смешком рекомендуется призрак. — В общем, запомни: завтра к десяти вас уже здесь нету! И не вздумайте что-нибудь отчебучить!

Там, за спинами ночных гостей, явно что-то происходит. Левушка даже не видит, а скорее чувствует это. Видимо, то же начинают чувствовать и гости. Один из них резко оборачивается, и в образовавшемся зазоре мы видим фигуру Игоря Гордынского.

— Игорь! — кричит Левушка. — Не подходи! Их трое! Чеси за ребятами!

— Ничего! — с веселой яростью отзывается Игорь. — Как-нибудь отмахнемся!.. Ну-ка, подите сюда, голубки!.. Я вам прощцу клювики...

Двое не заставляют себя просить вторично и молча набрасываются на Игоря, третий придерживает Левушку за заломленную руку. Игорь дерется легко и красиво, точно фехтует. Кажется, ему важнее выглядеть красиво, чем победить. Левушка внутренне как-то обмякает и успокаивается, и поэтому пропускает тот роковой миг, когда Игорь вдруг оказывается на полу. Его продолжают бить ногами, и, хотя длится это считанные секунды, Левушке кажется, что прошла целая вечность. Все кончается так

же неожиданно, как началось. Три призрака точно растворяются в ночных коридорах, оставив на полу неподвижного Гордынского.

— Игорек! — Левушка склоняется к Игорю.— Ты живой?.. Не пугай меня!.. Ответь что-нибудь!

Гордынский молчит. Левушка беспомощно озирается по сторонам.

Тоннель жутковато пуст, как улица зачумленного города. Ни звука, ни шороха. Только эхо Левушкиного голоса продолжает колотиться в гулких переходах огромного здания.

— Братцы! — отчаянно кричит Левушка.— Игорю плохо!.. Помогите же кто-нибудь, братцы!..

Левушка судорожно хватается Гордынского под мышки и волочит по тоннелю. Пот катится с Левушки градом, каждый шаг дается ему с трудом. В какой-то момент он замечает, что за Игорем тянется алая влажная полоса — полоса настоящей, а не бутафорской крови!.. — и это повергает его в ужас.

— Игорек! — жалобно просит Левушка.— Потерпи, дорогой!.. Ты слышишь меня?.. Потерпи, не умирай!..

*

Он еще продолжает тянуть Гордынского по пустому тоннелю, хотя уже чувствует, как деревенеют кисти рук и нарастает боль в лопатке. Он знает, что скоро боль станет невыносимой и руки разомкнутся сами собой — тогда их могут не хватиться до утра...

— Братцы! — Левушке кажется, что он кричит во всю силу легких, а между тем из горла вырывается только сиплый клеткот.— Он же умрет!.. Помогите, братцы!..

*

...Их так и находят, полусидящими в обнимку у каменной стены. Левушка бережно прижимает к груди голову Гордынского. Кто-то щупает им пульс... Кто-то заглядывает под веки... Кто-то поднимает их на руки и несет по коридору...

*

...В репетиционном зале актеры хлопочут вокруг забинтованного, как кокон, Гордынского. Кризис миновал, страхи остались позади, но Игорь продолжает оставаться безусловным героем дня. Левушке тоже перепало несколько комплиментов, но поскольку он в сравнении с Игорьком выглядит менее эффектно —

всего лишь крохотный пластырь на щеке — то ему поневоле приходится отойти на второй план.

— Я сам виноват! — Игорь уже в десятый раз с удовольствием анализирует ситуацию.— Надо было сразу же вырубить первого. Он был поздоровей. А я стал демонстрировать класс, показывать приемы...

— Помолчи, балаболка! — с плохо скрытой симпатией крикивает Федяева. Видимо, Гордынскому опять удалось на какое-то время завоевать это суровое сердце.— Тебя не тошнит?.. Если не тошнит — значит, все в порядке. Сотрясения мозга нет.

— Да-а, Кондратьич,— осуждающе говорит Тюрин.— Плохой из тебя Кулибин! Сигнализация, сигнализация!.. А она не фурычит!..

— Почему не фурычит? — обижается Кондратьич.— Схема работает отлично. Только контакт иногда барахлит... Техника — упрямая вещь!..

— Они пошли в атаку! — Борины глаза полыхают мрачным огнем.— Значит, наша угроза не принята всерьез. Предлагаю с сегодняшнего дня всем ночевать в репетиционном зале. Сюда же надо перенести канистры с бензином!

— Боря, вы так страшно говорите! — зябко хихикает Ниночка.— Как будто и вправду собираетесь облить себя бензином и поджечь!

— А вы, Нина,— тихо говорит Левушка,— все это время полагали, что мы шутим? В таком случае вы ошиблись, и вам еще не поздно уйти...

*

...Сима распахивает дверь в свою гримуборную и останавливается на пороге. Аллочка бьется в истерику, Ниночка успокаивает рыдающую подругу.

— Вы чего, телки? — озадаченно спрашивает Сима.— Дома какое несчастье?.. Или это у вас с голодухи?

— Не хочу! — заходится от рыданий Аллочка.— Не хочу больше играть в народовольцев!.. Не хочу голодать! Не хочу обливаться бензином!

— А-а! — нехорошо улыбается Сима.— Вот оно что!.. Решила мазать лыжи?.. Ну так катитесь! Только тихо, без деклараций...

— Вы на нее не сердитесь, Серафима Михайловна,— просит Ниночка.— Просто так совпало... У Аллы сегодня день рождения...

— Во кретинка! — всплескивает руками Серафима.— Тогда

тем более чего реветь! Веселиться надо! В твоём возрасте это ещё праздник.

— А с чего мне веселиться? — Аллочка продолжает всхлипывать. — В этот день Толик всегда водил меня в «Арагви». Абхазские розы покупал. Вот когда было весело...

— Ну, насчет «Арагви» — это вряд ли, — задумчиво говорит Сима. — И розы тоже... А день рождения мы тебе сотворим. И не хуже, чем твой Толик...

*

— Коля! — Левушка умоляющими глазами смотрит на монтировщика декораций Колю Малинина. — Если не ты, то никто. На тебя вся надежда. Нужны цветы. Желательно розы. Это дело чести. Рискнешь?

— Да я — пожалуйста! — неуверенно говорит Коля. — Но ведь там же оцепление... Кто же меня пропустит обратно?.. А незаметно, я думаю, не проскочишь!..

— Проскочишь! — настаивает Левушка. — Со стороны столярного цеха здание не просматривается, там крыши. Потом — ты не артист, тебя никто не знает, в крайнем случае мы потребуем, чтобы тебя пропустили!

*

...Гремит бравурная музыка. Стремительно раздвигается занавес. Из глубины сцены на зрительный зал идут Аллочка и Андрей Иванович. Она — в крохотной изящной короне и в длинном сверкающем платье. Он — в смокинге, в цилиндре и в белых перчатках.

— Господа! — торжественно произносит Андрей Иванович. — Сегодня нашей несравненной Алле Васильевне шарахнуло целых двадцать пять! Вы скажете, столько не живут. Да, действительно, возраст преклонный. Но наша славная развалюха не сдаётся, отчаянно цепляется за жизнь, молодится изо всех сил, что и позволяет ей выглядеть аж на восемнадцать!.. Поздравим же нашу ветераншу с круглой датой и пожелаем ей новых сценических, а возможно — чем черт не шутит! — и женских побед!.. Никакой день рождения не обходится без подарков, поэтому убедительно прошу вас, оторвите от себя последнее и поделитесь им с той, которая никогда не жалела для вас своего искрометного таланта! Кто что может, господа, кто сколько может!..

Музыка усиливается, актеры пестрой вереницей тянутся на

сцену, перед Аллочкой растет гора подарков. Каждый подарок Андрей Иванович оценивает отдельно.

— Игорь Гордынский! — возвещает Андрей Иванович. — Не найдя в своем имуществе ничего более существенного, чем он сам, Игорь дарит юбилярше номер телефона своего общежития и право звонить ему в любое время суток!

— Вообще-то я замужем, — кокетливо улыбается юбилярша.

— Но бывают минуты острой тоски!.. — разводит руками забинтованный Гордынский.

— Супруги Тюрины! — продолжает Андрей Иванович. — Что несут на алтарь супруги Тюрины? Книга «Золотой теленок». Супруги уверяют, что из всего золота, которое они накопили за свою жизнь, эта вещь — самая дорогая... Посмотрим цену... Да, действительно: один рубль шестьдесят копеек!

Вслед за супругами Тюриными на сцене появляется степенный Дрюля со своим неизменным патефоном.

— Андрей Мартьянов! — объявляет Андрей Иванович. — Или попросту Дрюля! В отличие от всех предыдущих подарков — это уже не просто подарок, а самый настоящий подвиг!.. Ибо представить себе Дрюлю без патефона так же невозможно, как Льва Толстого без бороды.

Андрей Иванович продолжает вдохновенно сочинять все новые репризы. Один за другим поднимаются на сцену актеры... Счастливая раскрасневшаяся Аллочка принимает бесконечные подарки...

— А теперь главный подарок нашего вечера! — в голосе Андрея Ивановича появляется зычное тремоло. Таким голосом цирковые шпехшталмейстеры объявляют смертельные номера. — Слабонервных прошу держаться за стулья!.. Шоколадный торт!

Новый всплеск музыки — и на сцену выносят торт. Помпезное архитектурное сооружение, отдаленно напоминающее Дом дружбы на Калининском проспекте... Мавританские башни, розочки, виньетки... Комбинация невообразимых фитюлек... Колблющиеся язычки свечей... Левушка преподносит имениннице огромный букет роз... С треском взрываются елочные хлопушки...

— Господа! Только без жлобства! — предупреждает Андрей Иванович. — Ввиду голодовки торт сделан из папье-маше! Поэтому поступим, как в советском кино — сделаем вид, что поели, и вытрем губы салфеткой!

— Дорогие мои! — говорит Аллочка, и гомон стихает. — Вы даже не представляете, что вы все для меня значите! Я и раньше знала, что моя жизнь без вас была бы неполной, но сегодня я поняла, что если я потеряю вас, то жизнь моя потеряет смысл!

— Не плачь! — кричит Левушка. — А то мы сейчас слабые — пойдет цепная реакция... Давайте танцевать! Кавалеры приглашают дам, а я приглашаю именинницу! Володя, вальс!

На сцену обрушивается вальс. Левушка подхватывает Аллочку, Андрей Иванович — Эллу Эрнестовну, Гордынский — Гвоздилову... На сцене появляется все больше и больше танцующих пар... Тюрин церемонно приглашает жену... Боря вовлекает в круг танцующих Татьяну... Дрюля тянет за руку упирающуюся Федяеву... Вальс, вальс! В какой-то момент Татьяна начинает с тревогой наблюдать за Левушкой. Тот беззаботно кружится с Аллочкой, рассказывает что-то смешное, хохочет, но по его посеревшему лицу Татьяна понимает, что с ним происходит неладное... Она склоняется к Бориному уху, шепчет ему что-то, тот понимает с полуслова, очередной выраз — Боря элегантно оттирает Левушку и кладет Аллочкину руку себе на плечо...

*

— Это глупо! — за кулисами Татьяна отчитывает запыхавшегося Левушку. — Хорохоришься, как петушок! А у тебя больное сердце!.. Выпей таблетку интенокардина, слышишь?..

— Никаких таблеток! — вытирая платком влажный лоб, отмахивается Левушка. — Если я проглочу таблетку — это будет уже не голодовка!.. И вообще я прекрасно себя чувствую!..

*

...В директорском кабинете, как всегда, полно народу. Пожалуй, даже больше, чем всегда, потому что для личных звонков отведен только один телефон, и, естественно, к нему тут же выстроилась очередь. Три остальных телефона курирует дежурный — надо следить, чтобы их никто не занял, а заодно не проворонить звонок «сверху».

— Ну что? — влетает в кабинет Левушка. — Ни ответа, ни привета? Это плохо!.. Так они действительно заморят нас до смерти! Видимо, проверяют на вшивость...

Звонит один из трех незанятых телефонов. Боря кидается к столу, безошибочно определяет нужный телефон и тут же намертво прилипает к трубке.

— Алло!.. Кто-кто?.. Какой Попов?.. Ой, извините, я вас не узнал!.. Это Боря Синюхаев! Здрасьте, Сергей Сергееч!.. Да пока ничего, живы-здоровы...

Левушка расплывается в радостной улыбке — видимо, человек, назвавший себя Поповым, ему чрезвычайно симпатичен. Он

делает Боре нетерпеливые пассы, чтобы тот передал ему трубку, и в конце концов, не выдержав, отнимает ее силой.

— Сергей Сергеич? — возбужденно кричит в трубку Левушка.— Здрасьте, Лева Бусыгин!.. Спасибо, что позвонили, а то мы тут задыхаемся без новостей!.. Приедете? Прекрасно!.. Будем ждать!..

— Я думал, кто из начальства,— разочарованно бухтит сквозь бинты Гордынский.— А Попов нам не помощник! Чего доброго, еще начнет призывать нас капитулировать!..

— Сергей Сергеич? — вскидывается Лева.— Да ты спятил! Левак, прогрессист, друг шефа!.. Я уже не говорю о том, что писатель классный! Его самого гробили — будь здоров!

*

— Да, обстановка тут у вас!.. — Сергей Сергеевич обводит взглядом репетиционный зал.— Желябов помер бы от зависти! Газеты, пакля, бензин... Самим-то не смешно? Уж на что я пожил на белом свете, а диссидентствующих артистов вижу впервые! Писатели — да, ученые — да, инженеры — куда ни шло, но артисты? Боюсь предстать перед вами консерватором, но по моему, дело артиста — играть на сцене, в кино, а не в политику! Ну, ладно, что сделано, то сделано... Давайте думать, как отмываться! Сами понимаете, одними только извинениями вам теперь уже не отделаться!

— А мы не собираемся ни перед кем извиняться! — отчеканивает Левушка.— Извиняться должно правительство. Мы выдвинули требования и ждем, когда они будут выполнены!

— Ой, как страшно! — смеется Сергей Сергеевич.— Ребята, вы клинические идиоты! Решили напугать державу? Ее и не такие пугали. Вы ведь, поди, представляете себя такими героями Брестской крепости? И полагаете, что вся страна не спит, наблюдая за вашей доблестью?.. В таком случае, я вас разочарую, стране на вас глубоко наплевать!.. Ну, есть, конечно, заинтересованные люди, которым приказано вас пострашать... Но ведь и они в этой игре пешки, от них ничего не зависит!.. Ну, подставьте вы Юрия Михайловича, ну, снимут его с работы, а завтра придет другой. Ну, свалите вы этого другого, а послезавтра придет третий!.. А до правительства вам — как до звезд, правительство эта мышиная возня не интересует, да и вряд ли оно вообще о вас слышало...

— Услышит! — уверенно говорит Федяева.— Есть еще и такое понятие, как общественное мнение! Мы рассчитываем на поддержку общественности.

— Общественное мнение? У нас? — Сергей Сергеевич пожал плечами.— Ну, понятно, что толпа, которая бьет вам стекла

и выкрикивает ругательства — это никакая не общественность, а хорошо организованная массовка. Но вот беда! — прогрессивной демонстрации, призывающей поддержать вашу акцию, я на улицах что-то не заметил. А знаете, почему?.. Да потому, что все нормальные люди над вами смеются! Во всякой борьбе есть свои правила, и эти правила надо соблюдать. А если кучка экзальтированных шутов выдвигает заведомо невыполнимые требования и пытается шантажировать правительство — это может вызвать у интеллигенции только снисходительную улыбку! Ну, переубедите меня! Докажите мне, что вы серьезные, взрослые, политически зрелые люди!.. Сформулируйте мне вашу идею! Объясните конкретно, чего вы добиваетесь!

— У нас несколько требований,— спокойно отвечает Боря.— Почти все они касаются защиты нашей чести и достоинства. Но главное, на чем мы настаиваем, это — возвращение Рябинину советского гражданства!

— Вот-вот! — с усмешкой кивает Сергей Сергеевич.— А вы уверены, что он сам этого хочет? А что если он специально давал все эти скандальные интервью, чтобы иметь возможность остаться на Западе? Вы скажете, что он мог там остаться и без скандала? Верно, мог! Но без скандала он там никому не нужен. Чтобы Запад проявил к тебе интерес, ты должен иметь ореол мученика, изгнанника, борца за права человека! Неужели вам никогда не приходила в головы такая элементарная догадка?

— Как вам не стыдно! — едва сдерживая ярость, говорит Сима.— Вы же ближайший друг Георгия Петровича! Почему вам так не терпится сделать из него подлеца?

— Ну, вот и я попал в реакционеры,— разводит руками Сергей Сергеевич.— Разумеется, я не знаю истинных намерений Георгия Петровича. Я только пытаюсь мыслить логически. Рябинин, что называется, тертый калач и, в отличие от вас, превосходно знает правила игры. Давая все эти интервью в печать, он не мог не понимать, чем это для него кончится!.. А это значит, что он шел на лишение гражданства сознательно! Ну вот скажите, звонил ли он вам хоть раз из Лондона? Объяснял ли свои поступки? Беспokoился ли, как вы тут без него?.. Нет? Нет!.. Так какого же черта вы портите себе жизнь в угоду его биографии? Во имя какой идеи вы, нищие советские комедианты, разыгрываете из себя матерых диссидентов? Впрочем, воля ваша, поступайте, как знаете, я искренне хотел вам помочь...

— Спасибо,— проникновенно отвечает Гвоздилова.— Вы действительно сделали все, что могли. И не ваша вина, что мы оказались такими идиотами.

Наступает неловкая пауза. Никто не предлагает Сергею Сергеевичу уйти, но он чувствует, что от него ждут именно этого.

Пауза затягивается. И тогда Сима, точно показывая, что разговор исчерпан, затягивает тоненьким голоском:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Ее поддерживает еще несколько голосов. Поют по-семейному, тихо, нестройно и жалостно. Будто это не гордая мужественная песня, а саратовские страдания. Сергей Сергеевич некоторое время зачарованно слушает песню, словно пытаюсь вникнуть в ее смысл, а затем резко поднимается со стула и, не прощаясь ни с кем, выходит из репетиционного зала. Вслед за ним выскакивает Левушка...

...Сергей Сергеевич стремительно удаляется по коридору. Левушка едва поспекает за ним.

— Сергей Сергеевич! — задыхаясь, говорит Левушка. — Извините, если мы вас обидели... Вы же знаете, артисты, как дети... Ну, брякнули по простоте душевной...

— А вы что действительно голодаете? — Сергей Сергеевич внезапно останавливается. — По-настоящему?.. То есть, все это время вы ничего не ели?..

— Конечно, ничего! — удивляется Левушка. — А как же иначе? Если бы мы голодали не по-настоящему — мы перестали бы себя уважать.

— Господи, какие идиоты! — ужасается Сергей Сергеевич. — И я еще взывал к их разуму!.. Да, до сегодняшнего дня я был о вас лучшего мнения.

— Неправда! — тихо говорит Левушка. — Вы всегда были о нас худшего мнения. А мы оказались лучше. Это-то вас и раздражает. Разве не так?

Прощаются они молча и, не подавая друг другу руки, — просто обмениваются кивками. Сергей Сергеевич долго смотрит, как Левушка уходит по бесконечному тоннелю.

— Дураки! — вдруг с неожиданной яростью кричит Сергей Сергеевич. — Чтобы стать Христом, надо иметь идею! А у вас ее нет и не может быть! И не прикидывайтесь детьми! Вы — злобные, коварные, хитрые, подлые и тупые существа! Нет, вы не дети! Вы — сукины дети!

Левушка останавливается посередине тоннеля и поворачивается к Сергею Сергеевичу. Кажется, сейчас он ответит оскорблением на оскорбление, наговорит кучу яростных и запальчивых слов, сорвется на крик. Но вместо этого Левушка набирает воздуха в легкие и вдруг заводит звонким, как струна, голосом:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает...

Тут он по-дирижерски взмахивает руками, и по его яростному взмаху оглушительно вступает мощный невидимый хор:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!..

Сергей Сергеевич ищет по карманам платок, чтобы промокнуть внезапно вспотевший лоб, а когда вновь поднимает глаза, Левушки в тоннеле уже нет.

А хор, набирая яростную силу, продолжает катиться по гулким, пустым коридорам:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!..

*

...Ночь. Репетиционный зал. Артисты спят тут, не раздеваясь: кто на полу, кто на пандусе, кто на сдвинутых столах. Впрочем, судя по приглушенным разговорам, возникающим в разных концах помещения, спят далеко не все...

*

— Толика жалко! — всхлипывает Аллочка. — Случись со мной что-нибудь, он просто погибнет! Ты же знаешь, какой он ни к чему не приспособленный!

— Ах, оставь! — машет рукой Ниночка. — Чего это он неприспособленный? Сам готовит, сам стирает, сам полки делает... Уж кто другой, а твой Толик не пропадет!

— Девочки, а давайте я сказку расскажу, — предлагает Игорь. — Жил в одном королевстве свирепый дракон. Каждое утро ему на завтрак приводили красивую девушку...

— Опять он о еде! — возмущается Ниночка. — Ты что нарочно что ли?.. У меня и так живот к позвоночнику прилип!

— Что же я могу поделаться? — вздыхает Игорь. — На том стоит весь мировой фольклор. Раз — и слопал Красную Шапочку!

— Игорь! — тихо спрашивает Аллочка. — Как ты думаешь, что с нами будет?.. Неужели нам позволят вот так умереть? Господи, уж лучше бы нас всех арестовали!

*

...— Лен, ты спишь? — Сима в темноте подползает к прикорнувшей в углу Гвоздиловой. — Я хочу сказать тебе... В общем, ты прости меня... Ну, ты понимаешь, за что... Я была дура!

— Я не сержусь, Сима! — как всегда, ровно отвечает Гвоздилова. — Я сама актриса и хорошо знаю, что такое артисты. Им надо все время с кем-то бороться. Это оттого, что их унижают...

— Вот, возьми! — Сима протягивает Гвоздиловой сверток. — Это твое. Ну, трусики... Я спрятала их тогда в душевой... Обозлилась на тебя... А теперь вижу — ты... Возьми, а?

— Вы так торжественно их преподнесите, — смеется Гвоздилова. — Как переходящее знамя. Так и хочется горячо поблагодарить вас за оказанное доверие!

*

— ...А в Пицунду мы можем поехать осенью! — говорит Татьяна. — Путевки будут, мне обещали.

Татьяна видит, как лицо Левушки покрывается бисером пота.

— Что, что, Левушка? Опять сердце?..

— Ерунда! — морщится Левушка. — Обыкновенный спазм! Это от перемены погоды... Ничего, сейчас отпустит!

— Левушка, я боюсь! — Татьяна прикладывает ухо к Левушкиной груди. — Бухает, как молоток! Очень болит, да? Давай вызовем врача?

— И думать забудь! — отстраняется Левушка. — Только врачей здесь не хватало!.. Накормят тебя через трубочку — и кончилась твоя голодовка!

— Да пошла она к черту, эта голодовка! — плачет Татьяна. — У тебя больное сердце! Тебе нужен режим! И ребята вон еле ходят... Давай вызовем!..

— Не смей! — сипит Левушка. — Ты сделаешь мне только хуже!.. Меня уже отпустило! Правда, отпустило!

Левушка умиротворенно улыбается, чмокает Татьяну в губы и демонстративно поворачивается на правый бок. Татьяна еще какое-то время с тревогой смотрит ему в лицо и успокаивается только тогда, когда слышит ровное и размеренное сопение.

*

...И снова по театральным проходам несется взмыленная группа начальников. Юрий Михайлович, Анна Кузьминична, трое из райкома и сопровождающие их молодые люди с короткими спортивными прическами и в костюмчиках чехословацкого производства.

...Актеры молча выстроились на сцене... Ни звука, ни движения. Глядя на эту безмолвную толпу, можно предположить, что визит в высоких гостей не производит на них никакого впечатления. В глазах актеров — ни страха, ни ожидания, ни любопытства.

На этом фоне Юрий Михайлович, и без того изрядно подрастерявший большую часть своего сановного достоинства, выглядит жалким и униженным просителем.

— Товарищи! — произносит Юрий Михайлович, и на лице его брезжит извиняющаяся улыбка. — Вышестоящие инстанции ознакомились с вашими требованиями и сочли возможным их удовлетворить. Приказ об увольнении актеров аннулирован. Спектакли Рябинина сохраняются в репертуаре. Фамилия его соответственно остается в афише... Что же касается возвращения Рябинину гражданства... тут вопрос более сложный... необходимо выяснить мнение самого Рябинина... с ним будут вестись переговоры...

Юрий Михайлович спотыкается на полуслове. Он ждал любой реакции — смеха, ропота, но только не этой странной аморфной тишины. Не обрадовались, не разозлились. Стоят и молчат.

И Юрий Михайлович, пугаясь этого равнодушного безмолвия, начинает торопливо начинать паузу словами:

— Поверьте, товарищи... Делается все возможное... К сожалению, вопрос о возвращении гражданства находится не в компетенции министерства культуры... Но компетентные органы прилагают все усилия...

И снова глухой ухаб тишины. Никто не двигается, никто не произносит ни слова. И Юрий Михайлович, окончательно теряя остатки респектабельности, продолжает барахтаться в этой тишине, с ужасом чувствуя, что увязает в ней все глубже...

— Я уверен, товарищи, что вопрос решится положительно... Просто следует запастись терпением... Нельзя форсировать события... Товарищи, почему вы молчите?.. Скажите хоть что-нибудь!..

И опять — ни звука в ответ... Хотя бы один вздохнул, зевнул или переступил с ноги на ногу!..

Тишина становится для визитеров невыносимой, превращается в настающую пытку. Непостижимые типы эти артисты. Стоят и смотрят. И по их глазам не понять, слышат ли они, что им говорят...

— Да люди вы или нет? — неожиданно кричит Анна

Кузьминична. И на глазах у нее закипают слезы.— Что вы еще от нас хотите? Хватит нас мучить! Если вам не жаль самих себя, то пожалейте хотя бы Юрия Михайловича!.. У него предынфарктное состояние!

— Не надо кричать,— негромко говорит Боря.— Спасибо за информацию. Мы все поняли. К сожалению, ваш визит запоздал. Голодовка была бы прекращена и без вашего прихода.

Толпа актеров расступается, открывая глубину сцены, и у Юрия Михайловича обрывается сердце: там, на сцене, привязанный веревками к деревянным носилкам, торжественный и неподвижный, лежит Левушка.

На секунду в мозгу Юрия Михайловича вспыхивает слабая искра надежды — не очередной ли розыгрыш? — но тут же гаснет, не успев оформиться в сколько-нибудь внятную мысль. Нет, никакой это не розыгрыш. У смерти свое особое выражение лица. Его видно сразу. Оно проступает сквозь любой грим.

— Простите,— говорит Боря, обращаясь в зал.— Но мы хотели бы остаться одни. Нам надо проститься с нашим товарищем. Не волнуйтесь, никаких эксцессов не будет. Через несколько минут мы покинем это помещение...

*

...Актеры тщательно и подробно готовятся к своему выходу на публику. Натягивают на себя хламиды. Накладывают грим. Подводят глаза. И вот уже исчезают желтизна кожи, заострившиеся носы и впалые щеки. Словом, кто угодно, только не те, которых наблюдали еще минуту назад.

*

...Впервые за это время мы выбираемся из глубоких, душных и полутемных театральных помещений на залитую солнцем весеннюю улицу.

Собравшаяся перед театром толпа под приглядом милиции ведет себя довольно спокойно, однако в этой толпе чувствуются притаившиеся до поры грозовые разряды. Внимание собравшихся приковано к обшарпанной неказистой двери служебного входа. Наконец, дверь распахивается — и перед толпой предстает странная похоронная процессия: группа людей с раскрашенными лицами и облаченных в декоративные лохмотья несет на плечах носилки со столь же экстравагантно выглядящим покойником. Должно быть, вот так же средневековая толпа реагировала на появление «ведьм», которых выставляли на площадях, дабы обы-

ватель мог напрямую выразить им свое презрение и свой гнев — она зашевелилась, зароптала, загудела, охваченная общим электричеством гражданского негодования. Над головами взметнулись самодельные плакаты: «Злобствующих антисоветчиков — вон из СССР!», «Сегодня — антисоветизм, завтра — фашизм!», «А сало русское едят!», «Нам стыдно, что вы наши соотечественники!», «Лакеи империализма, убирайтесь из России!».

И вот уже огромная толпа, еле сдерживаемая милицией, постепенно окружает ненавистных «ведьм», берет их в плотное кольцо, опасно подбирается все ближе. Впрочем, как и в любой толпе, люди здесь самые разные: кого-то забавляет этот диковинный спектакль, кто-то движим любопытством узнать, чем все закончится, а кто-то исполнен решимости принять личное участие в «охоте».

Внезапно в похоронную процессию летит камень, и kloчущая скрытой энергией толпа, будто только и дожидалась этого сигнала, начинает забрасывать «ведьм» камнями. Один из камней рассекает Аллочкину щеку, сквозь толстый слой белого грима проступает яркая багровая полоса, и ее рваные края набухают кровью.

— Алла! — надрывно кричит из толпы Толик.

Аллочка в оцепенении оборачивается к толпе, скользит взглядом по лицам, кажется, не вполне понимает, что происходит...

И вдруг на миг Боре чудится, что из толпы раздалось негромкое и нестройное скандирование:

— Мо-лод-цы! Мо-лод-цы...

Он резко поворачивает голову, стараясь выискать взглядом тех, кто скандирует. Неужели показалось?..

Удерживаемая двумя молоденькими милиционерами, колотится мать Левушки. Глаза ее расширены от ужаса, она беспрерывно что-то говорит, но в общем шуме ее невозможно расслышать...

Продвигается вперед федяевский Шурик. Он показывает на мать, что-то объясняет милиционеру. Тот, не слушая, заталкивает его обратно в толпу.

— Товарищи! — зовет Юрий Михайлович. — Опомнитесь!.. Достигнута договоренность!.. Не сходите с ума! Там мертвый человек! Оставьте их в покое! Это же варварство, товарищи!..

Похоронная процессия какое-то время топчется на месте, пытается найти безопасный проход. Милиция тщетно пытается разорвать кольцо обезумевшей толпы. Слезы, стоны, проклятия, камни, свист...

И тогда Боря Синюхаев выхватывает у милиционеров мегафон и прикладывает его ко рту.

— Товарищи!..— голос его, усиленный рупором, заставляет толпу притихнуть.— Товарищи! Минувшей ночью умер замечательный артист Лев Бусыгин!.. Всю свою жизнь он служил искусству, правде, добру!.. Он отыграл свою последнюю роль и уходит от нас навсегда!.. Проводим же его так, как надлежит провожать артистов!..

И Боря первым начинает аплодировать. Его поддерживают не сразу. Оторопевшая толпа не в состоянии мгновенно переварить услышанное. Кто-то снимает с головы кепку, кто-то смущенно прячет агрессивный транспарант, кто-то лезет в карман за носовым платком... То здесь, то там раздаются неуверенные аплодисменты, и вот уже вся огромная площадь, словно устыдившись своего недавнего поведения, аплодирует мертвому Левушке...

...И тут происходит невероятное. Из-под чуть дрогнувшей ресницы покойника выползает здоровенная слеза и, словно стесняясь своих размеров, быстро скатывается по щеке, оставляя за собой живую влажную бороздку. Первой реагирует на это Татьяна, ни на секунду не отрывавшая взгляда от Левушкиного лица. Она беспомощно оглядывается на коллег, ища в их глазах подтверждения происходящему. Затаив дыхание, все напряженно глядят на Левушку. Секунда, другая... И покойник, точно почувствовав, что от него ждут проявлений жизни, коротко шмыгает носом.

— Живой! — ахает Татьяна.— Солнышко мое единственное, счастье мое ненаглядное, Левушка мой любимый, живой!

— Врача! — волнуется Аллочка.— Надо срочно вызвать врача! Кто-нибудь умеет делать искусственное дыхание?..

— Какое, к черту, дыхание? — одергивает ее Тюрин.— Он и так дышит, как паровоз! Сейчас главное его не спугнуть!..

— Фантастика! — восхищается Сима.— Скажи, Лен! Это что же у него было? Летаргический сон, что ли?..

— Хохмачи! — шипит Юрий Михайлович.— Сволочи, подожди! Вы еще ответите в горьком за ваши шутки!..

— Какие шутки? — удивляется Гордынский.— Разве с такими вещами шутят?.. Просто жизнь пошла немножко не по Марксу...

Внезапно Левушка открывает глаза и садится на носилки. Толпа в очередной раз замирает.

— Товарищи! — срывающимся голосом говорит Левушка.— Я вот сейчас лежал и думал: почему все самое лучшее приходит к человеку после смерти? Слава, уважение, любовь?.. Раньше мне казалось, что мы живем в мире ненависти... А теперь понимаю, что это неправда... Любви в мире гораздо, гораздо больше... И когда в каком-то месте ее скапливается особенно много,— там могут произойти любые чудеса...

Левушка взмахивает рукой, словно желая добавить еще что-то, но внезапно лицо его сморщивается, и он плачет, размазывая по щекам счастливые слезы.

Находчивый Дрюля быстро ставит патефонный рычажок на пластинку, и над очарованной площадью возникает сладкий итальянский тенор, исполняющий Верди...

Звучит итальянская ария. Скандирует улыбающаяся толпа. И актеры, ничего уже не соображающие от пережитого ужаса и смертельной усталости, но послушные вечному и неистребимому актерскому инстинкту, мгновенно натягивают на лица профессиональные улыбки и кланяются, кланяются, кланяются, поворачиваясь во все стороны и жмурясь от солнца, падают и поднимаются, и поддерживают друг друга за локти, и снова кланяются, скорее даже не понимая, а чувствуя, что наконец-то кончился этот бесконечный спектакль, и, судя по аплодисментам, прошел он вполне прилично...

Вглядимся же напоследок в эти странные, размалеванные, эксцентрические лица. Левушка. Татьяна. Борис. Андрей Иванович. Элла Эрнестовна. Сима. Гвоздилова. Гордынский. Федяева. Аллочка. Ниночка. Супруги Тюрины. Дрюля. Артисты. Нелюди. Сукины дети.

К о н е ц

СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ

Трагикомическая фантазия

...Толик шел бесконечными лестницами и коридорами, которым казалось никогда не будет конца. Точнее его вели. Не под конвоем, разумеется,— сопровождающий был в штатском,— но все равно вели, и это повергало Толика в состояние тоскливой протрации.

Изнутри «грозная» контора выглядела довольно безобидно и вполне могла бы сойти за какое-нибудь министерство или главк, если бы не этот безмолвный сопровождающий с индифферентным лицом и не эти металлические сетки в лестничных пролетах...

*

...Доброжелательный следователь вот уже час водил отупевшего Толика по кругу одних и тех же вопросов, от которых свербило в желудке и раскалывалась голова...

— Скажите, а кому принадлежит идея выпустить самиздатовский журнал «За проволокой»?..

— Вы обещали задавать такие вопросы, на которые я мог бы ответить односложно — «да» или «нет»!..

— Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Инициатором этого издания был Евпатий Воронцов?

— Не знаю...

— Глупо. Вы не можете не знать. Вы же были одним из авторов журнала. Итак, Евпатий Воронцов?..

— Ну, допустим...

— Такой ответ может иметь широкое толкование. Давайте конкретнее. Да или нет?..

— Ну, да...

— Значит, Евпатий Воронцов. А кто еще входил в состав редколлегии?..

— Я же предупредил, развернутых показаний я давать не буду!..

— Вы ведь, кажется, отказник?.. Три года пытаетесь выехать за рубеж на постоянное место жительства?..

- Ну и что?..
- Ничего. Просто личное любопытство. Итак, вы не желаете назвать имена членов редколлегии?..
- Не желаю!..
- Тогда я сам назову. А вы только засвидетельствуете — ошибаюсь я или нет. Аглая Воронцова?..
- Н-нет...
- Подумайте как следует. Ложные показания могут обернуться против вас. Я же веду протокол. Итак, Аглая Воронцова?..
- Ну, предположим...
- Ваши предположения меня не интересуют. Мне нужен исчерпывающий ответ. Принимала ли Аглая Воронцова участие в создании журнала?..
- Ну, да...
- Игорь Федоренко?..
- Да...
- Лариса Федоренко?..
- Да...

Расплылось и исчезло лицо следователя... Обмякла и обесформилась комната... Стушевался заоконный пейзаж... Толик снова шел бесконечными коридорами в сопровождении анонимного паренька с незапоминающимся лицом. Он не слышал хлопанья дверей, треска пишущих машинок, не слышал даже стука собственных каблуков. Все шумы исчезли. В гулких коридорах метался только его собственный голос, искаженный до неузнаваемости, точно записанный на магнитофонную пленку и размноженный тысячью динамиков: «Да...Да...Да...Да...Да...»

Титр:

«СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ»

...Толик влетел в квартиру встревоженный и расхристанный; воротник плаща заправлен внутрь, конец шарфа волочится по полу... Из кухни выглянули две пожилые соседки — Эмма Григорьевна и Зинаида Михайловна. Молодая соседка Нина, разговаривавшая в коридоре по телефону, вжалась в стену. Не обращая внимания на любопытствующих, Толик стремительно проскочил к себе в комнату...

Тетя Вера, конечно же, была дома. Толик знал, как она провела эти шесть мучительных часов в ожидании его возвращения — бесцельно слонялась из угла в угол и смолила одну папиросу за другой: в огромной пепельнице топорицилась целая гора окурков...

— Теть Вер!..— Толик беспорядочно метался по комнате, по несколько раз заглядывая в одни и те же места.— Где у нас чемодан?.. Ну, этот здоровый, рыжий?.. Мне нужно срочно вывезти все мои бумаги!..

Чемодан обнаружился на гардеробе. Толик стащил его вниз, вывалил прямо на пол все его тряпичные внутренности и стал сгружать в чемодан рукописи и перепечатки, грудями валявшиеся на письменном столе.

— Толик! — не выдержала тетя Вера.— Может, все-таки расскажешь, что там было?.. Я же весь день на валокордине!.. С тобой беседовали?..

— Беседовали, беседовали...— Толик продолжал лихорадочно заполнять чемодан бумагами.— Некогда рассказывать!.. Каждую минуту могут приехать с обыском!..

— Что за чушь? — сейчас тетя Вера являла собой образец рассудительности и спокойствия.— Сначала вызывать на допрос, а потом устраивать обыск?.. Обычно бывает наоборот!..

— Ну откуда тебе знать, как обычно бывает?..— Толик раздражался все больше — переполненный чемодан не желал застегиваться.— Как будто ты полжизни провела в подполье!.. Твоя девичья фамилия не Засулич?..

— Я руководствуюсь элементарной логикой! — с достоинством ответила тетя Вера.— Если бы они хотели застать тебя врасплох, они бы тебя никуда не вызывали!..

Наконец чемодан защелкнулся. Толик пристально посмотрел на него и вдруг кинулся к окну. Двор был пуст. Только на площадке, покрытой жухлой травой, древний старичок выгуливал пуделя...

— Ч-черт! — хрипло выдохнул Толик.— А если за мной слежка?.. Они же сапают меня у подъезда!.. Нет, это надо спрятать где-то в доме...

— На чердаке! — твердо сказала тетя Вера.— Там, говорят, сыро и грязно. И воняет дерьмом. Нужно быть очень большим романтиком своей профессии, чтобы проводить обыск на нашем чердаке!..

В дверь аккуратно постучали, в комнату заглянула Эмма Григорьевна.

— Толечка! — Эмма Григорьевна смотрела на Толика преданными глазами.— Иван Васильевич просится в туалет. Вы не могли бы его проводить?.. Коля сегодня в дневную, так что вы у нас единственный мужчина...

*

...За долгие годы, прожитые в этой коммуналке, Толик отлично усвоил, что означает «проводить Ивана Васильевича в ту-

алет». Это значило — взвалить грузного старика на себя и переть его до самого унитаза — у мужа Эммы Григорьевны вот уже несколько лет были парализованы ноги...

— Держите меня за шею, Иван Васильевич!.. — Толик растегнул на старике ремень, спустил с него брюки и наконец водрузил его на унитаз. — Так, главное дело мы сделали... Ну, а нюансы — это уж вы сами...

Выполнив эту милосердную, но малоприятную процедуру, Толик прикрыл за Иваном Васильевичем дверь и повернулся к Эмме Григорьевне.

— Эмма Григорьевна!.. Пять минут Иван Васильевич поразвлекает себя сам, а я на это время отлучусь, если позволите...

— Толечка, но вы уж обязательно... — заныла Эмма Григорьевна. — Сама-то я его не дотащу... Так что уж, пожалуйста...

— Не волнуйтесь, Эмма Григорьевна! — успокоил ее Толик. — Одна нога там, другая — здесь. Поспею как раз к самому финалу!..

*

Поднять чемодан на чердак вручную оказалось не таким уж простым делом. Промучившись минут пять, обозленный и раскрасневшийся Толик вспомнил наконец о веревке. Все-таки тетя Вера дает иногда вполне здравые советы...

На чердаке было сыро и неуютно... Под ногами хлюпало. В затхлом мраке что-то ворочалось и сопело... Кошки?.. Откуда здесь кошки?.. Тогда, может быть, привидения?.. Толик вздохнул и принялся за работу.

Он уже успел поднять чемодан примерно до середины чердачной лесенки, когда внизу, на площадке, негромко шелкнул дверной замок. Чемодан грузно шлепнулся на пол, Толик мгновенно подобрал веревку.

На лестничной площадке целовались двое. В паузах мужчина, басовитый, как шмель, гудел что-то нежное на ухо своей подруге, та отвечала ему задыхающимся раскаленным шепотом. Из-за полупритворенной двери доносились музыка, хохот, громкие выкрики — шел апофеоз семейного праздника.

Толик сидел на чердаке и молча переживал. Ну, спустились бы на этаж ниже, зачем им под самой дверью-то?.. Наконец то, чего он так опасался, случилось — двое целующихся заметили чемодан...

Через несколько секунд на лестничную площадку вывалилась вся вечеринка. Кто-то позвонил в дверь к соседям напротив. На площадке стало совсем темно. Чемодан валялся в центре толпы,

беспомощный, как раненый кабан, не имеющий сил удрать от глумливых охотников. Разговоры шли в неприятном для Толика направлении...

— А что вы думаете?.. Очень может быть!.. В соседнем подъезде композитора обокрали. Причем среди бела дня!..

— Они сейчас шуруют в открытую!.. Под видом сантехников или электриков!..

— Нет, но зачем они приперли чемодан сюда, на верхний этаж?.. Приперли и бросили?!

— Может, их кто-нибудь спугнул?.. С чемоданом-то удирать несподручно!.. Или хотели спрятать на чердаке?..

Два десятка любопытных физиономий обратились к черному квадрату чердачного люка. Толик беззвучно прынул в темноту. Теперь он не видел говорящих, а только слышал их голоса, но это никак не прибавляло ему спокойствия...

— А может, они на чердаке спрятались?.. Пережидают, пока мы уйдем? Мужчины, вы бы слазили, проверили!..

— Не надо, Сережа!.. Еще чего!.. А вдруг их там человек десять!.. Да еще вооруженные!..

— А может, это и не воры вовсе!.. Может, наоборот чего подкинули?.. Труп какой-нибудь или бомбу!..

— Ты уж скажешь!.. Ну все равно надо позвонить в милицию!.. Люб, отзвони в местное... По 02 не дозвонишься!..

Толику стало дурно. Он на секунду представил себе, что будет, если сюда и впрямь нагрянет милиция. Черт, как ни противно, а придется обнаруживаться!..

— Минуточку, товарищи! — Толик с проворством молодой белки пролетел по всем лестничным перекладинам.— Нет никаких причин для беспокойства!.. Это мой чемодан!.. Я живу на восьмом этаже!.. Шестьдесят четвертая квартира!..

Он попытался улыбнуться широкой и, как ему казалось, самой обезоруживающей из своих улыбок. Улыбка получилась мучительной и фальшивой. Так улыбались иностранные шпионы в отечественных детективах пятидесятых годов, когда их припирала к стенке доблестная советская разведка.

— Понимаете... Затял вот ремонт на даче... Ну, и собрал на чердаке всякий хлам... Пакля, доски, железки... Там ведь у нас чего только нет... И все валяется без пользы... Так что извините, что напугал!..

Толик рывком оторвал от пола свой неподъемный чемодан и, забыв про лифт, стал спускаться по лестнице. Далеко уйти ему не удалось — закон подлости сработал вторично. Шаркнув о стену, чемодан открылся,— и все оставшееся пространство лестницы заполонила шуршащая бумажная лава.

Жильцы молча наблюдали, как по лестничным ступенькам сползали последние запоздалые листки... Никто не пытался комментировать происходящее...

Толик с ненавистью взглянул на собравшихся и принялся запихивать бумаги обратно в чемодан...

*

...Эмма Григорьевна ждала Толика у входа в квартиру. Спешееся личико ее не выразило ни малейшего удивления, когда она увидела Толика почему-то спускающимся сверху, да еще с гигантским чемоданом, но Толик понял, что этот парадокс никак не прошел мимо ее внимания.

Караулит, неприязненно подумал Толик. Господи, ну что за страна такая!.. Ни у кого никакой личной жизни, каждый стремится заполнить свою пустоту жизнью соседа!.. Всем до всех есть дело, и возникает иллюзия единения...

— Толечка, слава Богу!..— заканючила Эмма Григорьевна.— А то я уже начала беспокоиться... Мы же с Иваном Васильевичем без вас, как без рук...

*

И снова Толик тащил на себе Ивана Васильевича — на сей раз из туалета в комнату. Тот обнимал его за шею и вертел головой по сторонам, как избалованный ребенок, привыкший к тому, что с ним обязаны возиться, и не обращающий на опекунов никакого внимания...

— Громадное вам спасибо, Толечка! — суетилась сзади Эмма Григорьевна.— Вы позволите обратиться к вам еще раз, если понадобится?.. А то у Ивана Васильевича понос... Уж и не знаю, чего он такого съел...

— Разумеется, Эмма Григорьевна!..— рассеянно отвечал Толик.— Какие проблемы!.. Всегда к вашим услугам!..

— Мы ведь не сильно обременяем вас, правда?..— Эмме Григорьевне не терпелось узаконить свои претензии на будущее.— В конце концов, вы человек умственного труда. Физические упражнения вам только на пользу!..

— Это правда! — не успев отдышаться, Толик снова вцепился в чемодан.— Я вам даже благодарен. Если бы у Ивана Васильевича не случился понос, мне бы грозила полная атрофия мышц!..

*

— Не получилось!..— Толик впихнул чемодан в комнату и, не снимая плаща, рухнул на кровать.— Там, наверху, какая-то свадьба или проводы... Все выперлись на площадку и стали пялиться на чемодан... В общем, сорвалось!..

— Толик, а может, ничего страшного, а?..— тетя Вера начала очередной сеанс своей наивной психотерапии.— Пусть все идет, как идет... Ну, будет обыск... Насколько я понимаю, в твоих произведениях нет ничего такого... криминального, что ли...

— А откуда тебе это известно? — язвительно поинтересовался Толик.— Ты уже второй месяц мусолишь мой рассказ и все никак не можешь его дочитать!.. А вдруг я новый Радищев?..

— Ну, ты же знаешь...— тетя Вера благородно отошла на оборонительные позиции.— У меня постоянное давление... Я не могу помногу читать... Глаза очень устают...

— А читать по ночам марксистские брошюры,— взвился Толик,— у тебя глаза не устают?.. Хочешь, я тебе скажу, что лежит у тебя под подушкой?.. Сказать?..

— «Антидюринг»...— конфузливо ответила тетя Вера.— Не забывай, что я всю жизнь проработала на кафедре марксизма-ленинизма. Это мой рабочий материал!..

— Но ты понимаешь...— Толик задышался от сарказма.— Ты понимаешь, что человек, читающий по ночам Энгельса, подлежит срочной психиатрической экспертизе?.. Это же аномалия!..

— Толик! — голос тети Веры заметно окреп.— Ты сам всегда говорил, что человек свободен. Почему же тебе хочется, чтобы все думали так, как ты!.. Ты веришь в одно, а я — в другое!..

— Это-то и ужасно!..— закричал Толик.— Мы с тобой антиподы!.. Да какого кошмара мы дожили, если родная тетка — мой политический антипод!..

*

...В телефонной будке Толик лихорадочно шарил по карманам, выгребая из них последнюю мелочь. Аппарат прилежно сглатывал монеты. По ту сторону провода напряженно молчали.

«Але! — надрывался в трубку Толик.— Кто это, Игорь или Лариса?.. Але, вы меня слышите?.. Ответьте же что-нибудь!.. Это Толик Парамонов!..»

Опять молчание. Слишком живое и выразительное для того, чтобы быть технической неисправностью. Толик беззвучно матерился, швырял трубку на рычаг и снова принимался искать очередную двушку.

«Але! — орал он через секунду.— Это Борис?.. А можно попросить Бориса?.. Скажите Анатолий Парамонов!.. Ах, его нет!.. А когда он будет?..»

Выдержав внушительную паузу, трубка ответила частыми гудками. Оставалась последняя двушка. Толик аккуратно вложил ее в прорезь аппарата и осторожно набрал номер.

«Але!.. Добрый день!.. Будьте любезны, Евпатия или Аглаю!.. Они на даче?.. А с кем я говорю?.. Соседка?.. Да нет, просто скажите, что звонил Парамонов!..»

Двушки кончились. Можно было бы, конечно, разменять пятаки, да что в этом толку!.. Толик оглянулся по сторонам. За мутным стеклом телефонной будки размыто, как на экране неисправного телевизора, двигалась безразличная толпа со смазанными лицами, текли ленивые потоки машин. Обычный тухлый московский пейзаж. Ничего такого, что могло бы смутить глаз или ухо. И все-таки Толик сжался от мгновенного и острого чувства опасности. Чувство это не покидало его весь последний день, но именно сейчас обострилось до предела. И вроде бы этот тип в польском плаще и с полиэтиленовой авоськой ничем не отличался от остальных мужичков, вяло топтавшихся у табачного киоска, но волчья интуиция Толика безошибочно выхватила из тысячи других прохожих именно этого невзрачного типа — слишком безразличный взгляд, слишком настороженный профиль. Следят, сволочи!..

Толик еще с полминуты оставался в будке, делая вид, что набирает очередной номер,— ему хотелось как следует запомнить внешность человека с авоськой,— а затем стремительно выскочил на улицу и ринулся в толпу...

*

...Он то замедлял шаг, то снова набирал скорость. Мало-помалу погоня начинала его забавлять. Спину покалывали мурашки, холодные и острые, как пузырьки в газировке, но Толик знал, что это не страх. Это было то веселое, дерзкое и куражливое состояние души, которое запомнилось ему еще со школьных времен, когда «замоскворецкие» ходили на «марьянорощинских».

Человек в польском плаще продолжал двигаться за ним, держа руку с авоськой чуть на отлете, точно в ней находилось нечто такое, что всякую секунду может взорваться...

*

...В троллейбусе они снова оказались рядом. При близком рассмотрении преследователь и впрямь оказался совсем бесцветным: блеклые глаза, рыжие реснички. Ну что ж, все правильно, ОНИ дело знают, таким и должен быть профессиональный филер.

Толик подобрался к преследователю совсем близко — пусть знает, козел, что я его рассекретил! — и принялся настырно сверлить его зрачками. Тот рассеянно отстранился, исподлобья взглянул на Толика, по лицу его скользнула тень не то удивления, не то смущения, не то досады — Толик победительно отфиксировал последнее! — и опять бездумно воззрился на бегущий за окном городской пейзаж...

*

...Толик выскочил из троллейбуса где-то в районе Кропоткинской. Некоторое время он шел, не оглядываясь, наконец не выдержал и обернулся. Тип с авоськой, ничуть не скрываясь, следовал за ним.

В далекой диссидентской юности Толику попался в руки какой-то роман из жизни народовольцев. Революционеров Толик не любил, книжка ему активно не понравилась, но кое-какие полезные сведения он оттуда все-таки выудил. Ну, например, способы обнаружения слежки.

Сделав еще несколько шагов, он внезапно свернул в переулок и юркнул в дворовую арку. Двор был тупиковым. Толик прилично знал этот район — неподалеку находилась музыкальная школа, где он учился целых два года.

*

...«Хвост» появился через несколько минут. Толик схватил его за лацканы плаща, рванул на себя и тут же прижал к стене. «Хвост» смотрел на него испуганными линиялыми глазками и не делал никаких попыток освободиться.

— Вот что, боец невидимого фронта!..— Толика прямо распирало от собственной отваги.— Передай своим соколам, что я их не боюсь! У вас есть все — тюрьмы, лагеря, доносчики, а я вас не боюсь, понял?!

Толик еще раз тряхнул преследователя за плечи, словно желая убедиться, дошел ли до него смысл сказанного. Раздался странный звук — что-то хрустнуло и чавкнуло одновременно. Толик отшатнулся. На земле валялась полиэтиленовая авоська, полная

разбитых яиц. Яичная лава неторопливо текла по толиковым башмакам...

— Лида!..— высоким голосом закричал «хвост».— Вызови милицию!.. Или позвони соседям!.. На меня какой-то придурок напал!.. Он меня аж от Никитских ворот пасет!..

Толик оглянулся. В окнах замелькали люди. Какая-то женщина истошно закричала. В подъезде захлопали двери. Кто-то невидимый, грохоча каблуками, уже сбежал по лестнице.

— Простите меня!..— задушенно сказал Толик.— Это недо-разумение... Я просто обознался... Вот десять рублей... К сожалени-ю, у меня с собой больше нет... Это вам за яйца...

*

...Толик уже целую минуту барабанил в металлическую дверь. Как ни странно, именно перед этой дверью он стал понемногу успокаиваться. Здесь ему откроют, не могут не открыть. Просто мастерская находится далеко отсюда, в самой глубине подвала,— пока услышат стук, пока поднимутся по лестнице...

Наконец послышались шаги, заскрежетала отодвигаемая ще-колда. На пороге стояла Аглая. Толик привычно потянулся для поцелуя, Аглая резко отстранилась. Это было отступление от традиции. Впрочем, для Толика это была уже не первая неприят-ная неожиданность за последние сутки.

Внизу, перед самым входом в мастерскую, Толик предпринял еще одну вялую попытку обнять Аглаю, но та была настороже и успела перехватить его руку:

— Не надо, Толик!.. Евпатий дома... Да вообще не надо... Скучно все это... Скучно и противно... Извини.

Да, привычный толиков мир рушился на глазах. Что они, честное слово, с ума посходили, что ли?.. Неужели они всерьез допускают, что он, Толик, может стать предателем?..

Бородатый Евпатий в черном свитере, перепачканном крас-кой, размашисто лупил кистью по холсту. Он не обернулся на вошедшего, но по его мгновенно напрягшейся спине Толик поня-л, что его приход не остался незамеченным.

В центре мастерской громоздился уродливый пандус, грубо задекорированный то ли под холм, то ли под лужайку. На пандусе, склонившись друг к другу, сидели две голых девицы в васильковых веночках.

— Здрасьте, прелестницы!..— приподнято поздоровался То-лик.— Вы сегодня кто?.. Наяды?.. Дриады?.. Сирены?.. Хотя какая разница?.. Все равно под кистью маэстро вы превратитесь в виногрет!..

— Это наши соседки! — предупредительно объяснила Аглая, — студентки из Армавира. Таня и Оля. Они иногда позируют Евпатию. Не бесплатно, разумеется.

Толик подошел к Евпатию, подал ему руку, тот пожал ее, не отрывая глаз от холста. Да, ошибки быть не может. Кто-то им сообщил. Но что, собственно, могли сообщить, что? Что Толика вызывали? Но это еще не повод подозревать его черт-те в чем!..

— Не так страшен черт, как его Малевич!.. — Толик коротко хохотнул. — Ну, скажи, старый похабник, на кой тебе обнаженная натура?.. То же самое ты мог бы нарисовать, глядя в потолок. Или в телевизор.

— Девочки! — Евпатий бросил кисть в ведро с растворителем. — Я думаю, на сегодня мы закончили. Насчет завтра договоримся отдельно. Аглая Ивановна вас предупредит.

Девичьи неспешно напялили халаты, попрощались с Евпатием и Аглаей и, не удостоив Толика даже взглядом, чинно двинулись к выходу.

— Вот черт!.. — Толик никак не мог слезть с ернического тона. — Они ведь и вправду чувствуют себя жрицами искусства!.. Жаль не поинтересовался, как они умудряются сохранить в себе столько достоинства, будучи без трусов?..

— Ты сегодня слишком агрессивен, — бесцветным голосом сказала Аглая. — И очень плоско шутить. Обычно ты остроумнее. Что-нибудь произошло?..

— Это я вас должен спросить, что произошло! — Толик пошел ва-банк. — Я целый день не могу ни до кого дозвониться. А про вас мне сказали, что вы на даче. Как это понять?..

— Видимо, кто-то пошутил, — пожал плечами Евпатий. — Мы никуда не уезжали. Аглая, правда, отлучалась на рынок. А я, как видишь, весь день работаю...

— Толик! — решила наконец Аглая. — Это хорошо, что ты пришел. Давай поставим точки над «i». Тебя ведь вызывали, правда?

— Правда, — чистосердечно ответил Толик. — Я и не скрываю. Я потому и звонил, что хотел вас предупредить. Но вы все разбежались по щелям, как тараканы...

— А ты знаешь, — неожиданно перебил его Евпатий, — что у Игоря с Ларисой, у Борьки и у нас были обыски?.. Сразу после того, как тебя вызывали?..

— Ты с ума сошел?.. — напрягся Толик. — Я-то тут при чем?.. Значит, кто-то навел!.. У них контора работает будь здоров!..

— Не нервничай, Толик! — устало сказала Аглая. — Тут все нервные. Просто раз уж ты здесь, хочется понять, что же все-таки происходит...

— Да они все знали! — закричал Толик.— Они даже знали, откуда у нас ксерокс!.. Но я не сказал им ни единого слова, клануть!..

— Ты только кивал,— тихо произнес Евпатий.— Они спрашивали, а ты говорил: да или нет. Ну, тогда, разумеется, ты ни в чем не виноват!..

— Но есть же элементарный здравый смысл! — взорвался Толик.— Если тебе показывают на небо и говорят: оно синее, не так ли?.. Что ты им ответишь?.. Что оно зеленое?..

— Убийственный аргумент! — печально усмехнулась Аглая.— Ты же неглупый человек, Толик. Согласись, в твоих доводах есть некоторая двусмысленность..

— Двусмысленность?!.— Толик кинулся в дальний угол мастерской и резко откинул холщовую занавеску... Тусклым глянцем замерцали ордена и звезды на груди генсека... Государственно насупив брови, глядели с холстов Косыгин, Сулов, Громыко...— А это не двусмысленность?! Одной рукой малевать авангард и толкать его за доллары, а другой — выполнять партийные заказы для красных уголков?.. Или, может быть, это одна из форм конспирации?.. В таком случае, позвольте вас огорчить, дорогие мои карбонарии, никому-то вы не опасны и не интересны!.. Те, кто представлял для них интерес,— те давно уже в лагерях!.. А вы для них — так, чайники со свистком!..

— Замолчи! — с нажимом сказала Аглая.— Ты и так наговорил достаточно мерзостей. И не смей задевать Евпатия. Он, в отличие от тебя, не трус!

— Да, я плохой! — снова взвился Толик.— А вы с Евпатием святые!.. Ты вообще образец добродетели!.. Может, расскажешь мужу, как ты поддерживаешь честь семьи в его отсутствие?.. Надеюсь, Евпатий поверит тебе на слово и не заставит меня перечислять все твои тайные родинки!.. Ну, смелей, Аглая!.. Чего вам бояться, раз вы такие храбрые!..

Евпатий грузно опустил на стул и не мигая смотрел на Толика. Аглая закрыла лицо руками и прислонилась к двери, чтобы не упасть. Толик понял, что произошло что-то страшное и непоправимое, может быть, гораздо более страшное, чем смерть... У него перехватило горло, и он заплакал...

*

...Домой Толик вернулся затемно. Коммуналка давно отужинала, все приникли к телевизорам. Только чуткое ухо Эммы Григорьевны отреагировало на слабый шелк замка, и она тут же высунула из комнаты свое острое любознательное рыльце.

— Толечка!.. Какое счастье, что вы пришли!.. Иван Васильевич страдает, но терпит... Я пыталась подsunуть ему утку, но он отказался... На унитазае он чувствует себя более комфортно.

— Естественно! — хмуро согласился Толик.— Унитаз повышает человека. Особенно финский. Тут Иван Васильевич абсолютно прав!..

Тем не менее, операцию по очередному водружению Ивана Васильевича на унитаз Толик на сей раз проделал быстро, деловито и безапелляционно, нисколько не принимая в расчет тонкую душевную организацию своего подопечного.

— Кстати, Толечка!..— Эмма Григорьевна желала быть ответно полезной.— Вера Николаевна просила передать, что она у соседки напротив. И что голубцы на плите в синенькой кастрюльке!..

*

...Оказавшись у себя в комнате, Толик открыл холодильник, достал оттуда початую бутылку водки и сделал несколько крупных глотков прямо из горлышка...

Затем вынул из кармана моток веревки... Это была та самая веревка, с помощью которой он давеча пытался затащить на чердак свой чемодан... Толик смотрел на нее напряженно и пристально, точно пытаясь сообразить, что же, собственно, с ней делать...

После сомнений, колебаний и путаных внутренних монологов у Толика всегда наступала минута ясного и спокойного прозрения: все равно ничего уже нельзя изменить. И тогда появлялось чувство легкости и свободы.

Появилось оно и теперь. Толик как бы наблюдал себя со стороны: вот он накидывает веревку на крюк от люстры, вот связывает петлю и надевает ее себе на шею, вот пробует ногами стол — удастся ли опрокинуть его одним толчком...

В какой-то момент ему вдруг показалось, что это не он, Толик, наблюдает за собой, а кто-то другой, реальный и осязаемый, находящийся здесь же, в этой комнате...

Чьи-то глаза, полные муки и ужаса, следили за каждым толиковым движением и умоляли, заклинали его остановиться...

Толик обернулся. В широко распахнутом дверном проеме медленно, как в рапидной съемке оседала на пол тетя Вера. Рот ее был искоркан криком, но крика не было слышно...

Толик сорвал с себя петлю и закинул веревку в плафон.

*

...Вокруг тети Веры гомонили переполошенные соседи. Кто-то обмахивал ее полотенцем, кто-то капал на сахар валокордин.

— Да какая вам разница, с какого она года?..— кричала в трубку разъяренная Нина.— Говорят же вам, сердечный приступ!.. Что это за «скорая» такая, которая полчасика выясняет, как кого зовут и кто чей родственник?!

Тетя Вера смотрела Толику прямо в глаза и беззвучно двигала посеревшими губами. Толик наклонился к ней совсем близко, пытаясь по артикуляции угадать хотя бы отдельные слова...

— Как ты мог...— шептала тетя Вера.— У меня же никого, кроме тебя, нет... Я только для тебя и живу... А ты меня предал...

— Тетя Вера, дорогая...— Толик прижался губами к теткинному виску.— Я тебя тоже очень люблю... Это была глупая шутка... Забудь про это...

*

...«Скорая», взметая грязные веера дождевой воды, неслась по ночному городу. Нечастые в такую пору автомобили опасливо жались к обочине, пропуская вперед эту замызганную вестницу то ли беды, то ли надежды...

...Толик держал тетю Веру за руку и твердил про себя, как молитву: открой глаза!.. открой глаза!.. открой глаза!.. Так ему было спокойней. Точно услышав толикову просьбу, тетя Вера чуть разомкнула веки. Разомкнула и тут же сомкнула снова, давая Толику понять, что хочет что-то сказать. Толик придвинулся ближе...

— На книжной полке...— непослушными губами прошептала тетя Вера.— Между Чеховым и Плехановым... восемьсот рублей... я из пенсии откладывала... возьми себе...

— Ты о чем, тетя Вер?..— отшатнулся Толик.— С ума сошла?.. Вот выйдешь из больницы — мы их на радостях и прогуляем!.. А о плохом и думать не смей!..

*

...Сыпал мелкий, холодный, кусачий дождь. Люди сбивались в кучки под немногочисленные зонты. Рядом хоронили еще кого-то. Хоронили со вкусом, с толком, с расстановкой. Там было пестро от цветов, гудел оркестр, говорили речи.

У могилы тети Веры ничего похожего не было. И вообще пришедших на похороны было немного. В основном, соседи.

И еще несколько старушек, которых никто не знал. Топталась еще группа студентов — те держались особняком.

Толик встал на колени, наклонился над сырым могильным холмиком и сказал прямо туда, в темную, плотную, непроницаемую глубину: «Прости меня, тетя Вера!..»

Лицо его засборило морщинами, стало похожим на печеную сливу, и он заплакал. Кажется, только сейчас он осознал, что вот этот аккуратный продолговатый холмик — это все, что осталось от тети Веры...

— Толик! — соседка Нина потрясла его за плечо. — Хватит, не глуми!.. Земля же холодная, мокрая... Застудишь все свои дела!.. Вставай!..

*

...Поминки получились более чем скромные. Все тети верины сбережения ушли на похоронные хлопоты, так что поминальный стол соседи устраивали вскладчину. Застольная беседа никак не залаживалась — все говорили скучно и тягуче, словно по принуждению.

— И что в ней было хорошо, — разглагольствовал пьяненький сосед Коля, вечно отсутствующий нинин муж, — не кичилась образованием!.. С рабочими людьми говорила запросто!.. Вот я человек темный, неученый, а она мне: здравствуй, Коля!..

— Что же ей, не здороваться с тобой, что ли?.. — Нина явно стеснялась незамысловатых колиных сентенций. — Ясное дело, раз встретились — здравствуй, Коля!.. Чего тут особенного?..

— Не скажи!.. — упрямылся Коля. — Другая прошла бы мимо, а она — здравствуй, Коля!.. По-родственному, по-соседски!.. Кто я для нее?.. Мудак с напильником!.. А она — здравствуй, Коля!..

— Будет тебе балабонить-то!.. — устыдила мужа Нина. — Ты ж не в пивнушке!.. Господи, как зальет zenки, так и несет незнамо что!..

— Святая душа была Вера Николаевна!.. — вздохнула Эмма Григорьевна. — И редкой интеллигентности!.. Спички попросит, так сто раз «спасибо» скажет!.. Таких людей сейчас нет!.. Сейчас куда ни глянь — одни хабалки!..

— Хужает народ!.. — согласилась Зинаида Михайловна. — Особенно молодые!.. Давеча на лестнице нагадили!.. Не к столу будет сказано, вот такую кучу навалили!.. Не перепрыгнешь!.. А если бы лифт сломался?..

— Был человек и нету!.. — Коля продолжал разрабатывать излюбленную тему. — И всем наплевать!.. Даже по радио не объявили!.. А ведь какая женщина была!..

— Последнюю пьешь! — тихо предупредила Нина.— И не зыркай на меня!.. Сказала последнюю, значит, последнюю!..

Толик сидел за столом, безучастный ко всем разговорам, тупо уставившись в пустую тарелку. Он вспоминал о своих хозяйских обязанностях только тогда, когда наступала пора в очередной раз наполнить рюмки...

Паузы становились все чаще и продолжительней. В одну из них ворвался телефонный звонок. Все оживились, завздохали, закрипели стульями, будто в середине долгого и нудного совещания был объявлен неожиданный перекур.

Зинаида Михайловна, сидевшая ближе всех к двери, выскочила в коридор. Через секунду она вернулась и сообщила почему-то шепотом: «Толик, это вас!..»

*

...Толик не ждал от звонка ничего хорошего. Он знал, что никто из знакомых ему не позвонит, за последние дни его ни разу не позвали к телефону. А чужие...

В трубке зарокотал незнакомый басок. Собеседник говорил быстро, напористо и почти без пауз. Толик не верил своим ушам. Он по несколько раз переспрашивал одно и то же, желая убедиться, что его не разыгрывают, но незнакомец, похоже, не любил, когда ему задавали вопросы, он привык задавать их сам...

— Да, Парамонов!..— Толик пытался говорить как можно более безразлично.— А кто это говорит?.. Как это неважно?.. Нет, не передумал!.. Что значит, оформляйтесь?.. Простите, а с кем я разговариваю?..

*

...Гости давно уже болтали о своем. Приглашенный было костерок беседы теперь полыхал вовсю. С появлением Толика все резко посерьезнели и потянулись к рюмкам...

— Черт знает что!..— растерянно улыбаясь, сказал Толик.— Мне разрешили выезд... Если это, конечно, не чья-то шутка... Но я записал телефоны, можно проверить...

Гости молча косились друг на друга, не зная, как реагировать на это сообщение. Все знали, что Толик ждал этого события три года. Но слишком уж не вязалась его дурацкая улыбка с печальным поводом, собравшим всех за этим столом...

— А я все-таки предлагаю выпить за тетю Веру! — Нина

с вызовом подняла рюмку.— Кто-то уезжает, кто-то приезжает, а тети Веры нет!.. Царствие ей небесное!..

— Да!..— спохватился Толик.— Да, конечно!.. Царствие ей небесное!..

*

...Толику и раньше приходилось бывать в здании ОВИРа в Колпачном переулке, но такого скопища людей, как в этот раз, он никогда здесь не видел. Сегодня в овировских коридорах было настоящее столпотворение!.. Стоило кому-то из сотрудников опрометчиво выглянуть из кабинета, как его тут же облепляла со всех сторон толпа страждущих. Некоторое время он еще барахтался в их объятиях, а потом покорно затихал, как моторная лодка, увязшая в водорослях...

Толик двигался в толпе по давно усвоенной системе: толчок под ребро... виноватая улыбка... извините, пожалуйста... еще толчок... снова улыбка... и снова «извините»... Нужный Толику кабинет оказался в самом конце коридора. Одинокая дверь с устрашающей табличкой «Н. И. Смертюк».

«Не хватает только черепа с костями!..— подумал Толик.— Как на трансформаторной будке!..» Толчеи и ажиотажа тут не было. Тут вообще никого не было. Толик забеспокоился. Двери, возле которых не было очередей, с детства не внушали ему доверия. Может, он в отпуске, этот Смертюк?.. Или на бюллетене?.. Толик постучался. Нет, кажется, все в порядке. Хмурый дядька с заспанными глазами оторвался от письменного стола и выжидательно посмотрел на Толика...

*

...Хозяин кабинета лениво шуршал бумажками, выискивая в них толикову фамилию. Толик пребывал в состоянии благоговейного трепета. Он смотрел на Смертюка преданными собачьими глазами и, казалось, только и ждал подходящей секунды, чтобы нежно лизнуть его в небритую щеку...

— Парамонов Анатолий Сергеевич!..— Смертюк отыскал, наконец, нужную бумажку.— Да, мне звонили по вашему поводу. Полетите по израильской визе...

— Почему по израильской? — слабо зароптал Толик.— Я же не еврей!.. Мне не нужно в Израиль!.. Я хочу в Париж!..

— Французской визы мы вам сделать не можем!..— поскучнев голосом, отрезал Смертюк.— Вот долетите до Вены, а там воля ваша!.. Хоть в Париж, хоть куда!..

— Скажите, а вот эти... товарищи...— Толик вынул аккуратно сложенный листочек.— Вот эти товарищи не смогут помочь?.. Мне сказали, что в случае чего я могу обратиться к ним...

Смертюк глянул на листочек и брови его поползли вверх. Видимо, фамилии, которые он там увидел, произвели на него впечатление.

— Ну, раз у вас такие покровители...— Смертюк впервые взглянул на Толика с уважением.— Эти могут спроворить вам любую визу. Хоть на Берег Слоновой Кости!..

*

...Еще около месяца Толик бегал по всяческим инстанциям, задаривал шоколадками вахтерш, дерзко флиртовал с секретаршами и, смиренно сложив руки на коленях, выслушивал поучения косноязычных начальников...

Он отдавался этой дурацкой беготне с таким безоглядным упоением, будто это была его всегдашняя жизнь, хотя уголком мозга он понимал, что его настоящая, главная жизнь стоит сейчас на обочине, с укоризной и состраданием наблюдает за его выкрутасами и, подобно умной жене, терпеливо ждет, когда он, наконец, «перебесится» и обратит на нее внимание...

Этот миг настал. Однажды утром бесконечная административная карусель остановилась. Паспорт с визой и авиационный билет лежали у Толика в кармане. Но радости не было. Вместо нее пришли испуг и растерянность. Имитация «полнокровной» жизни кончилась, главная жизнь снова вступила в свои права. Толик вспомнил о Евпатии...

*

...К телефону долго не подходили. Пока в трубке звучали долгие и унылые гудки, Толик спешно прокручивал в мозгу наиболее вероятные варианты разговора.

Возможно, услышав толиков голос, Евпатий тут же положит трубку. Возможно, молча выслушает все извинения, но разговаривать не захочет. Возможно, пожелает Толику доброго пути, но откажется от встречи...

— Але!..— настороженно сказал Евпатий.

— Але!..— закричал Толик.— Это я, Евпатий!.. Умоляю, не бросай трубку!.. Я страшно виноват перед тобой!.. Я все наврал про Аглаю!.. Но я не со зла, я по дурости!.. Обиделся, что вы мне не доверяете, ну вот и... Прости меня, Евпатий, прости меня, ради Бога!..

Евпатий молчал, и это было замечательно. Он не швырнул трубку на рычаг, не оборвал Толика на полуслове. Значит, первая атака удалась, теперь можно было расслабиться и перейти на элегический лад.

— Мне разрешили выезд, Евпатий!.. Билет и виза уже на руках!.. Улетаю послезавтра первым парижским рейсом!.. Не знаю, вправе ли я просить об этом, но... Мне бы очень хотелось, чтобы вы с Аглаей пришли меня проводить... Кто знает, увидимся ли?..

Евпатий молчал. Но Толика не пугало его молчание, и он и не ждал от Евпатия никаких проявлений энтузиазма, достаточно и того, что Евпатий не сказал «нет».

— И еще одно!.. Ты говорил, что у тебя есть приятель в Париже... Ну, из наших, эмигрант... Художник он там или кто... Может, ты ему отзвонишь?.. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь меня там встретил и как-то помог в первые дни...

Евпатий молчал. Потом буркнул только одно слово: «Хорошо!» Толик не понял, к чему конкретно относилось это «хорошо» — к последней его просьбе или ко всему разговору в целом, но это было уже неважно. Главное, что Евпатий поддержал разговор. А кроме того, даже в самом слове «хорошо» изначально не может быть ничего плохого...

*

...В последний вечер толиковы соседи на удивление долго не расползались по комнатам. Все старательно имитировали какие-то кухонные процессы, хотя должны были, по обыкновению, давно уже сидеть у телевизоров.

Толик не ожидал застать здесь столь представительную аудиторию. Он заскочил в кухню на минутку, чтобы сделать себе чашку кофе, но по острой и мгновенной переглядке женщин понял, что его здесь ждали и что «пресс-конференции» не избежать...

— Толечка, вы не обидетесь, если я вас спрошу?..— у Эммы Григорьевны сдали нервы, и она кинулась напролом.— Мне все-таки непонятно, как это вы решились?.. Жили вы жили, и вдруг срываетесь куда-то на край света!..

— Ну, Париж — не самый край...— осторожно возразил Толик.— И не самое дикое место с точки зрения цивилизации...

— Да, я понимаю...— заторопилась Эмма Григорьевна.— Там, конечно, и еда получше, и одежда попрличней... Но чужой язык, чужие нравы... Вас это не пугает?..

— Это вас должно пугать!..— хихикнула Нина.— Вот Толик

уедет — кто будет Ивана Васильевича на толчок сажать?.. Колька-то целыми днями на работе!..

— Погодите, Нина!..— поморщилась Эмма Григорьевна.— Это же психологически интересно!.. Человек бросает насиженное место и едет в чужую страну!.. Должны же быть мотивы!..

— Мотив один, Эмма Григорьевна!..— усмехнулся Толик.— Свобода!.. Не колбаса, не джинсы, а свобода!..

— Ну, свободу каждый понимает по-разному!..— Эмма Григорьевна покраснела от полемического задора.— Не знаю, что вы имеете в виду под свободой, но лично я, например... Я, например, свободна!..

— Ой!..— Зинаида Михайловна аж задохнулась от возмущения.— Синичка ты моя вольная!.. Она свободна!.. Говно из-под большого мужа выгребать — вот вся твоя свобода!..

— Фу, Зина!..— застрадала Эмма Григорьевна.— Неужели нельзя без жлобства?..

— А что, не так, что ли? — не смутилась Зинаида Михайловна.— Ну что ты в жизни видела, кроме своего тромбофлебита?.. А тоже мне — рассуждает о границе!..

— Потому что я бывала за границей!..— запальчиво отпарировала Эмма Григорьевна.— В Болгарии. По турпутевке. И представь себе, не потрясена!..

— Правильно!..— согласилась Зинаида Михайловна.— Ты бы еще в Пензу съездила!.. Болгария — это ж соцлагерь!.. Братская страна!.. Что ты там увидишь?..

— Не будем спорить!..— примирительно сказала Эмма Григорьевна, хотя по всему было видно, что ей хочется именно спорить.— Но почему нужно покидать родину?.. Человек должен жить там, где он родился!..

— А почему бы не допустить простую мысль, Эмма Григорьевна? — Толик отхлебнул из кофейной чашки.— Что никто никому ничего не должен?.. Человек живет однажды!.. Так пусть он живет, как ему нравится!..

— Это опасная доктрина, Толечка! — Эмма Григорьевна запыхала, как печка, в которую плеснули керосину.— А вдруг все захотят уехать на Запад?.. Кто же тогда останется?!

— Умные уедут, дураки останутся!..— мрачно отозвалась Зинаида Михайловна.— Вроде нас с тобой. Чтобы было на ком воду возить!..

— Все не уедут!..— меланхолично сказала Нина.— Да и на черта мы там нужны?.. Мы и здесь-то никому не нужны, а уж там...

— Ладно, пусть у нас плохо!..— Эмма Григорьевна сделала тактический маневр.— Но тогда тем более грешно уезжать!.. Надо не бежать от трудностей, а преодолевать их!..

— Вот и преодолевайте!..— миролюбиво сказал Толик.—
Ходите на собрания, на демонстрации, на субботники!.. Славьте,
пойте, стройте!.. А я не хочу преодолевать трудности!.. Не
хочу и все!..

*

...В толчее шереметьевского аэропорта Толик совершенно растерялся — он то подолгу торчал у центрального табло, мучительно пытаюсь сообразить, почему там нет нужного ему рейса, то, путаясь в сумках и чемоданах, панически метался по залу, выпрашивая встречных, где ему следует проходить таможенный контроль...

Тут была другая, незнакомая Толику Москва, страшно далекая от той, в которой он худо-бедно, но чувствовал себя хозяином. Эта другая Москва говорила по-английски, по-французски и по-немецки, она шурилась декларациями, загранпаспортами и валютой, она пахла духами, ликерами и виргинским табаком...

Вот октябрьской поступью протопала японская делегация. Они шли слаженно и организованно, держась строго в затылок друг другу, и у Толика осталось впечатление, будто мимо пронесли глянцевою групповую фотографию...

Вот величаво проплыли два арабских шейха. Гордые, надменные и молчаливые, они отрешенно смотрели вдаль и покачивали в такт ходьбе головами, словно передвигались не с помощью собственных ног, а ехали на верблюдах...

А вот веселым разноцветным табунком проскакала скандинавская семья. Папа, мама и двое ребятшек — все в чем-то немисливо ярком, все ослепительно беловолосые и все неправдоподобно синеглазые,— ну, прямо сказка Андерсена, настоящий игрушечный набор!..

На фоне этих красивых, нарядных и беспечных людей взмыленный Толик, навьюченный сумками и чемоданами, чувствовал себя как лимитчица из Караганды, случайно попавшая на гегелевские чтения...

Толику сделалось тоскливо. Еще совсем недавно собственный отъезд представлялся ему событием исключительным и трогательным, пикантно украшенным завистью приятелей и слезами приятельниц...

А вот теперь выясняется, что есть люди, для которых перелет через границу — дело пустячное и будничное, что-то вроде того, как сделать укол или пройти флюорографию...

Евпатий с Аглаей, конечно же, не придут. И правильно сделают... Было бы глупо рассчитывать на их дружбу после

всего, что произошло в тот ужасный вечер в мастерской... Правда, Евпатий пообещал дозвониться в Париж... Но пообещать он мог и просто так, для проформы, чтобы отвязаться...

Евпатий появился в самую последнюю минуту, когда Толик уже стоял возле таможенного контроля. Он настырно пробирався через толпу, победительно выставив животик и растопырив коротенькие ручки, похожий на пожилого, но уверенного в себе пингвина...

— Здорово, Евпатий! — у Толика сжалось сердце от благодарной нежности к старому приятелю. — Я уж и не ждал! Оказывается, это очень гнусная вещь — уезжать, когда тебя никто не провожает!.. А где Аглая?..

Толик даже не успел испугаться. Вопрос выскочил сам собой. Это был вопрос из того недавнего, счастливого и безмятежного прошлого, где все казалось простым и ясным, где говорили то, что думали, и где не надо было бояться неосторожных слов...

— Мы с Аглаей расстались, — буднично сказал Евпатий. — Да ты не бери в голову... Нормальная житейская ситуация... Сошлись, разошлись...

— Ты бросил Аглаю?.. — почти искренне возмутился Толик. — Но Аглая тут не при чем!.. Я же все наврал!.. Ты не должен был мне верить!..

— А я тебе и не поверил, — Евпатий избегал смотреть на Толика. — Я поверил Аглае. Она сказала, что все это правда...

Толик не нашел в себе смелости длить этот мучительный разговор. Евпатий поставил в нем слишком жирную точку. Таможенник уже пропустил арабского шейха, стоявшего в очереди перед Толиком, сзади обеспокоенно чирикали японцы, времени оставалось в обрез...

— Я позвонил в Париж... — Евпатий решил, наконец, сменить тему. — Андрей встретит тебя в «Шарле де Голле»... Ну, и поможет как-то устроиться на первое время...

— А как он меня узнает?.. — Толик с простодушием ребенка уцепился за спасательный круг, брошенный ему Евпатием. — Нужен какой-то пароль!.. Или опознавательный знак!..

— Узнает!.. — Евпатий без стеснения задрал свитер и вытащил из-под ремня журнал в голубой обложке. — Держи в руках последний номер «Нового мира». Это и будет твой опознавательный знак!..

*

Таможенник уже взял толиков паспорт и даже успел раскрыть его, когда Толик вдруг с силой рванулся назад. Толпа отъезжа-

ющих смятенно всколыхнулась. Пожилая дама испуганно прижала к груди белого пекинеса. Японцы, не готовые к отступлению, валились друг на друга, как доминошки...

Отчаянно работая локтями, Толик добрался наконец до Евпатия, крепко прижал к себе его голову и лихорадочно зашептал ему в ухо:

— Ты думаешь, я стучач?.. Ты думаешь, что если мне разрешили выезд, то это как-то связано с тем допросом?.. Но это неправда, неправда!.. Я ничего им не сказал!..

— Толик, тебе пора!..— Евпатий осторожно высвободился из толиковых объятий и легонько подтолкнул его в сторону таможен. — Ну, иди, иди, неудобно же!.. То ты рвешься за границу, то тебя палкой отсюда не выгонишь!..

...Возле паспортного контроля Толик обернулся, отыскал глазами Евпатия и прощально помахал ему рукой. Евпатий не ответил. Казалось, что он смотрит не на Толика, а куда-то поверх его головы, будто пытается издали разглядеть в фиолетовой парижской дымке смутные очертания толиковой судьбы...

*

...В самолете Толик расслабился. Бесцельно шатаясь из салона в салон, он обзнакомился с доброй половиной пассажиров. То ли людям нечем было себя занять, то ли Толик действительно был в ударе, но все охотно шли на контакты. Правда, языков Толик не знал, но это ему не мешало. Дам веселил его дикий «эсперанто», включавший в себя словечки из всех языков мира и снабженный, к тому же, активной мимикой и жестикуляцией.

Хорошенькая стюардесса Людочка аккуратно ставила перед Толиком очередную порцию коньяку и ласково обжигала его огромными золотистыми глазами. Толик сразу же зачислил Людочку в актив своих побед. И, хотя победе этой не суждено было иметь практического подтверждения, Толика вполне устраивал и теоретический ее вариант. Он летел навстречу новой неведомой жизни, и эта новая жизнь, похоже, улыбалась ему вовсю...

Когда зажглось табло, советующее не курить и пристегнуться, Толик вернулся, наконец, к себе в салон и плюхнулся в свое кресло. Рядом сидел внушительных размеров негр, которого Толик поначалу почему-то не заметил. Всеохватная натура Толика жаждала общения.

— В Париж? — деловито спросил Толик, как будто в его воле было изменить курс и направить самолет в Аддис-Аббебу.

— В Париж? — радостно ответил негр и осклабился на все тридцать два зуба, точно ждал этого умного вопроса всю жизнь.

*

...Париж ошеломил Толика, что называется, с порога. И не шумом, не многоцветием, не своим знаменитым «особым» парижским воздухом, а тем, как мгновенно, легко и безоглядно рассыпались здесь, еще в аэропорту, казавшиеся такими прочными связи недавнего дорожного братства.

Стюардесса пригласила пассажиров к выходу, и глаза давешних толиковых попутчиков тут же подернулись ледком отчужденности. Все засуетились, засобирались, зашуршали плащами и разом потеряли друг к другу всякий интерес. Душа компании Толик Парамонов снова стал сирым анонимом.

Собственно, Париж тут был ни при чем. Люди, вынужденные какое-то время соседствовать в замкнутом пространстве, — будь то салон самолета или купе поезда — всегда легко сходятся в разговоре, проникаются друг к другу симпатиями, обмениваются адресами и телефонами, но стоит им снова очутиться в большом мире, и вселенские сквозняки моментально выдувают из них память о случайных попутчиках...

Приунывший Толик плыл в прозрачном тоннеле «Шарля де Голля» и казался сам себе серенькой плотвичкой, неведомо как попавшей в роскошный аквариум с экзотическими рыбками. Может быть, впервые за все последнее время Толик заставил себя подумать о том, что он прилетел в чужую страну, где никто не подозревает о его существовании. Прилетел навсегда.

*

...Толик торчал у здания «Шарля де Голля» уже минут пятнадцать и, вероятно, мог бы торчать еще столько же, если бы не вспомнил о своем «опознавательном знаке» — последний номер «Нового мира», аккуратно свернутый в трубочку, находился во внутреннем кармане плаща...

...Незнакомец появился внезапно, точно вырос из-под земли. В воздухе поплыл терпкий запах дорогого одеколона. Толик ни черта не смыслил в одежде, но даже на его непросвещенный вкус незнакомец был одет весьма элегантно.

— Вы Андрей? — непрезентабельность собственной внешности Толик попытался восполнить избытком хороших манер. — Очень приятно. Евпатий много рассказывал о вас. Сказать по правде, я боялся, что вы меня не узнаете...

— Чего же проще? — Андрей разглядывал напыжившегося Толика с откровенной, но добродушной иронией. — Мятые

брючки, воспаленный взгляд, да еще и «Новый мир» в руках!. Типичный портрет советского прогрессиста!..

*

...Андрей вел машину просто виртуозно, как, впрочем, и пододбает истинному парижанину: шляпа лихо сдвинута на глаза, левая рука безмятежно лежит на руле, правая — с дымящейся сигаретой — на спинке сиденья. Вот они, хозяева жизни, завистливо подумал Толик, а ведь всего пять лет, как в Париже... Ну, ничего, ничего, мы тоже не огурцом деланные...

— Я снял тебе комнату,— Андрей без всяких упреждений перешел с Толиком на «ты».— Апартамент мне не по карману. Комната вполне приличная, жить там можно. Во всяком случае, какое-то время...

— Спасибо,— сердечно поблагодарил Толик.— Я человек непривередливый, всю жизнь по коммуналкам... Хуже другое... Я совсем не знаю языка... Хотя Париж, говорят, русский город...

— Русский-то он русский,— Андрей снисходительно покосился на Толика,— но это все же не Рязань!.. Надо срочно учить язык!.. Без языка тут невозможно адаптироваться!..

— Ну, что касается адаптации...— Толик высокомерно фыркнул.— Я бы не хотел превращаться во француза... И вообще я не люблю приспособливаться... Пусть уж принимают меня таким, какой я есть!

— Знакомый мотивчик!..— губы Андрея чуть искривились в улыбке.— Среди нашей эмиграции таких пруд пруди!.. Языка не учат, работать не хотят. Приезжают, запираются на все замки, включают видео и смотрят Аллу Пугачеву. Спрашивается, зачем уезжали?..

Толик хотел было обидчиво возразить, что он не обыватель, а человек идеи, и что для него главной задачей было не «слинять», а обрести творческую свободу... но передумал. Под колесами ровно гудела автострада. Впереди начинал сизоветь Париж.

*

...Пока Андрей негромко переговаривался с хозяйкой, чистенькой и опрятной пожилой дамой, осанкой и повадками напоминающей Маргарет Тэтчер, Толик с нарочито брезгливым выражением лица тщательно изучал свое новое жилище. Делал он это вовсе не потому, что ему здесь что-то не нравилось — комната как комната, вся на виду, изучать здесь было нечего — а просто так, из патриотической амбиции: мол, и мы не лыком

шиты, живали в апартаментах и не падаем в обморок при виде розовой туалетной бумаги.

Неожиданно за стеной (а поначалу показалось, что прямо здесь, в этой же комнате — настолько это было громко и внезапно) грянула латиноамериканская мелодия, вслед за ней выразительно скрипнули диванные пружины, после чего, словно усиленный микрофоном, послышался тягучий женский вздох. Толик метнул затравленный взгляд на хозяйку. Та всполошенно залопотала по-французски. Андрей усмехнулся и перевел.

— Мадам Лоран говорит, что за стеной живет супружеская пара. То ли из Сальвадора, то ли из Парагвая. А может, и из Колумбии. Она всегда плохо запоминает названия. Очень милые и симпатичные люди. Хотя и коммунисты.

— Ах, они еще и коммунисты?..— Толик с ненавистью взглянул на стену, за которой любовные стоны набирали все новые обертона.— Переведи ей, что я политический эмигрант!.. Я бежал от коммунистов!.. И я не могу терпеть рядом с собой гнездо ненавистной мне идеологии!..

Слушая Андрея, мадам Лоран кивала, ахала, закатывала глаза, всем своим видом демонстрируя, сколь близко к сердцу принимает она кошмар создавшейся ситуации, но стоило Андрею замолчать, она тут же кинулась в контратаку.

— Мадам Лоран говорит,— снова перевел Андрей,— что ничего плохого они не делают. Только танцуют кумбию и занимаются любовью. Любовь и танцы — вот их страсть. Зато за другой твоей стеной живет очень серьезная девушка. Ее зовут Сильви. Кстати, она хорошо говорит по-русски.

Не дожидаясь от Толика хотя бы формальной капитуляции, Андрей снова повернулся к мадам Лоран, сказал ей нечто успокаивающее: дескать, конфликт улажен, жилец не против, просто немного устал и поэтому дурит,— и ласково выпроводил хозяйку за дверь.

— Я оплатил за три недели,— строго сказал Андрей.— Дам еще на карманные расходы. Заработаешь — вернешь. Если только заработаешь. Деньги здесь на клумбах не растут!..

Вместо ответа Толик откинул крышку одного из чемоданов и одним махом вывалил его содержимое на пол. Гора листов с машинописным текстом загромодила почти половину комнаты.

— Это не все! — небрежно сказал Толик.— Я привез сюда только лучшее. Четыре романа. Семь повестей. Ну, и добрый трехтомник рассказов. Думаю, на первое время хватит...

— Спятил, Бальзак? — Андрей даже растерялся.— Какой

трехтомник?.. Напечатают рассказик — скажи спасибо. Тебя здесь никто не знает. Кому ты интересен?

— Пока не знают! — запальчиво уточнил Толик.— Зато меня знает вся читающая Москва. А если тебя читают, значит ты известен!..

— Тебя читают только в КГБ,— осадил Толика Андрей.— И то по долгу службы. А КГБ это еще не вся читающая Москва...

Он смотрел на Толика с откровенной жалостью. Очередной сумасшедший, приехавший завоевывать Париж. Взлохмаченный, в жеваном пиджачке, со слюдяным блеском в глазах. Неопознанный Наполеон.

— Ладно,— со вздохом сказал наконец Андрей.— Попробую показать твои опусы сведущим людям. Сгружай свое собрание сочинений в чемодан и тащи ко мне в машину...

*

...Толик гулял по Парижу. Толкался у прилавков букинистов на набережной Сены, брал в руки то одну, то другую потрепанную книжицу, но не потому, что намеревался купить, а просто так, из вежливости к продавцам... Бродил по Монмартру, излишне заинтересованно и подолгу разглядывая картины и картинки, а попутно ища — и не менее заинтересованно! — общественный туалет... Торчал на площадке возле Палас де Шайо и совершал безмолвный ритуал созерцания знаменитой Эйфелевой башни...

К вечеру ноги сами собой, без помощи какой-либо карты, привели его на Плас Пигаль. Вождеденная мечта советского туриста не показалась ему очень уж респектабельным местечком. Он задержался возле одного из рекламных щитов. Щит был анонимный, только буквы, ни одной картинки. Толик поозирался по сторонам, точно проверяя, нет ли за ним слежки, и только после этого нагнулся к окошечку кассы...

*

...Хорошенькая девушка — настоящая опрятная парижаночка, как только они могут работать в таких местах! — светя под ноги фонариком, проводила Толика до его места. На экране сопели, крихтели и чмокали. Консервативная натура Толика не позволяла ему сразу же уставиться в экран. Он мазнул взглядом по сторонам: слева свободно, справа тоже. Да и вообще в зале едва ли набиралась дюжина зрителей. Какого же черта она посадила его «согласно купленным билетам»?

Прямо перед Толиком сидели четыре негра. Распрямив стро-

гие позвоночники и по-страусиному вытянув шеи, они внимали экрану так доверчиво и прилежно, как, наверное, могли бы слушать воскресную проповедь.

Вдруг Толик вздрогнул: чья-то рука мягко и вкрадчиво легла на его коленку. Толик отвел глаза от экрана и взглянул на неведомую нахалку. Нахалка смотрела на Толика прямо и вопросительно, глаза ее, огромные, темные и влажные, были совсем близко. Толику стало жутко. По спине здоровенной улиткой прополз холодный ручей пота. Где-то на периферии его памяти забрезжила крохотная искра противеньской догадки.

Незнакомка произнесла что-то хищным баритональным шепотом, Толик нервно дернулся, парик съехал с головы незнакомки, и догадка стала реальностью.

Разумеется, ему и раньше приходилось слышать о «гомиках», он даже видел их кое-где в компаниях. Но то были свои, безобидные, в чем-то даже трогательные «гомики». Они кроили себе джинсы, стояли в очередях в Большой театр, рассуждали о Марселе Прусте и Маргарет Дюрá и экономили копейку от зарплаты до зарплаты... Здесь же было нечто другое, чужое, враждебное, требовавшее от Толика некоего опасного знания.

— Ты чего, пес? — сипло спросил Толик, автоматически перейдя на чертановский диалект, не раз спасавший его в стычках с московской шпаной.— А ну прибири лапы, сучара! Давно асфальту не ел?..

«Незнакомка» сказала что-то обезоруживающе мягкое — видимо, извинилась — и тут же пересела в другой ряд. Но настроение у Толика было безнадежно испорчено. Он встал и, не глядя ни на пыхтящий экран, ни на свою «соблазнительницу», направился к той же двери, откуда пришел...

— Все в порядке, месье? — спросила хорошенькая девушка с фонариком, когда наохлившийся Толик выходил на улицу.

— О да! — по-русски ответил Толик, стараясь казаться беспечным.— Все было замечательно, мадемуазель!.. За исключением того, что меня чуть не трахнули!.. Но это мелочи!..

*

...Нагруженный свертками, Толик поднимался по лестнице. Откуда-то сверху, видимо, из комнаты латиноамериканцев, доносились треск маракасов и грохот каблуков. «Любовь и танцы — вот их страсть»,— вспомнил Толик слова хозяйки.

Он уже добрался до середины лестницы, когда навстречу ему с гомоном ринулась неизвестно откуда взявшаяся толпа лилипутов. Лилипуты обтекали Толика с двух сторон, как сыплющиеся

с горы камешки при небольшом обвале. Толпа исчезла так же внезапно, как и появилась.

Толик уже вставил ключ в замок своей комнаты, когда дверь справа, за которой, по словам хозяйки, обитала неведомая Сильви, приоткрылась. Толик услышал приглушенный женский смех и звонкий чмок поцелуя, после чего мимо Толика быстро — он даже не успел разглядеть лица — прошмыгнула мужская фигура. Толик проводил незнакомца глазами вплоть до лестницы и снова вспомнил слова мадам Лоран: «Очень серьезная девушка».

— Добрый вечер, месье! — Это было произнесено по-русски, и Толик понял, что обращаются именно к нему. Сильви стояла на пороге своей комнаты, придерживая рукой полы короткого халатика. — Вы наш новый квартирант? Мадам Лоран говорила мне о вас. Как вам нравятся Париж?

— Ничего, — сдержанно ответил Толик. — Многое я именно так себе и представлял. Вот только почему у нас в доме так много лилипутов?..

— Они из цирка, — объяснила Сильви. — Пробудут здесь еще около недели. Вы не любите лилипутов? А я люблю. У них маленький срок жизни, и они живут очень ответственно.

— Вы так хорошо говорите по-русски, — Толик вдруг вспомнил о галантности. — Почти без акцента. Вы русская?..

— Не совсем, — Сильви смотрела на Толика просто и открыто, без малейшего кокетства, и этим нравилась ему все больше и больше. — Бабушка русская. А вообще-то я из Бельгии. В Париже только учусь. А вы писатель?

Толик насупился. Ему очень хотелось произвести на Сильви впечатление, но он все никак не мог попасть в нужный тон.

— Да, в общем, писатель... — Толик выбрал тон байронической отчужденности. — Политический эмигрант. Если вы понимаете, что это означает...

— О да, понимаю! — сочувственно кивнула Сильви. — Я многое знаю о России. Ну что ж, давайте знакомиться? Меня зовут Сильви.

— Очень приятно. А меня зовут Анатолий. Но на русский слух это слишком официально. Зовите меня просто Толя.

Толику хотелось казаться ироничным и раскованным, он даже попытался сделать озорной реверанс, но в ту же секунду все его свертки посыпались на пол. Бутылки, банки, гамбургеры, облитые кетчупом, — все это лежало теперь в общей безобразной куче, как символ сирости его, Толика, холостяцкого бытия. Сильви это развеселило, она звонко захохотала, так бесстрашно обнажая гортань и зубы, что Толик, которому было не до смеха, все-таки успел отметить про себя, что во рту у нее не было ни одной пломбы...

— А вы знаете, Толя,— отсмеявшись, сказала Сильви.— Это даже хорошо, что вы не успели поужинать. Поужинаем вместе. Тут через дорогу есть очень милое кафе...

*

...Кафе оказалось прямо на улице. Несколько крохотных столиков, огороженных веревочным барьером. Остро пахло молотым кофе и жареным картофелем. Несмотря на поздний час прохожих на улице было предостаточно. Где-то совсем близко, как невидимый ручей, невнятно бормотал аккордеон...

Толик слишком стремительно влюблялся в Сильви, чтобы мог чувствовать себя раскованным в ее компании. Он мучительно напрягал мозг, пытаясь сочинить что-нибудь легкое, ненавязчивое, остроумное, но в мозгу искрило и замыкало, и разговор то и дело сползал в давно наезженную Толиком колею...

— Ну почему обязательно борьба?..— горячилась Сильви.— Я не люблю этого слова!.. Нормальные люди не должны ни с кем бороться!.. Они должны просто жить!..

— Просто жить? — снисходительно усмехался Толик.— Просто жить — это для бабочек!.. Это значит жрать, спать и совершать естественные отправления!..

— Ничего подобного!..— не сдавалась Сильви.— Просто жить — это значит любить, замечать красивое, радоваться солнышку...

— Как можно радоваться солнышку,— распаялся Толик,— если ты видишь его сквозь тюремную решетку?.. Счастье — это свобода!.. А свобода не дается без борьбы!..

— Но свобода — это фантом!..— Сильви оказалась крепким орешком.— Абсолютной свободы нет нигде в мире!.. Человек может рассчитывать только на внутреннюю свободу!.. Так что же, вечная борьба?..

— Да, вечная борьба!..— не без важности подтвердил Толик.— Вечная борьба за вечные идеалы!.. Правда, я сторонник бескровного оружия... Мое оружие — это мое перо!..

— Господи!..— вздохнула Сильви.— И зачем вы только приезжаете в Европу?.. Если вы не можете без борьбы, сидите у себя дома и боритесь!.. Кто вам мешает?..

Толик приготовился что-то возразить, но тут зрочки его остановились, он напрягся и замер, как гончая, учуявшая дичь. Сильви проследила его взгляд, но не увидела ничего такого, что могло бы привлечь его внимание...

— Наши!..— Толик кивнул на группу молодых людей, робко

толкавшихся у обувной витрины.— Совки вы мои родимые!.. Нигде от вас спасу нет!..

— Почему ты думаешь, что это ваши?..— удивилась Сильви.— На них не написано!.. Может, поляки или югославы... Это же туристический район!..

— Наши!..— уверенно повторил Толик.— А галстучки на резиночках?.. А стадный способ передвижения?.. А ожидание провокации в глазах?.. Нет, я своих за версту чую!..

Толика тянуло на подвиги. Ему безумно хотелось завоевать Сильви сейчас, немедленно, сию секунду, и неожиданное появление соотечественников смутно обещало такую возможность...

— Привет, земляки!..— Толик с сердечной улыбкой подошел к сгрудившимся у витрины.— Услыхал родную речь — не мог пройти мимо... Я тут в долгосрочной командировке... А вы, как я понимаю, туристы?..

— Делегация от комсомола!..— авторитетно пояснил паренек в очках.— Активисты со всего Союза!.. Из Тулы, из Вологды, из Иркутска!..

— Молодцы!..— неизвестно за что похвалил комсомольцев Толик.— А не боитесь гулять в такое время?.. Спецслужбы не дремлют!.. Тут даже дворники — цереушники!..

— А чего нам бояться?..— хихикнула бойкая девчушка со ставропольским акцентом.— Мы поодиночке не ходим!.. И потом, у нас телефон посольства есть!..

— Значит так, ребята!..— внезапно посуровел Толик.— Обстановка сейчас напряженная. На правах старожила даю совет. По Плас Пигаль не шляться. В секс-шопах не светиться. В порнокинотеатры не ходить.

— Да, нас инструктировали...— разочарованно сказал кто-то из группы.— Туда не ходи, сюда не ходи... А куда же тогда ходить-то?

— В Лувр!..— жестко ответил Толик.— В Лувр и только в Лувр!.. В смысле провокаций это самое безопасное место... Что делать, ребята!.. Противно, но выхода нет!..

— Да нас только по музеям и водят!..— нестройно заныли комсомольцы.— Мы самого Парижа-то и не видели!.. А послезавтра уже улетать!..

— Кстати! — оживился Толик.— Может, передадите весточку на родину?.. Я мог бы воспользоваться служебными каналами, но раз есть оказия...

— Конечно, передадим!..— хором заверили комсомольцы.— Какие проблемы!.. Только адрес оставьте!.. Или телефон!..

Толик оглянулся по сторонам, давая понять, что дальнейшая информация не предназначена для посторонних ушей,— смышле-

ные комсомольцы мгновенно уловили толиков сигнал и тут же сдвинулись в тесный заговорщицкий кружок.

— Так вот, братцы-кролики!..— свистящим шепотом сказал Толик.— Передайте вашему гребанному правительству и лично товарищу Сулову...

Последние его слова утонули в громком гвалте проходившей мимо компании, но по застывшим лицам комсомольцев было видно, что они услышали все, что Толик хотел довести до их сведения...

...В следующую секунду они уже улепетывали вдоль по тротуару, целеустремленно тараня собой праздную толпу, точно небольшой кавалерийский эскадрон, срочно вызванный к месту боевых действий...

— Комсомольцы-ы, добровольцы-ы!..— дурашливо пел им вслед Толик.— Мы сильны нашей верною дружбой!.. Сквозь огонь мы пройдем, если нужно!..

— Толя, не надо!..— потянула его за руку Сильви.— Пойдем отсюда!.. Не хватало тебе в первый же вечер познакомиться с местной полицией!..

— Вот это свобода!..— изумился Толик.— Когда «голубые» хватают тебя за задницу — никакой полиции рядом нет, а когда тебе хочется спеть задушевную русскую песню — полиция тут как тут...

*

...Пока Сильви забирала в рецепции ключи и почту, Толик с удивлением наблюдал, как с улицы вползала в холл престранная процессия. Это были молодые бритоголовые люди в длинных просторных одеяниях и в сандалиях на босу ногу, каждый держал в руках что-то вроде деревянной трещотки, звук которой отдаленно напоминал треск кастаньет...

— Это кришнаиты,— объяснила Сильви, перехватив недоуменный толиков взгляд.— Они проводят марш мира. То есть, путешествуют по разным городам и раздают пацифистские воззвания...

Проходя мимо Толика и Сильви, кришнаиты так низко склоняли головы и так почтительно здоровались, как если бы сегодня им посчастливилось встретить самого Кришну с супругой. Судя по тому как спокойноотреагировала на появление пришельцев мадам Лоран, Толик понял, что эти странные люди тоже являются законными обитателями этого дома...

— Ты, наверное, очень устал...— сказала Сильви.— Но если завтра тебе не рано вставать, мы могли бы зайти ко мне и выпить кофе...

...Комната Сильви была под стать толиковой и выглядела более чем скромно. На туалетном столике громоздились всевозможные пузырьки, баночки, коробки, вороха дешевой бижутерии. С настенного календаря глупо улыбался красавец в плавках, рекламировавший лосьоны от Диора. На диване валялись брошенные и забытые впопыхах блузки и юбки...

Необъятный и таинственный мир, полный огней и интриг, сузился до размеров обычного гостиничного номера, и ореол «блистательной парижанки» вокруг Сильви изрядно померк, но сейчас Толику это даже нравилось: «домашняя» Сильви казалась ему проще, понятней и ближе, с ней он чувствовал себя спокойней и уверенней...

— Послушай!..— неожиданно для себя сказал Толик.— Сегодня я впервые прилетел в Париж... И первая женщина, которую я здесь встретил, была ты... Может, это судьба?..

— Я всего лишь соседка!..— Сильви была явно не готова к столь фундаментальному прологу.— Роман с соседкой — это несерьезно. Вот если бы мы столкнулись на улице, в толпе...

— Даже если бы я прожил в Париже всю жизнь,— Толик продолжал настаивать на эпохальной интонации,— и встретил тебя перед самой смертью, ты все равно была бы для меня первой!

— Красиво!..— смиренно согласилась Сильви.— Так мог бы сказать Мопассан. Правда, он сделал бы это втрое короче и не так патетично...

— У тебя есть кто-нибудь?..— почти грубо спросил Толик.— Ну, я имею в виду... друг или любовник... не знаю, как это у вас называется...

— А как ты думаешь? — Сильви все больше забавляла толикова основательность.— Я вполне взрослый человек. Должна же у меня быть какая-то личная жизнь?..

— Так вот с сегодняшнего дня,— мрачно объявил Толик,— никакой личной жизни у тебя не будет. Теперь я буду — твоя личная жизнь. Я один.

— Толя!..— Сильви даже всплеснула руками.— Да ты скрытый тиран!.. А как же все твои разговоры о свободе личности?..

— Свобода свободой,— без тени юмора сказал Толик,— а увижу здесь какого-нибудь козла — башку ему оторву, так и знай!..

Сильви расхохоталась. Толик некоторое время растерянно смотрел на нее, будто соображая, чем же он ее так рассмешил, а потом вдруг обхватил ее лицо ладонями и поцеловал прямо в смеющийся рот.

Среди ночи тишину дома прорезал истошный женский вопль, затем послышались сердитые мужские голоса. Беседа велась явно не в парламентарных тонах.

Сильви и Толик еще некоторое время лежали в постели, прислушиваясь к тому, что происходило в коридоре, а потом разом, как по команде, откинули одеяло и принялись одеваться.

Они успели как раз к финалу разыгравшейся драмы. Двое смуглых мужчин, явно южного происхождения, отчаянно жестикулируя, насакивали друг на друга, точно два бойцовых петуха. Красивая рослая женщина — вероятно, тоже дитя экваториального пояса — пыталась утихомирить их, как могла, но, в результате, только подливала масло в огонь. При всем своем лингвистическом невежестве Толик все-таки уловил, что перепалка шла на испанском.

Между тем коридор заполнялся людьми. Разноцветными стайками высыпали из своих комнат лилипуты. Степенной вереницей притопали кришнаиты. Появились еще какие-то люди, которых Толик видел впервые.

Внезапно один из спорщиков резко выбросил руку вперед — Толик даже не услышал звука удара — и его оппонент кубарем полетел вниз по лестнице. Победитель швырнул вслед поверженного еще несколько темпераментных проклятий, после чего сгреб рослую красавицу в охапку и стремительно уволок ее в комнату. Так Толик впервые познакомился с Рикардо и Долорес.

Толпа квартирантов постояла еще некоторое время в оцепенении, а затем, словно очнувшись, задвигалась, завозилась, зашумела...

Сильви и Толик спустились на один лестничный марш. Пострадавший лежал без движения, уткнувшись лицом в пол. На светлом пиджаке его во всю правую лопатку расплывалось громадное кровавое пятно. В центре пятна торчал здоровенный нож...

— Боже мой! — ахнула Сильви. — Надо срочно вызвать врача и полицию. Может быть, его еще можно спасти!..

Неожиданно пострадавший слабо застонал, зашевелился и вскочил на ноги с резовостью, которой никак нельзя было ожидать от столь очевидного кандидата в покойники. Он осторожно завел левую руку за спину и, чуть поморщившись, рывком выдернул нож из-под лопатки. Затем аккуратно вытер его носовым платком и сунул во внутренний карман пиджака с таким видом, как если бы это была обыкновенная расческа. Видимо, сознавая необычность продемонстрированного им аттракциона,

пострадавший счел необходимым обратиться ко всем присутствующим — а главным образом к Толику и Сильви,— с пространной тирадой, в которой французская речь была густо перемешана с испанской.

— Он говорит,— с трудом переводила Сильви,— что не надо ни врача, ни полиции. Он не хочет для Рикардо никаких неприятностей. Кроме того, Рикардо пытается заколоть его уже не в первый раз, но, по счастью, все заживает на нем, как на собаке...

С этими словами пострадавший задрал рубашку и предъявил любопытствующим смуглый живот, на котором и в самом деле можно было увидеть множество шрамов.

— Рикардо его близкий друг,— продолжала переводить Сильви,— и соратник по борьбе. Но Рикардо очень ревнив. Он постоянно рвнует всех к своей жене Долорес. Этот недостаток очень мешает ему, как лидеру, и собратья по партии неоднократно говорили ему об этом...

Толпа квартирантов сгрудилась на верхней лестничной площадке и напоминала благодарную цирковую галерку, каждую секунду готовую взорваться овациями на любую хлесткую реплику шпрыхсталмейстера.

— В заключение он хочет сообщить,— переводила Сильви,— что его зовут Хорхе Гонсалес. Он благодарит всех собравшихся за участие в его судьбе и считает, что пока в отдельных людях есть сострадание к ближнему, человечество может рассчитывать на лучшее...

Несостоявшийся покойник церемонно раскланялся и исчез в темноте лестничного марша.

Лилипуты и кришнаиты заплодировали.

*

...Утром Толик, довольный собой, стоял под душем. Сегодня ему нравилось все — нравилась погода, нравился Париж, нравилась Сильви, нравилась седенькая и чистенькая мадам Лоран с постоянно исходящим от нее слабым запахом пиццы, нравился весь этот суматошный дом, густо населенный эксцентричными фантомами из всех стран света, а самое главное — нравился себе и сам Толик, нравился глубоко и принципиально.

Вот он стоит, по пояс отраженный в запотевшем зеркале, совсем еще не старый мужчина с далеко не дряблыми мышцами, а если хорошенько выдохнуть воздух, то исчезнет и намек на грядущее пузцо, а если обратиться к хорошему стоматологу, то можно будет улыбаться обеими сторонами рта сразу... Нет, нет, сегодня Толик решительно себе нравился. Решительно и бесповоротно.

Зазвонил телефон. Толик выключил воду, подхватил полотенце и, наспех задрапировавшись, выскочил из ванной. В трубке любезно застрекотали по-французски, и Толик успел уже было приунуть, как вдруг в картавом мусоре чужой речи остро сверкнуло родное словечко «Москú».

— Да, да! — закричал Толик по-русски. — Это я заказывал Москву! — и, спохватившись, добавил: «Уи, уи, сэ муа! Мерси, мадемуазель!» В трубке что-то пискнуло, а потом послышался голос Евпатия.

— Але? — всего-то и произнес Евпатий, а Толик уже облился слезами. Такого тягучего, ленивого, томного «але» нельзя было услышать нигде в мире, кроме того громадного и чумазого города, который Толик любил и ненавидел одновременно и куда дорога была ему заказана раз и навсегда.

— Здорово, Евпатий! — слатывая слезы, проговорил Толик. — Это я, Толик Парамонов!.. Да Париж как Париж!.. Нет, в Лувре еще не был!.. Устраивался с жильем, то да се... Ты лучше расскажи, как вы там, мои дорогие!..

Сзади хлопнула дверь, но Толик не обратил на это внимания. Сейчас ему хотелось только одного — говорить!.. Говорить много, взахлеб и обо всем сразу, исторгая массу необязательных слов, перескакивая с темы на тему, промахивая важное и заостряясь на пустяках... Словом, говорить так, как это умеют делать только в Москве, в тесной компании, за бутылкой водки...

— Спасибо тебе за Андрея, Евпатий!.. Да, очень помог!.. Если бы не он, не знаю, что бы я делал!.. Да вот, жду ответа из редакций!.. Уверен, что напечатают!.. Парамоновы на улице не валяются!..

Сзади коротко кашлянули, Толик обернулся. У двери стоял Андрей. Живописный все-таки тип, этот Андрей. Черное пальто, черная шляпа, белый шарф. Элегантный кредитор с того света, явившийся по душу очередного грешника.

— Ты извини, Евпатий!.. — сконфуженно забубнил в трубку Толик. — В одном звонке всего не расскажешь!.. Я тебе потом перезвоню, ладно?.. А лучше напишу!.. Привет Аглае!.. Ах да, извини!.. Ну, пока!..

Толик положил трубку и с надеждой взглянул на Андрея. Он всегда презирал расфранченных хлыщей, слонявшихся по вечерам по улице Горького, подозревая в них либо альфонсов, либо фарцовщиков, но этот парижский плейбой внушал ему уважение и даже трепет. В его спокойствии чувствовалась скрытая сила. А кроме того, сейчас от Андрея зависела вся толикова жизнь.

— Я тебя предупреждал, — ровным голосом сказал Андрей, — у меня лишних денег нет. Международные звонки здесь стоят

недешево. Надо как-то соизмерять свои аппетиты со своими возможностями.

— Бог ты мой! — театрально завопил Толик, воздевая руки к небу. — Здесь все с утра до ночи говорят только о деньгах!.. Даже русские с их бескорыстием!.. Не серчай, барин!.. Заработаю — отдам!..

— Хочется верить, — Андрей смотрел на Толика без улыбки. — Но покамест мне дали понять, что местная печать в твоих услугах не нуждается...

— Отказали? — ахнул Толик и забегал по комнате. — Везде отказали?... Да нет, ты что-нибудь не так понял!.. Не могли они отказать!.. На каком основании?..

— Чисто советский синдром! — жестко усмехнулся Андрей. — Ты еще спроси, по какому праву?.. Тут тебе не Москва, паренек!.. Качать права будешь в родном жэке!..

— Но как они успели все прочитать? — не унимался Толик. — Нет, нет, тебя просто обманули!.. За такой короткий срок невозможно прочесть даже один мой роман!..

— Видишь ли, — рассудительно сказал Андрей, — в редакциях сидят профессиональные люди. Им незачем читать тебя целиком. Достаточно десяти страничек, чтобы понять, что твоя фамилия не Толстой!..

Толик задохнулся от возмущения, пытался что-то сказать, но вместо слов из гортани его вырвалось какое-то бульканье. Он сел на диван и закрыл лицо руками. Андрей смотрел на него печально и сочувственно.

— Ладно, собирайся! — сказал он со вздохом. — Попробуем сунуться еще в одно местечко. Только на этот раз таскай свое творчество сам. Я тебе больше не носильщик!

*

...Обстановка издательского офиса не вызвала в Толике никаких уважительных эмоций... Три задрипанных комнатухи, сплошь забитые пыльными связками книг и журналов в анонимно серых обложках... Да и сам хозяин офиса — хрупкий старичок в простом костюмчике — больше походил на среднего советского бухгалтера, нежели на серьезного парижского издателя... Самой яркой и шумной фигурой в этой скромной обители был здоровенный говорящий попугай. Попугай говорил исключительно по-русски. Он раздражал Толика тем, что постоянно встревал в разговор и задавал дурацкие вопросы посредством цитат из русской классики.

— Ну, хорошо! — азартно наседавал на старичка Толик. — Пусть вам не нравится моя проза!.. Но почитайте хотя бы мою

публицистику!.. К примеру, вот это!.. «Амурные похождения Екатерины Фурцевой!»

— Послушайте! — старичок был вежлив, но непреклонен.— Нас не интересуют ничьи амурные похождения. Я готов дать вам тысячу франков из личных денег, но я не могу рисковать репутацией издательства...

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром? — хрипло заорал попугай и требовательно уставился на Толика.

— Черт подери! — в поисках поддержки Толик обернулся было к Андрею, но тот сосредоточенно уткнулся в журнал, делая вид, что все происходящее его не касается.— Черт подери, да кто вам сказал, что, печатая мои вещи, вы чем-то рискуете?.. Меня читает вся советская интеллигенция!

— Не могу ей этого запретить! — развел руками старичок.— о вкусах не спорят!.. Хотя лично я на ее месте читал бы Гоголя...

— Русь, Русь, куда несешься ты?!— снова прохрипел попугай и, нахохлившись, замер, видимо, потрясенный глубиной вопроса.

— А позвольте поинтересоваться,— ехидно прищурился старичок.— У вас есть лагерный цикл «Мордовские рассказы». Вы что, сидели в Мордовии?..

Вопрос был неожиданным и попал в точку. Толик смущенно заерзал в кресле, но по инерции продолжал сохранять наступательный тон.

— Нет, не сидел!.. А разве это необходимо?.. Есть документы, свидетельства, очевидцы... Писатель имеет право на художественный домысел!..

— Мой вам совет,— наставительно сказал старичок.— Никогда не пишите о страданиях, которых не испытали лично. Это неблагородно.

— Нет, ты слышал?!— Толик сардонически расхохотался и снова обернулся к Андрею.— Они еще нас учат!.. Ну, конечно, им отсюда виднее, что делается в наших лагерях!..

— Мне виднее,— устало подтвердил старичок.— Я отсидел там тринадцать лет. Извините, у меня еще сегодня много работы. Сожалею, что не смог быть вам полезным.

Толик сгреб со стола свои листочки, подхватил свой необъятный чемодан и, кренясь на ходу, как корабль, получивший проболтуну, направился к выходу.

— Хотят ли русские войны? — ни к селу, ни к городу спросил попугай. Толик не ответил.

*

Андрей спускался по лестнице первым. Он шел легкой походкой независимого человека, даже не оборачиваясь на своего спутника, видимо, пребывая в спокойной уверенности, что тот наверняка следует за ним. Толик красный, злой и взъерошенный, одышливо пыхтел сзади, волоча за собой злополучный чемодан.

— Не вешай нос! — по-прежнему не глядя на Толика, посоветовал Андрей. — Среди здешней русской эмиграции есть состоятельные люди. Найдем тебе покровителя!..

— Найдешь их тут! — задавленно просипел Толик. — У них один принцип: выгодно или невыгодно!.. А на русскую литературу им наплевать!.. Торгаши вонючие!..

— А ты как думал? — ласково удивился Андрей. — Тут тебе не московская кухня: бутылка водки, килька в томате и карбонарские разговоры до утра!.. Тут работать надо!..

*

...Толик кое-как угромоздил свой чемодан в багажник и с облегчением плюхнулся на сиденье рядом с Андреем. Машина тронулась.

— Слушай-ка! — неожиданно сказал Андрей. — А не плюнуть ли нам на великую русскую литературу, а?.. У меня на примете есть одна толковая фирма. Они делают прелестные гробы!..

— Что?.. — Толик поперхнулся сигаретой. — Какие к черту гробы?.. Шуты поизящней, а то у меня нервы не в порядке...

— Я не шучу! — Андрей пристально смотрел на дорогу. — Чистое дело и приличные деньги. Работают в основном эмигранты. Поляки, сербы, турки...

— Издеваешься? — на глазах у Толика закипели слезы. — Да лучше я подохну с голоду, чем стану делать гробы!.. Я не гробовщик, я писатель!..

— Ты уверен? — спокойно спросил Андрей. Спросил буднично, без иронии, без желания обидеть. Спросил, вовсе не ожидая ответа, словно он был известен ему и так. — Спрячь свои амбиции, дружок!.. В Париже хороший гробовщик стоит дороже, чем говенный писатель...

*

...Толик втащил чемодан в комнату и бухнул его на пол. Затем пошарил в шкафу и достал оттуда заветный моток веревки. Он долго и тщательно ладил петлю, придирчиво вымерял длину

веревки, вдумчиво изучал потолок. Когда же наконец он надел петлю себе на шею, закрыл глаза и попытался сосредоточиться перед прыжком в вечность,— за стеной ликующе скрипнули диванные пружины и во всю мощь загремела неизбывная кумбия...

Толик стоял на стуле с закрытыми глазами и с петлей на шее, не будучи в силах даже возмутиться. Он стоял, величественный и оскорбленный, как приготовившийся к молитве пустынный, на голову которому нагадил случайный орел... Затем сбросил с себя петлю и принялся отвязывать веревку...

*

Здесь, в коридоре, кумбия гремела еще громче. Толик постукал — сначала тихонько, потом настойчивее. Ему не ответили. Тогда он толкнул дверь и шагнул в комнату. Шагнул и обмер. В комнате, сплошь заклеенной портретами Маркса и Че Гевары, прямо под кумачовым транспарантом с пламенной формулой: «Patria a muerte!» на углу скрипучем диване революционная супружеская пара истово и простодушно занималась любовью...

Женщина увидела Толика, округлила глаза и сказала мужчине что-то по-испански. Пара вскочила с дивана, прикрывая причинные места. Толик смутился, но ненадолго: эти бесстыжие дети Кордильер сорвали ему мероприятие посерьезнее...

— Мьюзик!.. — выразительно сказал Толик и заткнул себе уши пальцами. — Слишком громко!.. Вы тут не одни!.. Так нельзя!..

Рикардо и Долорес стояли перед Толиком голые, как Адам и Ева накануне изгнания из Эдема, и старались понять, чего хочет от них этот незванный и сердитый визитер.

— Нон мьюзик! — Толик попытался быть максимально доходчивым. — Выключите эту хреновину!.. Вас слышно на весь квартал!..

Рикардо и Долорес переглянулись и снова уставились на Толика. Тогда Толик размашисто прошагал через всю комнату, протянул руку к магнитофону и резко нажал нужную кнопку. Кумбия смолкла.

— Вот так!.. — наставительно сказал Толик. — И давайте договоримся, впредь без музыки!.. Все то же самое, но без музыки!..

Рикардо, наконец, сообразил, что происходит, и с яростным рыком ринулся на Толика. Какое-то время Толик трепыхался в его мощных лапах, как перепелка в силке, потом мир для него перевернулся, и он почувствовал, что летит... Приземлился он на той же лестничной площадке, что и злосчастный Хорхе Гонсалес, в точности повторив его траекторию...

Захлопали двери. Дом, охочий до зрелищ, привычно заполнял «галерку». Шумно гомонили лилипуты. Опасливо шуршали кришнаиты. Снизу, из рецепции, квохча, прискакала мадам Лоран. Последней появилась Сильви...

Рикардо, застигнутый публикой неглиже, неожиданно застенялся и нырнул к себе в комнату. Оттуда — больше для порядка — выкрикнул еще несколько раскатистых испанских ругательств и только после этого захлопнул дверь...

— Толя! — Сильви коснулась волосами толикова лица. — Как ты себя чувствуешь?.. Он тебя не ранил?..

— Ничего!.. — Толик ошупал голову и поморщился. — Только башкой треснулся... Ты видела, как я летел?..

— Да, — сказала Сильви. — Это было эффектно. Ты летел, как Хорхе Гонсалес. Вверх тормашками.

— Я летел, как буревестник, — поправил Толик. — А вот приземлился незелегантно. Но я потренируюсь!..

Он поднял глаза. «Галерка» смотрела на него с доброжелательным ожиданием: любой спектакль требует внятной точки. Что ж, традиция есть традиция.

— Спасибо за внимание, господи!.. — поблагодарил Толик. — Простите, что мало!.. Надеюсь, в ближайшее время побаловать вас чем-нибудь еще!..

*

...Мрачный Толик, раздетый по пояс, сидел на диване. Сильви хлопотала вокруг него, как трепетный реставратор вокруг античной статуи, щедро заклеивая пластырем свежие садины...

— Что за манера трахаться под музыку?.. — вслух размышлял Толик. — Да еще под портретами вождей!.. Это что, как-то бодрит?.. Или это просто марксистский принцип?..

Сильви понимала, что эксцентричные супруги Фуэнтес меньше всего занимают сейчас толиковы мысли. Сегодня произошло нечто посерьезнее и пострашнее, чем скандал на лестнице, сегодня разом рухнули все толиковы иллюзии и погребли под своими обломками не только его гордыню и честолубие, но и самое желание жить...

— Толя!.. — осторожно сказала Сильви. — А может, нам попробовать издать твою книгу за собственный счет?.. Я не знаю, сколько это может стоить, но у меня есть кое-какие сбережения...

— Еще чего!.. — вспыхнул Толик. — За собственный счет пусть издаются графоманы!.. А настоящая литература не нуждается в милостыне!.. Она сама эту милостыню подает!..

— Извини! — тихо сказала Сильви. — Просто ты мне нра-

вишься... И мне хотелось тебе помочь... По-моему, это вполне естественное желание...

— Ты мне тоже нравишься...— Толик попытался улыбкой снять напряжение.— Но у тебя есть только один способ мне помочь... Надо каждый день говорить мне, что я гений!..

— Это нетрудно!..— Сильви все еще продолжала дуться.— Можно я начну прямо сейчас?.. Ты гений, ты гений, ты гений!..

В дверь вежливо поскреблись, и на пороге возникла мадам Лоран. Из-за ее не очень внушительных бедер выглядывали встревоженные мордашки лилипутов. Пришедшие заговорили громко, одновременно и без пауз, пытаясь перекричать друг друга,— все это вместе создавало впечатление сплошного немолчного цикадного звона, из которого трудно было выловить какой-нибудь один магистральный звук

— Мадам Лоран говорит,— наконец сориентировалась Сильви,— что кто-то вызвал сюда полицию... Полицейские уже были и хотят побеседовать с пострадавшим. То есть, с тобой...

Похоже, между хозяйкой дома и ее маленькими квартирантами назревал нешуточный конфликт — лилипуты гневно дергали мадам Лоран за юбку, та шипела на них, как гусыня на непослушных гусят. Не найдя согласия в своих рядах, вся компания снова развернулась к Толику и Сильви

— Мадам Лоран просит тебя замаять недоразумение! — под возмущенный ропот лилипутов перевела Сильви.— Она говорит, что до сих пор ее дом пользовался приличной репутацией, и ей не хотелось бы иметь неприятности с полицией...

— О чем речь!..— Толик великодушно развел руками.— Скажи ей, что месье Фуэнтес мне даже симпатичен!.. Если бы все коммунисты занимались только тем, что с утра до вечера трахали своих жен,— мир полюбил бы их, как родных!..

По добродетельному лицу мадам Лоран пробежала тень смятения. Она была явно шокирована демократичностью толиковых формулировок, но, поскольку главный очаг ее беспокойства был ликвидирован, она рассыпалась в благодарностях и устремилась вниз по лестнице, увлекая за собой ворчащих лилипутов, довольных столь грубым и очевидным поправлением истины...

— А все-таки хорошо,— сказал себе Толик,— что этот опереточный идиот съездил мне по морде!.. Иногда это бывает полезно!.. Мужчина не должен кукситься, он должен бороться!..

*

...В холле собрались все обитатели дома. Лилипуты и кришнаиты облепили троих полицейских и хором давали показания.

Рикардо и Долорес кричали громче всех, но их никто не слушал. С появлением мадам Лоран, Сильви и Толика все взгляды обратились в их сторону. Один из полицейских — видимо, старший — безошибочно угадал в Толике пострадавшего.

— Может ли месье Парамонов,— обратился полицейский к Толику,— подробнее изложить суть конфликта, происшедшего между ним и месье Фуэнтесом?..

Сильви перевела вопрос на русский.

— Никакого конфликта не было! — беспечно пожал плечами Толик.— Я спускался по лестнице и оступился. Со мной это бывает.

— Но свидетели утверждают,— с нажимом продолжал полицейский,— что месье Фуэнтес периодически устраивает в доме дебоши на почве ревности. Так ли это?..

— Кто это утверждает?! — почти искренне возмутился Толик.— Супруги Фуэнтес — образец семьи!.. Я в жизни не видел более корректных и воспитанных людей!..

Сильви чуть не прыснула, но честно перевела сказанное на французский.

— Следует ли понимать ваши слова таким образом,— попытокнул полицейский,— что у вас нет никаких претензий к месье Фуэнтесу?..

— Абсолютно! — твердо отчеканил Толик.— Надеюсь, что и месье Фуэнтес не испытывает ко мне никаких иных чувств, кроме уважения и симпатии!..

Рикардо заулыбался, закивал, зажестичулировал и кинулся сжимать Толика в объятиях, с такой страстью, как будто внезапно встретил фронтного друга, которого уже не чаял застать в живых.

Толпа заметно поскущелась, потеряла интерес к происходящему и стала потихоньку разбредаться по этажам. Полицейские оттерли в сторону мадам Лоран и вполголоса уточняли с ней какие-то формальности. В холле остались только две пары — Рикардо и Долорес, Толик и Сильви.

Рикардо отвесил Толику картинный поклон и, сделав серьезное и важное лицо, произнес несколько фраз на своем ломаном французском.

— Рикардо говорит, что он приносит тебе свою благодарность!.. — бесстрастно перевела Сильви.— Сегодня ты помог не Рикардо Фуэнтесу!.. Сегодня ты помог революции!..

— Пошел он в жопу со своей революцией!..— приветливо улыбаясь, ответил Толик.— У меня от своей изжога!.. Робеспьеров до хера, а работать некому!..

— Так и перевести? — без улыбки спросила Сильви.— Нет, уж, я сделаю свой перевод!.. Во избежание неприятностей!..

Видимо, Сильви сделала перевод весьма далекий от оригинала, ибо Рикардо расплылся в довольной улыбке и разразился еще более пространной тирадой.

— Рикардо очень рад, что вы единомышленники! — перевела Сильви.— Сегодня годовщина свадьбы Рикардо и Долорес!.. Приглашены только самые близкие друзья!.. Семья Фуэнтес считает нас таковыми!..

*

...И снова затрещали маракасы и застонали гитары. Гостей набралось человек пятнадцать, мужчины и женщины, в основном, молодежь. Гортанные, смуглые, белозубые,— все они, видимо, были детьми одной и той же страны.

Улыбающийся Рикардо галантно наполнял бокалы и делал пряные комплименты женщинам. Танцующая Долорес раскручивала юбку вокруг бедер, время от времени демонстрируя присутствующим трусики цвета кумача. Томный Хорхе Гонсалес смотрел на нее глазами, похожими на две лопающиеся от сока вишни.

Толик и Сильви толкались среди танцующих пар, как два петеушика на выпускном балу. Толику было хорошо и спокойно. Даже портрет Маркса на стене не вызывал у него никаких эмоций: дед как дед, а если прищуриться, то даже смахивает на Дарвина.

Неожиданно музыка оборвалась — Рикардо пожелал сказать спич. Говорил он долго, хрипло и энергично, рубя воздух обеими руками, как, в общем, и полагается уважающему себя лидеру. Глаза присутствующих горели нездешним огнем, некоторые сморкались в носовые платки...

— Ты бы хоть перевела! — шепотом попросил Толик.— А то сию, как тумбочка!..

— Он говорит по-испански! — так же шепотом ответила Сильви.— Я поняла только два слова— «любовь» и «революция»!

Рикардо закончил речь и тут же запел «Интернационал», все слаженно поддержали, видимо, это было традицией. Толик пел вместе со всеми, пел по-русски, с трудом вспоминая слова.

Сильви толкнула его в бок, он поднял глаза и поперхнулся на середине фразы. В проеме открытой двери стоял Андрей. Лицо его было насмешливо и спокойно. Толик судорожно поозирался — никто не обращал на него внимания. Тогда он потихоньку выбрался из-за стола и почему-то чуть не на цыпочках вышел из комнаты, не забыв аккуратно притворить за собой дверь.

*

— Славные у тебя приятели!.. — похвалил Андрей. — И очень музыкальные!.. Почему бы тебе не разучить с ними пару песен Серафима Туликова?..

— Понадобится — разучу!.. — окрысился Толик. — Это не твое дело!.. И вообще мне надоело, что ты учишь меня жить!..

— Да что ты?.. — Андрй округлил глаза. — А тебе не надоело, что я оплачиваю твое существование?.. Или это тоже не мое дело?..

— Пойми меня правильно!.. — Толик сбавил тон. — Я очень благодарен тебе за поддержку... Но нельзя же обращаться со мной, как с семилетним пацаном!..

Внезапно «Интернационал», уже набравший было грозовые обертона, оборвался на полупhrазе. Дверь комнаты Фуэнтесов с треском распахнулась, и оттуда панической ласточкой выпорхнул Хорхе Гонсалес. Изящно приземлившись на своей обычной посадочной площадке, он быстро вскочил на ноги, одернул задравшийся пиджак и, заметив случайных зрителей, философически развел руками: мол, чего же иного ждать от этого дикаря Рикардо, такой уж у него поганый характер!..

— Как мило!.. — восхитился Андрей. — Простенько и доступно!.. И часто вы так развлекаетесь?..

— Рядовой аттракцион!.. — прокомментировал Толик. — Орлята учатся летать!.. У нас еще и лилипуты есть!..

— А теперь о деле!.. — посерьезнел Андрей. — Некая дама прочла пяток твоих рассказов и, кажется, готова их напечатать!..

— Правда?.. — вскинулся Толик. — Так что же ты молчал?.. Пять рассказов — это, конечно, чепуха, но лиха беда начало... А что за дама?..

— Сурьзная дама! — успокоил его Андрей. — Пра-пра-пра... правнучка художника Кипренского. Или его однофамилица. Очень авторитетна в русских издательских кругах!..

— Спасибо тебе, Андрей! — Толик растрогался до слез. — Ты настоящий товарищ!.. А то я уж было перестал надеяться!..

— А ты не торопись надеяться! — остудил Толика Андрей. — Сначала вам надо познакомиться!.. Так что живо собирайся и спускайся вниз!..

*

...Ресторанчик был заполнен наполовину. Публика здесь собралась, в основном, пожилая и спокойная. Только в темной нише, как кроты в норе, возились невидимые до поры оркестранты, — видимо, готовились к выступлению.

— Здесь бывают только русские,— пояснил Андрей.— Русская кухня, русский оркестр... Хотя все это, конечно, клюква для старичков... Повспоминать, поплакать... Молодежь сюда практически не ходит...

— Мадам заставляет себя ждать! — Толик глянул на часы.— Ты уверен, что она вообще придет?..

— Не нервничай! — Андрей критически оглядел своего подопечного.— Что ты насупился, как милиционер в засаде?.. Ослабь галстук, взбей челку и вообще веди себя попроще...

— Шармерствовать я не буду! — гордо заявил Толик.— Я не Ален Делон!..

— Иди ты! — удивился Андрей.— А я вас все время путаю!.. Ну, раз ты не Делон, у тебя только одно оружие — пламенный глагол!..

Толик не успел ответить. Андрей вдруг сорвался с места и, лавируя между столиками, кинулся навстречу немолодой даме в каштановом парике. Толик надеялся увидеть некую парижскую диву с лебединой шеей и фиолетовыми глазами, нечто вроде тех, что показывают по телевизору с международных выставок женских мод, а увидел довольно нескладную пожилую тетку в скромном сером костюмчике, напоминавшую скорее школьную директрису или секретаря райкома. Толик захандрил и потянулся к водке.

— Она, видишь ли, желает познакомиться! — мрачно сказал себе Толик и наполнил стакан до краев.— Тоже мне, принцесса монашеская!.. А с Чеховым она не желает познакомиться?..

Он выдохнул воздух, поморщился и разом опрокинул водку в рот. Оркестр заиграл «На сопках Манчжурии». За столиками оживились, зазвякали посудой, загомонили...

— Придется немного подождать! — Андрей наконец вернулся к столику.— У нее сегодня несколько деловых встреч. Она даст знать, когда освободится.

— Ах, к ней еще и очередь!..— развеселился Толик.— Ну, тогда я пошел танцевать!.. Не могу же я сидеть весь вечер, как дурак с вымытой шеей!..

— Не бузи!..— предупредил Андрей.— И перестань изображать расшалившегося гения!.. В конце концов, сегодняшнее мероприятие нужно только тебе!..

— Но ты же сказал: «будь попроще»! — кротко изумился Толик.— Вот я и пытаюсь быть попроще!.. Почему я не могу потанцевать?.. Или в этой кунсткамере не танцуют?..

— Сядь! — жестко приказал Андрей.— Я сказал тебе, сядь!.. Если ты сию же минуту не сядешь на место, я плюну на все и уйду!..

— Ой, как страшно! — Толик глумливо зажмурил глаза.— Думаешь, кинул мне башлей, так я у тебя в кулаке?.. Да положил я на твои башли!.. Я свободен, понял?.. Сво-бо-ден!..

Толик лихо крутнулся на каблуках, показывая Андрею до какой именно степени он свободен, и, слегка покачиваясь и натываясь на столики, целеустремленно двинулся в сторону оркестра. Андрей дернулся было за ним, но так и остался на месте.

— Господа! — зычным голосом профессионального массовика сказал Толик, и одуванчики голов, как по команде, развернулись в его сторону. Оркестр стушевался и смолк.

— Господа!.. Насколько я понимаю, мы все пришли сюда, чтобы оплакать горькую судьбу России!.. Так давайте же кручиниться организованно!.. Предлагаю сеанс коллективной ностальгии!.. Итак, подо что сегодня плачем, господа?.. Что наиболее эффективно вышибает у нас слезу?.. «Очи черные»?.. «Амурские волны»?.. Или «Подмосковные вечера»?..

Публика озадаченно молчала, но Толик и не нуждался в диалоге. Он достал из кармана несколько скомканных купюр и размашистым жестом швырнул их аккордеонисту. Оркестр заиграл что-то элегическое. Толик легко, как ридиску, выдернул из-за столика какую-то старушку и повел ее в медленном танце, чуть придерживая за талию...

— Господа, не отлынивать! — Толик яростно продолжал активизировать массы.— Плачут все без исключения!.. Второй столик слева, не вижу слез!.. Третий столик справа, не слышу рыданий!.. Господа Шереметьевы, Юсуповы, Голицыны, па-а-ачему такая пассивность?!..

Он наконец отпустил свою невесомую партнершу, и та опала у него в руках, как проколотый воздушный шарик. Толик элегантно донес ее до первого попавшегося стула и тут же принялся составлять другие танцевальные пары. Он беспардонно срывал с мест старичков и старушек и выталкивал их в центр зала. Белоголовые старички колыхались под музыку, как одуванчиковое поле под слабым ветром...

— А ну, вынуть платки!..— надрывался Толик.— Изойдем слезой во славу отечества!.. Столик у окна, не откалывайтесь от коллектива!... Вам что, нечего оплакивать?.. А бестужевские курсы?.. А государственная дума?.. А уха с расстегаями?..

Он продолжал выкрикивать нечто пламенное, даже когда Андрей сгреб его в охапку и понес к выходу. В последний момент в толиковых глазах сфокусировалось лицо дамы в каштановом парике. Она смотрела на Толика без улыбки, но с явной заинтересованностью. И Толик решил, что она, в общем, ничего. Не красавица, конечно, но ничего, ничего...

*

Андрей тащил упирающегося Толика к машине и попутно старался успокоить метрдотеля. Следом за ними на улицу выскочили еще несколько служащих ресторана — видимо, гости со столь ярко выраженной индивидуальностью, как у Толика, были в этом заведении большой редкостью...

— Без рук!.. — буянил Толик. — Я сказал, без рук!.. В няньках я не нуждаюсь!.. Я вполне взрослый человек и могу сам отвечать за свои поступки!..

— Взрослый, взрослый!.. — миролюбиво согласился Андрей, запихивая Толика в машину. — Ты у нас очень взрослый!.. Вот только бы отучить тебя писать в постельку!..

*

...В холле был пригашен свет. Видимо, все жильцы, включая мадам Лоран, уже спали. Толик ступил на лестницу, как на заминированный мост. Он тщательно проверял подошвами каждую ступеньку, будто она того и гляди уплывет из-под ног...

И все же перед самым финишем случился конфуз. В какой-то момент Толик вдруг не ощутил под рукой перил, потерял равновесие и, хватая воздух руками, грохнулся на все четыре конечности...

От него шарахнулись две тени, и он понял, что спугнул любовную парочку. Лилипут и лилипутка замерли в коридорной нише и смотрели на Толика с таким ужасом, как если бы он был внезапно вернувшийся из командировки муж. Лицо лилипута цвело алыми пятнами губной помады...

— Ай-яй-яй!.. — ласково пожурил влюбленных Толик. — Такие маленькие, а занимаются такими делами!.. Вот я скажу вашей пионервожатой — она оставит вас без компота!..

Наверху скрипнула дверь. Толик поднял глаза. Сильви стояла на пороге своей комнаты и молча смотрела на Толика. Толик скорбно вздохнул и попытался подняться. Лестница снова попробовала встать на дыбы, но он уже крепко держался за перила...

*

...Вот уже минуту Толик тшился содрать с себя брюки. Незамысловатый этот трюк сегодня давался ему с превеликим трудом. Брюки никак не хотели расставаться с Толиком, пока он не сообразил, наконец, что не худо бы сначала снять туфли.

— ...Глупый город!.. — сказал Толик тоном, исключавшим

всякую полемику.— Город канареек!.. Все чего-то клюют, все чего-то щебечут, и никому ни до кого нет дела!..

— Толя!.. — мягко возразила Сильви.— А может, это и есть свобода?.. Когда никому ни до кого нет дела?.. Ты же сам говорил, что в Москве к тебе испытывали слишком пристальный интерес...

— Что ты знаешь о Москве?..— сентиментально оскорбился Толик.— Это потрясающий город!.. Для того, чтобы понять, что такое Москва, надо там жить!..

— Я допускаю,— коварно согласилась Сильви,— что Москва — лучший город в мире, а Россия — лучшая в мире страна... Но я не могу понять, почему вы оттуда бежите?..

— Не можешь понять?..— глаза у Толика заволоклись туманом, в голосе появились inferнальные интонации.— И правильно, что не можешь!.. Запад никогда не сможет нас понять!.. Потому что мы для вас — величайшая загадка!..

С этими словами Толик гордо отчалил в туалет. Через секунду оттуда донеслись мучительные звуки рвоты...

*

...Среди ночи в доме опять поднялся переполох. Зажглись окна, захлопали двери. Толик открыл глаза, пошарил рукой по одеялу — Сильви рядом не было. В световом прямоугольнике полуоткрытой двери всполошенно металась неясная тень. Толик натянул майку и джинсы и осторожно выглянул в коридор.

Пестрая толпа полуодетых жильцов нервно топталась возле комнаты Фуэнтесов. Дверь была распахнута настежь, но зрителей собралось так много, что они не могли поместиться в дверном проеме. Лилипуты залезали друг другу на плечи, желая получше разглядеть, что происходит внутри.

Толик несколько раз обошел толпу с тыла, пытаясь втиснуть голову в какой-нибудь зазор, но вовремя понял, что это не более здравая затея, чем поместить ее в слесарные тиски. Из-под чьей-то подмышки вынырнула встревоженная Сильви.

— Полиция арестовала Рикардо! — сообщила Сильви.— Оказывается, он был организатором какой-то террористической группы!.. Что-то вроде «Красных бригад»!..

Толпа любопытствующих всколыхнулась, образуя живой коридор, и двое полицейских вывели из комнаты Рикардо. Лицо его было известково-белым, на руках посверкивали никелированные наручники. Рикардо приветственно вскинул руки и выкрикнул что-то по-испански...

Мадам Лоран одышливо металась по лестнице, шараясь от

стен и задевая за перила, как пожилая летучая мышь. Она хватала полицейских за руки, пытаясь что-то им объяснить. Те вежливо отстранялись.

— Мадам Лоран говорит,— переводила Сильви,— что семья Фуэнтес всегда была ей несимпатична. Но она не подозревала, что пригрела в своем доме бандитов и убийц!..

Между тем полицейские выносили из комнаты Фуэнтесов ящики с опасной начинкой — гранаты, автоматы, пластиковые бомбы... Тускло отсвечивали черные автоматные стволы... Толпа замороженно молчала...

*

Где-то в глубине комнаты забилась в истерике Долорес. Сильви и Толик, расталкивая толпу, кинулись на крик. Всклоченная и полураздетая Долорес, бурно жестикулируя и обливаясь слезами, произносила трагический монолог, обращенный ко всем сразу и ни к кому в отдельности.

— Долорес боится,— переводила Сильви,— что теперь мадам Лоран выставит ее на улицу. Но Долорес ни в чем не виновата. Рикардо не посвящал ее в свои дела...

В толпе зашмыгали носами. Если еще минуту назад симпатии жильцов были на стороне романтического бунтаря Рикардо, то теперь единственным объектом их сочувствия была бедная покинутая Долорес...

— Долорес говорит,— продолжала переводить Сильви,— что она никогда не любила Рикардо. Ей всегда нравился Хорхе Гонсалес. Но Хорхе был женат, и она не хотела разбивать семью...

Долорес рванулась к платяному шкафу, рывком распахнула дверцы и вытащила из вороха шмотья неведомо как и откуда попавшую сюда буденовку.

— Долорес говорит,— Сильви едва поспевала за темпераментной речью южанки.— Долорес говорит, что Рикардо был политический извращенец. Когда он занимался с ней любовью, он заставлял ее надевать вот это!..

Долорес нахлобучила на себя буденовку и выразительно развела руками, точно призывая всех стать свидетелями ее поруганной чести.

Так и стояла она перед разноцветной и разноязыкой толпой — экзотическое дитя экватора в вылинявшей русской буденовке — не умеющая постичь все запутанные экзистенциальные связи этого безумного мира...

*

Утром уезжали лилипуты. Они высыпали на улицу стайкой цветных колибри. Цирковая дирекция прислала за ними специальный автобус, два огромных негра забрасывали в багажное отделение саквояж и чемоданы.

Часть жильцов спустилась вниз проводить отъезжающих.

— Пустеет дом,— печально сказала Сильви.— Как все-таки люди привыкают друг к другу... Вот уедут эти маленькие — и жизнь станет немножко другой...

Автобус наконец тронулся, открывая противоположную сторону улицы, и Толик вздрогнул от неожиданности: перед ним, облокотившись на капот своего автомобиля, стоял улыбающийся Андрей.

— Добрый день, мадемуазель! — Андрей поклонился Сильви.— Вы не возражаете, если я украду вашего друга?.. Нам предстоит срочный деловой визит!..

*

— Вот это сюрприз! — Толик торопливо вытряхивал из платяного шкафа все его небогатое содержимое.— Я-то думал, что после моего выступления в ресторане она и слышать обо мне не захочет!..

— Я тоже так думал!..— Андрей долго и дотошно перебирал толиковы галстуки, пока, наконец, не выбрал более или менее подходящий.— Но женская душа потемки!.. Я считаю, что ты обычная свинья, а она считает, что ты неординарная личность!..

*

...За стеклом автомобиля проплывал универмаг «Тати». Толик, прежде не видевший «Тати» ни в кино, ни по телевизору, ни воочию, сумел бы узнать его и без вывески — это был знаменитый дешевый рай для советских туристов, не менее знаменитый в Москве, чем, скажем, Лувр или Эйфелева башня.

За универмагом потянулись крохотные лавчонки без названия, торговавшие одеждой и обувью — турецкие, алжирские, марокканские...

— А куда мы, собственно, едем? — вдруг обеспокоенно заерзал Толик.— Надеюсь, не в тот же самый ресторан?

— Мы едем к ней домой! — бесстрастно ответил Андрей.— У вас сегодня конфиденциальная встреча. То есть, без меня.

— Как это без тебя?..— совсем разнервничался Толик.— Это что еще за игры?.. Я что, похож на альфонса?..

— Нет, Толик, до альфонса тебе далеко. Альфонсы меньше комплексуют. И гораздо лучше одеваются!..

*

...В маленьком турецком магазинчике Толику выбирали костюм. Владельцы магазинчика — шумная турецкая семья — старики, взрослые, дети — хором давали советы, восхищенно цокали языком, вытаскивали на свет Божий все новые костюмы. Андрей придирчиво шупал материю, морщился, отрицательно качал головой и тыкал пальцем в очередную модель на витрине.

— Ну, на кой мне костюм?..— вяло сопротивлялся Толик.— Я же не свататься еду. А для деловой встречи сойдет и мой собственный. Он вполне приличный. Болгарский.

— У тебя жирное пятно на лацкане!..— Андрей придирчиво шупал очередную модель.— А ты его даже не заметил!.. И вообще, такое впечатление, что ты носишь этот костюм с детства!..

Наконец Андрей утвердительно кивнул головой — долгожданный выбор обновки состоялся. Толик нехотя отправился в примерочную кабинку. Он уже почти разделся, когда занавеска чуть отодвинулась, и в кабинку всунулась лукавая мордочка турчонка. Пацаненок пробормотал какие-то извинения и положил на стул рядом с Толиком нарядный целлофановый пакет.

— Обновляться так обновляться! — донесся из-за занавески голос Андрея.— В пакете носки и плавки!..

— А это еще зачем? — встревоженно поинтересовался Толик.— Зачем мне носки и плавки?..

— Лучше быть во всеоружии! — философски ответил Андрей.— Мало ли как сложится беседа!..

*

...За окном тянулись парижские пригороды. Нахохлившийся Толик — в новом костюме и с букетом роз — напряженно молчал всю дорогу. Наконец не выдержал.

— Послушай!.. Насколько я понимаю; речь должна идти о публикации моих рассказов, так?.. Тогда для чего весь этот маскарад?.. И при чем тут носки и плавки?..

— Дикий человек!..— покачал головой Андрей.— Ну, если у дамы возник интерес к тебе не только как к писателю, но и как к мужчине, то что же в этом плохого?.. Я бы гордился!..

Автомобиль остановился у опрятного двухэтажного дома с черепичной крышей.

— Вытряхивайся! — приказал Андрей.— У меня есть еще кое-какие дела... Я смотаюсь на часик в одно место, а потом вернусь за тобой, о'кей?..

Толик безропотно выбрался из машины и, еле волоча ноги, побрел к дому. Некоторое время он топтался перед дверью, не решаясь нажать кнопку звонка. А затем неожиданно сорвался с места и что было духу кинулся обратно.

— Пойми!..— Толик колотился об автомобильное стекло, как гигантский махаон, попавший в керосиновую лампу.— Я не могу туда идти!.. Это пошло и гнусно!.. В конце концов, у меня есть принципы!.. И у меня есть любимая женщина!..

Андрей, не глядя на Толика, нажал на газ. Автомобиль тронулся. Перед поворотом он насмешливо помигал Толику подфарниками и через несколько минут скрылся из виду.

— Какая же ты сволочь! — сказал Толик вслед автомобилю.— Я думал, ты товарищ, а ты сволочь!.. Сволочь и сутенер!..

*

...В огромной гостиной мадемуазель Кипренски, в окружении бронзы и хрусталя, зеркал и картин, Толик произносил пылкий монолог. Видимо, монолог изрядно затянулся. Хозяйка откровенно скучала и поглядывала на себя в зеркало. Толик это видел, но продолжал говорить, попутно обдумывая варианты вежливого бегства.

— Я ехал сюда с надеждой,— витийствовал Толик,— что местная русская диаспора отнесется ко мне ну если не с интересом, то хотя бы со вниманием!.. Где же еще искать пристанище вольному русскому слову, почти задушенному советской цензурой, как не здесь?.. И что же я вижу?..

— Сварить еще кофе? — участливо спросила хозяйка, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что же все-таки увидел Толик.

— Нет, спасибо! — Толик боялся пауз.— И что же я вижу?.. Я вижу на Западе ту же самую цензуру!.. Только не идеологическую, а финансовую!.. Русское зарубежье поражено цинизмом, прагматизмом и нравственной глухотой!.. А между тем именно русское зарубежье — это последняя надежда советского андерграунда!..

— Хотите что-нибудь выпить? — снова поинтересовалась хозяйка.

— Нет, спасибо! — Толик понимал, что перед ним ставят

шлагбаум, но продолжал отчаянно жать на газ.— Да, конечно, парижские издательства сделали для русской словесности чрезвычайно много.... Но ведь русская словесность не ограничивается одним Солженицыным!.. Есть и другие талантливые писатели!..

— Может, перенесем нашу беседу в спальню? — ровным голосом предложила хозяйка. У Толика пересохло в горле. Втайне он все-таки надеялся, что эта дурацкая пьеса обойдется без постельного эпилога.

— Да, конечно! — сипло выдохнул Толик. Хозяйка, раскачивая необъятными бедрами, двинулась в направлении спальни, гость некоторое время потоптался на месте, а затем обреченно поплелся за ней...

*

...Он вошел в спальню и замер на пороге. Мадемуазель Кипренски уже успела облачиться в розовый пеньюар и теперь лежала в белом мареве алькова, похожая на гигантский сливочный торт...

— Ну что же вы?.. — протяжно сказала мадемуазель Кипренски.— Или вы боитесь?.. Впрочем, правильно делаете, что боитесь!.. В постели я радикал!..

— А я — нет... — Толик предпринял мучительную попытку пошутить.— Я как раз очень умеренный... Может, поладим на компромиссе?..

Мадемуазель Кипренски молчала, глаза ее отливали хищной зеленкой. Толик понял, что ответа он не дождется, и, зажмурившись, стал стягивать с себя пиджак, рубашку, галстук...

*

...Андрей подъехал к дому мадемуазель Кипренски чуть раньше оговоренного срока. Толика на улице еще не было. Андрей посмотрел на освещенные окна, глянул на часы и, откинувшись на спинку сиденья, закурил...

*

...Толик уже топтался в прихожей, не зная, чем себя занять и потому в сотый раз поправлял галстук, когда мадемуазель Кипренски наконец вернулась из ванной. Сейчас она была без макияжа, и от нее пахло хорошим мылом.

— Вы уже уходите? — легко огорчилась мадемуазель

Кипренски.— Очень жаль, я бы хотела еще поболтать... Но будем надеяться, это не последняя встреча... Вы были очень милы!..

— Большое спасибо!..— ни к селу, ни к городу брякнул Толик.— Мне самому очень жаль... Но у меня масса дел... Кстати, вы ничего не сказали о моих рассказах...

— Ах, рассказы!..— мадемуазель Кипренски сосредоточенно нахмурила невысокий лобик.— Да, да, действительно... Я прочитала несколько ваших рассказов... Мне кажется, они не интересуют наших читателей...

— То есть как?.. — опешил Толик.— Мне говорили, что рассказы вам понравились!.. Вы же сами выразили желание их напечатать!..

— Не расстраивайтесь! — мадемуазель Кипренски ласково погладила Толика по щеке.— Ну, сколько вам заплатили бы за вашу публикацию?.. Ну, две, ну, три, четыре тысячи франков!.. Так вот вам пять тысяч — и забудем об этом!..

Она порылась в складках халата, достала оттуда увесистую пачку банкнот и, не считая, сунула Толику в карман. Пол поплыл у Толика под ногами. Он пришел в себя только когда оказался на лестничной площадке. Хозяйка приветливо улыбалась ему из дверного проема...

— Ах ты, тварь! — с ненавистью прохрипел Толик.— За кого же ты меня принимаешь?! За платного осеменителя?.. Да провались ты со своими франками!.. И запомни, русские писатели не продаются!..

Он с силой швырнул банкноты в дверной проем, но дверь успела захлопнуться раньше, и разноцветные бумажки разлетелись по всей лестничной площадке. Толик постоял, почертыхался, затем опустился на корточки и стал аккуратно собирать разбросанные им купюры...

*

...Обратно ехали опять же молча. Толик гневно пламенел глазами и курил сигарету за сигаретой. Андрей искоса поглядывал на Толика, но задавать вопросы не решался — можно было спровоцировать взрыв.

— Останови!..— внезапно приказал Толик.— Вот здесь, возле кафе!.. И не жди меня.. Я доберусь на метро!..

— Алкаш!..— Андрей сокрушенно покачал головой.— Или станешь алкашом... Так тебе никаких денег не хватит!..

— Успокойся! — зло усмехнулся Толик.— Сегодня я пью на свои!.. Это денежки заработаны честным трудом!..

Он вынул из кармана скомканный ворох купюр. Две из них выскользнули из пальцев и спланировали на сиденье.

Андрей подобрал их и протянул Толику.

— Оставь себе!..— мстительно съязвил Толик.— Проститутки обязаны делиться с сутенерами. Я правильно понимаю местные нравы?..

*

...Сквозь стекло кафе Андрей видел, как Толик примостился у стойки бара. Спустя несколько секунд перед ним появилась бутылка водки. Толик наполнил стакан до краев и осушил его в один прием. Он пил крупными жадными судорожными глотками, как измученный трехдневной жаждой бедуин, наконец-то добравшийся до колодца...

*

...Прислонившись к двери своей комнаты, чтобы хоть как-то задержаться в положении, приближенном к вертикальному, Толик сосредоточенно шарил по карманам, пытаясь отыскать ключи.

Из комнаты Сильви доносились женские голоса. Один из них — резкий, гортанный, хриловатый — принадлежал Долорес, другой — спокойный, мягкий, увещевающий — Сильви. Суть диалога Толик уразуметь не мог — женщины говорили на французском.

Так и не найдя ключей, Толик постучался в комнату Сильви и, не дожидаясь приглашения, толкнул дверь. Хозяйка комнаты и Долорес сидели на кровати, обнявшись. Долорес плакала в голос, Сильви пыталась ее утешить.

— Долорес получила письмо от Рикардо,— торопливо объяснила Сильви.— Он просит о помощи. Похоже, ему грозит длительное тюремное заключение. Хотя лично я не вижу, чем мы можем ему помочь!..

Долорес замерцала влажными глазищами, и с ресниц ее сочилась тяжелая слеза. Толик плохо усвоил смысл сказанного, но глаза Долорес сделали свое дело — он тут же втянул живот и выпятил грудь.

— Она просит тебя встретиться с друзьями Рикардо. Хорхе Гонсалес хочет провести акцию протеста, чтобы привлечь к судьбе Рикардо внимание общественности.

Долорес смотрела на Толика так умоляюще, что он, так и не взяв в толк, что от него добиваются, все-таки счел необходимым

утвердительно кивнуть. Долорес зашептала что-то на своем испано-французском и отпечатала на толиковой щеке звонкий поцелуй.

— Она говорит, что ты настоящий друг! Рикардо сообщил ей в письме, что ты известный писатель и твое участие в акции придаст ей большой резонанс!

Толик насупился, не зная, как реагировать на неожиданный комплимент, и снова кивнул: дескать, что есть, то есть, чего уж тут скромничать. На пороге Долорес обернулась и напоследок обожгла Толика взглядом цвета расплавленного гудрона...

— Прости, Толя...— обеспокоенно сказала Сильви, как только они остались одни.— Ты что, действительно собираешься участвовать в какой-то там акции протеста?..

— А почему бы и нет? — Толик беспечно пожал плечами.— Если Рикардо считает, что моя репутация может ему помочь...

— Какая репутация?..— Сильви смотрела на Толика с ужасом.— Ты здесь никто!.. У тебя нет даже статуса политического беженца!..

— Бороться за справедливость можно без всякого статуса!..— напыщенно ответил Толик.— Достаточно того, что я просто человек!..

— Но почему ты думаешь,— не унималась Сильви,— что, защищая Рикардо, ты борешься за справедливость?.. А что, если он и в самом деле обыкновенный террорист?..

— Я не знаю, кто он такой,— Толик начал раздражаться.— Но я знаю, что он человек идеи. А такие люди мне импонируют!..

— Господи! — всплеснула руками Сильви.— Но ты же сам говорил, что ты противник этой идеи!.. Что тебе отвратительно любое насилие!..

— Да, я против насилия!..— закричал Толик.— И в этом смысле их идея несовершенна!.. Но она объединяет людей!.. Посмотри, как горят у них глаза, когда они говорят о будущем человечества!.. Посмотри, как они простодушны, отважны и бескорыстны!.. Им плевать на деньги и на комфорт!.. Они хотят отдавать, а не хапать!.. А чего хочет Запад?.. Чего хочешь лично ты?.. Домик в Ницце?.. Миллиард в швейцарском банке?.. Ежегодный отдых на Гавайях?.. Ненавижу!.. Ненавижу ваши разговоры о башлях, ваши постные тусовки, ваши приклеенные улыбки!.. Ненавижу, ненавижу!..

— Толя! — вдруг тихо спросила Сильви.— А может быть, все проще?.. Может быть, просто тебя в детстве сильно переласкали?.. Может быть, мир и не виноват, что из тебя не получается Толстой?..

— Что ты сказала?..— Толик зашипел, как пригорающая

яичница.— Да кто ты такая, чтобы меня оценивать, дрянь?.. Ты всего лишь обычная потаскушка! Убирайся вон, я не желаю тебя видеть!..

— Я бы с удовольствием это сделала,— глухо и печально сказала Сильви,— но, к сожалению, я у себя дома. Если ты не желаешь меня видеть, может быть, прощай тебе самому?..

Толик поозирался, сообразил, наконец, где находится, и пулей выскочил из комнаты. С грохотом захлопнулась дверь. Сильви заплакала.

*

...Проснулся он поздно. Солнце уже стояло в зените. Толик еле оторвал чугунную голову от подушки и тут же увидел лежащий у изголовья розовый конверт.

Он долго и сосредоточенно вглядывался в прыгающие строчки, не умея сразу охватить их простой и пугающий смысл, а когда, наконец, это удалось, лоб его покрылся мгновенной испариной.

На крохотном листочке рукой Сильви было написано всего несколько слов: «Прощай. Я буду скучать по тебе. Видно, не судьба. Сильви».

*

Внизу, в холле, перепуганная мадам Лоран изо всех сил отбивалась от обезумевшего Толика.

— Где Сильви? — бился в истерике Толик.— Куда она уехала?.. У вас должен быть ее адрес!.. Или телефон!.. Она не могла исчезнуть просто так!..

— Мадам Лоран говорит,— послышался сзади знакомый голос,— что Сильви уехала сегодня ночью. Единственное, что она просила передать тебе, это письмо.

Толик обернулся. За спиной стояли двое — как всегда респектабельный, гладко выбритый, благоухающий дорогим одеколоном Андрей и малогабаритный господинчик в старомодном котелке и темных очках.

— Мадам Лоран говорит,— продолжал переводить Андрей,— что Сильви собиралась остановиться у своей подруги, пока не подыщет новую квартиру. Адреса и телефона подруги не оставила.

Толик, кажется, только теперь осознал, что произошло, и зарыдал — беззастенчиво, бурно, открыто, не стесняясь присутствующих. Андрей вынул носовой платок и принялся утирать ему

слезы. Толик, точно капризный ребенок, отворачивал физиономию в сторону и взбрыкивал руками, но Андрей терпеливо продолжал делать свое дело...

— Не драматизируй ситуацию!..— мягко уговаривал Андрей.— Ты здесь без году неделя!.. Ты даже не успел узнать ее как следует!.. А между тем в Париже полным-полно хорошеньких женщин!..

— Как ты не понимаешь!..— захлебывался Толик.— Я же люблю ее!.. Она была моей единственной отдушиной в этой газовой камере!.. Без нее я просто умру!..

— Будешь умницей — не умрешь! — Андрей подмигнул Толику и повернулся к господинчику в котелке и в очках.— Человечество не допустит твоей гибели. Вот у месье Леруа есть замечательная идея, как поставить тебя на ноги!..

Господинчик в котелке и в очках, услышав свою фамилию, молча и коротко поклонился. Вид у него был весьма экстравагантный и таинственный, если не сказать детективный. «Коровьев! — мелькнуло в голове у Толика.— Чистый Коровьев!..»

— Месье Леруа,— продолжал Андрей,— предлагает тебе свои издательские услуги. Ты можешь написать книжку, которая станет бестселлером. Серию психологических этюдов из твоей собственной жизни. Но название месье Леруа диктует свое: «Дневник стукача».

Толик оглушенно молчал. Он медленно переводил взгляд с Андрея на месье Леруа и обратно, силясь по их глазам понять, не ослышался ли он, а если не ослышался, то не шутка ли это...

— Дневник стукача? — раздельно переспросил Толик и сам поразился собственному голосу — он был пугающе чужой и словно доносился издалика.— А почему, собственно, стукача?.. Я к этой профессии, извините, не имею никакого отношения!.. Вероятно, месье Леруа меня с кем-то перепутал!..

— Да ты не задирайся!..— миролюбиво сказал Андрей.— Предложение, конечно, пикантное, но поверь, никто не хочет тебя уколоть!.. В конце концов, судьба у каждого складывается по-своему... Просто есть реальная возможность заработать приличные деньги!..

— Гадина!..— протяжно выдохнул Толик.— Ты украл у меня все — достоинство, самоуважение, любовь!.. Ты превратил меня в насекомое!.. Теперь ты хочешь украсть у меня последнее — покой!.. Я ненавижу тебя!.. Ты дьявол, дьявол!..

— Да, от скромности ты не умрешь!..— сокрушенно констатировал Андрей.— Ну какой же уважающий себя дьявол станет тратить силы на такую бесцветную моль, как ты?.. Я просто обыкновенный идиот, который надеялся, что тебе можно помочь...

— Нет, ты дьявол! — бешено заорал Толик. Он уже ничего не видел, ничего не соображал, ничего не чувствовал, кроме бесконечной, клокочущей, всепоглощающей ненависти. Перед глазами его, как в оптическом прицеле, прыгала переносица Андрея, ненавистная переносица, которую следовало немедленно разбить, раскрошить, расквасить, чтобы пришли, наконец, желанные покой и равновесие...

— Теперь я все понял!.. Ты специально окружил меня своими людьми, которые должны твердить мне, что я бездарь!.. Ты и Евпатий — вы вдвоем все это устроили!.. Вы хотели отомстить мне за Аглаю!..

Толик схватил с конторки мадам Лоран увесистое пресс-папье и замахнулся было на Андрея, но тот успел перехватить толикову руку, и пресс-папье с грохотом упало на пол. Андрей крепко ущепил Толика за подбородок и залепил ему несколько звонких пощечин. Толик мгновенно пришел в себя, в глазах появилось привычное плаксивое выражение. Подвывая, как больная собака, он бессильно опустился на колени.

— Я заплатил мадам Лоран еще за неделю!..— Андрей демонстративно швырнул на конторку несколько купюр.— Но это последнее, что я для тебя делаю. Дальше помогай себе сам!

Андрей и месье Леруа исчезли. Толик встал с колен и отряхнул брюки. Мадам Лоран пересчитывала деньги.

*

...Толик поднимался по лестнице. Впервые он почти физически ощущал, что дом пуст. Ушли куда-то кришнаиты со своими трещотками. Уехали лилипуты. Арестован Рикардо. Исчезла Сильви. А вот теперь ушел Андрей. Никого, никого... В опустевшем помещении, как муха в стакане, звенела тоскливая тишина.

Толик уже одолел последний лестничный пролет, когда на верхней лестничной площадке открылась дверь. На ярком свете Долорес казалась голой — халат просвечивал насквозь... Толик не удивился. Он знал, что здесь его ждут. Более того, он знал, что только здесь его и ждут. Сейчас это было единственное место на земле, где его, Толика Парамонова, хотели видеть...

*

...Едва за Толиком захлопнулась дверь, Долорес начала очередной монолог. Толик всегда удивлялся, как ей удается выговорить такое количество слов за такое короткое время. Она продолжала говорить и тогда, когда Толик снял с нее халат, и даже

тогда, когда он повалил ее на диван... Толик не прислушивался к монологу. Пафос его он понимал и без перевода — через каждое слово проскакивало: революция... Рикардо... Рикардо... революция...

— Да, да... — натужно бормотал Толик. Он явно поторопился с мизансценой и теперь, лежа в неудобной позе, силится расстегнуть брючный ремень. — Да, да... Дело Рикардо не умрет... Дело Рикардо будет жить в веках...

Наконец монолог окончился, рука Долорес потянулась к магнитофону, и в комнате на полную мощность загремела кумбия. Толик дернулся, как ящерица, готовая закопаться в бархан, но цепкие пальцы Долорес уже сдирали с него рубашку...

*

...Толик ополовинил стоящую на столе бутылку водки и теперь бесцельно слонялся по комнате, маясь внутренними монологами... Первым делом надо найти Сильви... Легко сказать, надо найти... Он даже не удосужился спросить, где она учится... А как быть с этой дурой Долорес?.. Ведь он же обещал ей поддержку... Кстати, не такая уже она и дура... Все-таки она человек идеи...

Делая очередной круг по комнате, он мельком глянул на себя в зеркало. Глянул и ужаснулся. Лицо пожилого упыря. Набрякшие веки. Глазные белки в частой сеточке кровяных прожилок. Стойкий апоплексический румянец на щеках... Нет-нет, нельзя глушить водку в таких количествах... Иначе можно надорвать сердце... А лечение здесь стоит дорого...

Зазвонил телефон. Толик кинулся к нему, сшибая стулья. Может это Сильви?.. Она добрая девочка, она не может долго обижаться... А, черт, как же он мог забыть, что полчаса назад заказал разговор с Москвой!.. Евпатий, дружок ты мой дорогой, ты сейчас единственный, кто может меня спасти!.. Только окажись дома, умоляю тебя, окажись дома!..

Толик цепко ухватил трубку, точно опасался, что она может выскользнуть у него из рук и сигануть под диван.

— Уи, уи!.. — Толик даже задохнулся, услышав заветное словечко «Моску». — Уи, мадемуазель! Я заказывал разговор с Москвой!.. — И после паузы продолжил уже по-русски. — Але?.. С кем я говорю?.. Это Парамонов из Парижа!.. Мне нужен Евпатий Воронцов!.. А когда он будет?.. Что-что?! — Толика бросило в жар. — Как это... арестован?.. Этого не может быть!.. А когда его... когда это случилось?..

В трубке продолжали говорить, но Толик уже ничего не слушал... Вот тебе и «чайник со свистком»... Ах, Евпатий, Евпатий!.. Вот теперь у Толика и впрямь никого не осталось...

Толик подошел к зеркалу и пристально взгляделся в своего двойника. Небритый угрюмец из зеркальной рамы смотрел на него с нескрываемым отвращением. Но где-то там, в глубине его зрачков пряталось и другое — ожидание и интерес: соврешь или не соврешь?..

— Прости меня, Евпатий!.. — глухо сказал Толик. — Прости, Аглая!.. Я все испущу, вот увидите!.. Умереть за свободу можно везде!.. Везде, не только в России!..

*

...Было шесть часов утра, когда на одной из улочек в Клиши появилась необычная процессия. Она медленно и торжественно двигалась мимо закрытых еще лавчонок, неся над собой колышущееся алое марево из флагов и транспарантов.

Во главе процессии шли Толик, Долорес и Хорхе. За ними следовало еще человек двенадцать. Молодые белозубые, с оливковой кожей, они были для Толика невыгодным фоном — в их окружении он выглядел, как внезапно воскресший покойник.

Время от времени кто-то из демонстрантов чуть приотставал, чтобы наклеить на стену очередную листовку. Листовок было великое множество, на каждой из них гневно пламенело: «Свободу Рикардо Фуэнтесу!..»

Демонстрация дошла уже почти до середины улицы, когда Хорхе вдруг коротким броском метнул в одну из витрин гранату. Грохнул взрыв, волна от него прокатилась по соседним витринам, в жилых помещениях со стоном осыпались окна, где-то пронзительно завизжала женщина...

Взрывы следовали один за другим. Неподалеку взвыла полицейская сирена. Несколько раз кряду сухо стрекотнул автомат. Демонстранты поспешно забрасывали улицу дымовыми шашками...

Толик уже не видел ни Долорес, ни Хорхе, глаза его слезились от едкого дыма, но он продолжал идти вперед, выставляя над головой, точно спасительную хоругвь, плакат с лозунгом по-французски: «Свобода или смерть!»

Полицейские машины выплыли из тумана буквально в десяти метрах от Толика, и теперь пялились на него цветными «мигалками», как аборигены чужой планеты — на неведомого земного пришельца.

Толик остановился. Дым оседал рваными клочьями, в белой пелене образовались зазоры, и теперь Толик отчетливо видел полицейских. Ему что-то крикнули в мегафон, он не услышал.

Все происходящее казалось Толику настолько неправдоподоб-

ным, что он даже не испытывал страха. Придавал уверенности и крохотный дамский пистолет, накануне подаренный ему Долорес. Пистолет лежал в кармане плаща, его опасный холодок Толик чувствовал даже сквозь одежду...

Толик поднял плакат повыше и крикнул по-русски: «Да здравствует свобода!.. Да здравствует революция!.. Да здравствует Рикардо Фуэнтес!..»

Он поперхнулся дымом, снова откашлялся и хотел было выкрикнуть что-то еще, но вдруг услышал за спиной легкий щелк затвора. Звук был близкий и внятный. Толик обернулся. Облокотившись на капот автомобиля, в него целился молодой полицейский. Толик хорошо видел его лицо. Анонимное лицо исполнителя. Этот не будет выкрикивать лозунги, он просто нажмет курок...

И тогда Толик выстрелил первым. Выстрелил прямо в это молодое красивое равнодушное лицо и увидел, как оно взорвалось кровью, расплылось, перестало существовать...

В тот же миг со всех сторон затрещали выстрелы, и Толик, стоя в центре круговой пальбы, даже не успел понять, что стреляют именно по нему.

Тело его содрогалось от выстрелов, а он все продолжал стоять, будто запретил себе падать, пока не получит ответа на последнюю свою догадку: неужели это он, Толик Парамонов, золотой медалист сто тридцать шестой московской школы, убит сегодня утром на улицах города, о котором мечтал всю свою жизнь?..

*

На экране сменялись фотографии. В темноте зала лениво переговаривались полицейские. Разговор шел, в основном, о житейских пустяках — сидевших в зале мало интересовало происходившее на экране. Лишь изредка возникал профессиональный комментарий.

Вот пятилетний Толик в панамке и в трусиках стоит рядом с огромной овчаркой. Дело, видимо, происходит на даче...

...Вот он же, только уже в пионерском галстуке, на первомайской демонстрации. Сзади улыбающаяся тетя Вера...

...Вот Толик в Артеке. Берет автограф у знаменитого авиаконструктора Туполева...

...Вот Толик — выпускник. Среди парадно выстроившихся одноклассников он отмечен чернильным крестиком...

...Вот он в обнимку с Евпатием и Аглаей. Все трое хохочут в объектив.

...Вот он с какой-то девицей в бикини на берегу моря. Сзади пытит катерок с отчетливым названием «Андрей Жданов»...

...Вот Толик целует Сильви. Это единственный его парижский снимок, сделанный расторопным Андреем...

...Нет, не единственный. Вот мертвый Толик на парижском асфальте. Один глаз, видимо, выбит, глазница залита кровью, другой, неестественно выпученный, удивленно смотрит прямо в камеру. Рука крепко сжимает древко плаката с надписью «Свобода или смерть». В отличие от прочих фотографий, любительских или просто поблекших от старости, эта выглядит на редкость четкой и выразительной. Делал профессионал.

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Удача	7
«Неужто не гложет вас чувство вины...» .	8
Апельсины цвета беж	8
Кукольный театр	9
Винтовка № 220339	10
Дюйм	11
Полицай	11
Ипподром	12
«Как мокрый куст сирени, тяжела...» .	13
Гурзуф	14
Компромисс	15
Гусарский марш	16
Мадьярская корчма	16
Провинциалка	17
Человек начинал говорить	18
Песенка старого дуэлянта	19
«Когда, обвенчанный с Удачей...»	20
«Я заметил, что за мной шпионят вещи...»	20
Память	21
Война	22
Мгновение тишины	23
Про Клавочку	24
Письмо Сергею Образцову	26
Двор	27
Первый снег	27
Июль 80-го	28
Записка на могилу	29
Високосный год	29
Суета сует	30
«В пятнадцать лет, продутый на ветру...» .	31
«О, не лети так, жизнь!..»	32
Пушин едет к Пушкину	33
Ревнуют к Пушкину	34

Дуэль	35
Дантес	36
Михайловское	36
Кюхельбекер	38
Пенсионеры	40
Анонимщикам	41
Баллада о труде, или Памяти графомана	42
Мотив Атиллы Йожефа	44

СТИХИ И ПЕСНИ ИЗ СПЕКТАКЛЕЙ И КИНОФИЛЬМОВ

Песни к спектаклю «Мартин Иден»

(По мотивам произведений Джека Лондона)

Баллада об упрямстве	49
Молитва моряка	50
Простите, мисс!	50
Песенка о возвращении	51

Песни к спектаклю «Театр Клары Газуль»

(По мотивам произведений Проспера Мериме)

Пролог	53
Бродячий театр	54
Песенка Клары Газуль	54
Песенка монаха	55
Песенка короля	56
Песенка о дуэлях	57
Песенка о мистификаторах	57

Песни к спектаклю «Когда-то в Калифорнии»

(По мотивам произведений Брет Гарта)

Песенка о дилижансе	59
Песня неунывающего ковбоя	60
Песенка провинциальной барышни	60
Песенка о бизонах	61
Песенка чиновника	62

Песни к кинофильму «Трест, который лопнул»

(По мотивам произведений О'Генри)

Песенка о ярмарке	63
Песенка зазывалы	64
Песенка о свободе слова	65
Песенка об игре	65
Песенка о собственных интересах	66

Зонги к спектаклю «Геркулес и Авгиевы конюшни»

(По пьесе Фридриха Дюрренматта)

Пролог	67
Оптимистический зонг	67
Зонг о дерьме, или Дискуссия в парламенте	68
Зонг Геракла	69
Зонг о парламенте	70
Зонг нового поколения	70
Нравоучительный зонг	71

ПЕРЕВОДЫ

(Из Аннаберды Агабаева)

Мечети Каира	75
Песня крестьянина	78
Казнь Насими (Из поэмы)	80

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Таганка-75

Евгений Евтушенко	87
Андрей Вознесенский	88
Роберт Рождественский	89
Белла Ахмадулина	91
Расул Гамзатов	92

Вариации на тему мультфильмов «Ну, погоди!»

Давид Самойлов	92
Белла Ахмадулина	93
Андрей Вознесенский	95
Юлия Друнина	96

Вариации на тему сказки Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха»

Булат Окуджава	97
Борис Слуцкий	98
Юрий Левитанский	99

СКАЗКИ ДЛЯ ТЕАТРА

Большая любовь Робин Гуда (По мотивам английского фольклора)	103
Про Федота-стрельца, удалого молодца (По мотивам русского фольклора)	143

ПОВЕСТИ ДЛЯ КИНО

Сукины дети. <i>Комедия со слезами</i>	197
Свобода или смерть. <i>Трагикомическая фантазия</i>	248

1

000000

000000

000000

**Филатов
Леонид Алексеевич**

СУКИНЫ ДЕТИ

*СТИХИ, ПЕРЕВОДЫ, ПАРОДИИ,
ПЬЕСЫ, КИНОСЦЕНАРИИ*

Редактор *М. Толмачева*
Художественный редактор *В. Суслова*
Технические редакторы *Е. Буряк, С. Терехова*
Корректоры *В. Ситнова, Л. Суркова*

Сдано в набор 7.09.92. Подписано в печать 28.10.92.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2.
Тираж 150 000 экз. Заказ 3116. С15

Редакционно-издательский отдел
полиграфической фирмы «Красный пролетарий»

Российский государственно-информационный центр
«Республика» министерства печати и информации
Российской Федерации.
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

А/О КУЗЬМИНКИ

А/О «КУЗЬМИНКИ» УТВЕРЖДАЕТ:

пользуясь выпускаемой им мягкой мебелью
и отдохнув на кровати
с отвечающим мировым стандартам матрасом
двусторонней мягкости,

ВЫ ПОЛУЧИТЕ ОГРОМНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

от книги Л. Филатова «Сукины дети».

ПОМНИТЕ:

Ваш комфортный отдых зависит от

А/О «КУЗЬМИНКИ»!

Наш адрес: 109518, Москва, 2-й Грайвороновский пр-д, д. 40а.

т. 171-25-04

171-26-67

телетайп: 207-119 «Декор»

(095) 171-25-67

STATE OF TEXAS

County of _____

